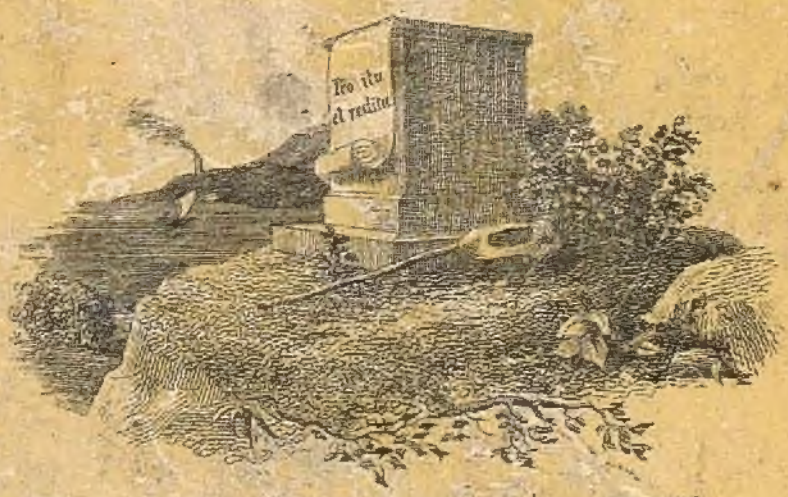
E 78/8 т. 3

Записки Русскаго Путешественника А. Глаголева.



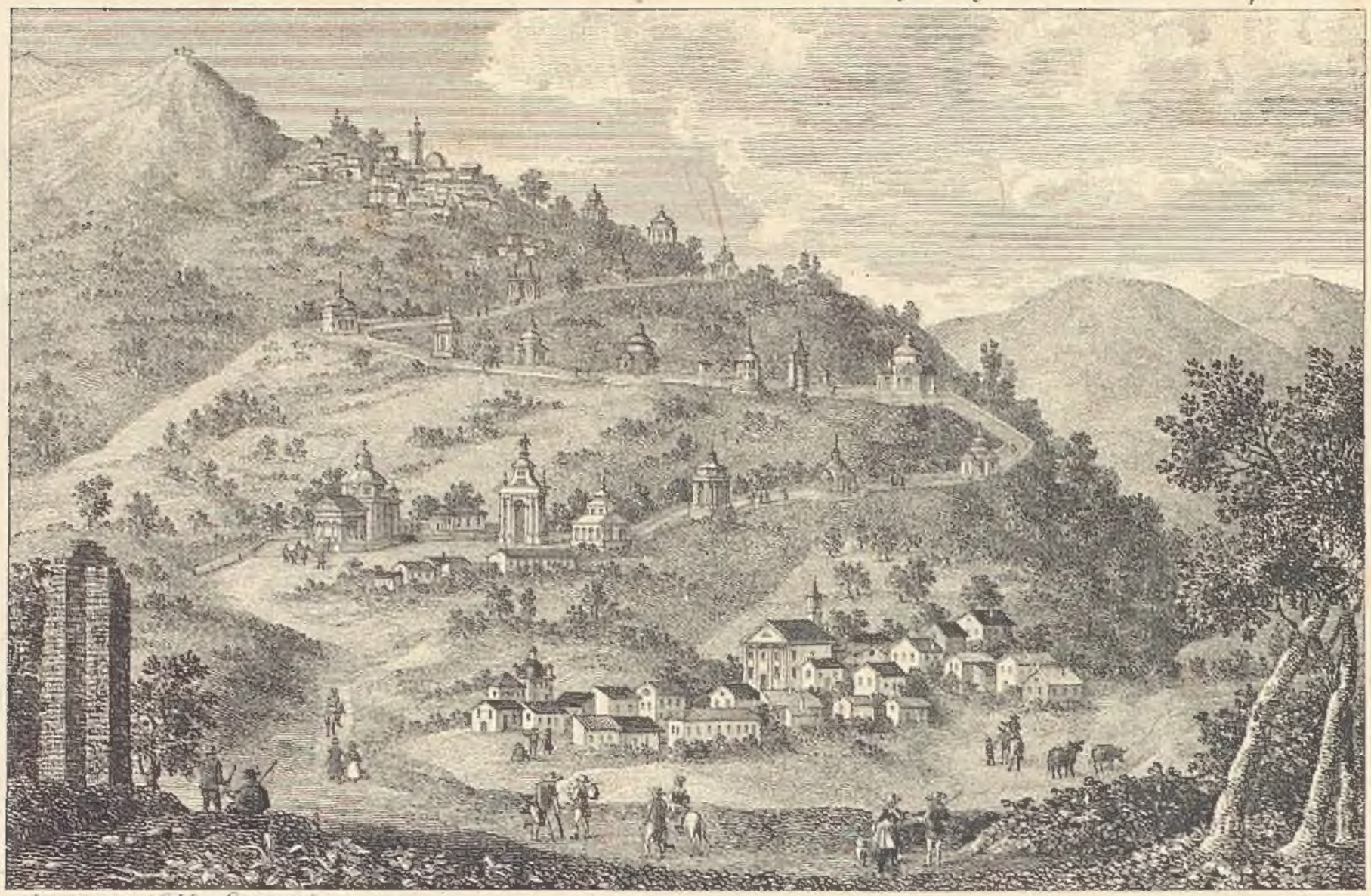
Часть IV. 4

III

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

Въ Литографіи Ив. Сленчева



Литограф. Ив. Селезнев.

ВИДЪ СВЯТОЙ ГОРЫ, БЛИЗЪ ВАРЕЗА.

ЗАПИСКИ

РУССКАГО

ПУТЕШЕСТВЕННИКА,

А. Глаголева,

съ 1823 по 1827 годъ.

ЧАСТЬ III.

Женева. Савоія. Верхняя Италія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, Апрѣля 6 дня 1835 года.

Ценсоръ Александръ Никитенко.

2007042772

ЖЕНЕВА, 1823—1825 года.

Положеніе города. Замѣчательнѣйшія улицы. Модные магазины. Портшезы. Террасса Трель. Ботаническій садъ. Островъ; гидравлическая машина. Плата за входъ и выходъ изъ города ночью. Маневры національной гвардіи.

Я остановился на *Живыхъ водахъ* въ домѣ Гренады, гдѣ и буду имѣть постоянную квартиру, можетъ быть, во все время моего пребыванія въ Женевѣ. Живыми водами называется одно изъ предмѣстій, простирающееся по лѣвому берегу озера. Названіе свое оно получило вѣроятно отъ свѣтлыхъ ручьевъ, бѣгущихъ съ ближняго холма, покрытаго прекрасными дачами, но, къ сожалѣнію, загораживающаго великолѣпную картину Альпійскихъ горъ.

Рона, съ яростію вырывающаяся изъ озера, раздѣляетъ Женеву на двѣ неровныя половины, изъ которыхъ главнѣйшая лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки, на вершинѣ холма, на крутыхъ его скатахъ и на ровномъ подолѣ. Параллельная Ронѣ улица, называемая Derrière le Rhône заключаетъ въ себѣ всѣ лучшія гостинницы, контору дилижанса и пристань Molard для судовъ съ грузомъ; вторая, извѣстная подъ именемъ *Низовой улицы* (Rues basses), проходитъ черезъ весь городъ съ сѣвера на югъ, и сообщается съ первою посредствомъ множества крытыхъ и темныхъ переулковъ, проведенныхъ подъ домами для удобства пѣшеходцевъ. Низовая улица достопримѣчательна по разнообразію магазиновъ, по безпрерывному на ней движенію и по уродливости своего устроенія. Домы высокіе и слитые подъ одинъ уровень только со стороны Роны перерываются тремя площадями. Крыши домовъ спускаются на нѣсколько саженъ въ видѣ навѣсовъ, поддерживаемыхъ деревянными столбами или, правильнѣе, сплоченными бревнами. Эти навѣсы, весьма справедливо названные однимъ Фран-

цузомъ каррикатурою Бернскихъ галлерей, заслоняютъ солнечный и дневный свѣтъ въ четвертомъ и третьемъ жильяхъ, и вообще даютъ улицѣ видъ мрачный. Нижніе этажи всѣ заняты магазинами съ разными товарами; суконныя и шелковыя издѣлія, галантерейныя вещи, моды, эстампы, хрустали и фарфоры разбросаны какъ бы съ намѣреніемъ, чтобы развлекать взоръ и вниманіе.

Магазинами завѣдываютъ, кромѣ мущинъ, женщины и дѣвицы; первыя, во время отсутствія покупателей, сидятъ за рукодѣльемъ, послѣднія занимаются чтеніемъ, списываніемъ нотъ или рисованьемъ. Между тротуарами и мостовою съ обѣихъ сторонъ тянутся ряды мѣлочныхъ лавокъ, построенныхъ наподобіе миніатюрныхъ домиковъ. Здѣшнее правительство имѣетъ намѣреніе уничтожить эти лавочки и разрушить навѣсы, остающіеся единственными памятниками нелѣпаго вкуса прошедшихъ столѣтій. Если это предположеніе приведется въ исполненіе, то можно будетъ въ собственномъ смыслѣ примѣнить къ низовой улицѣ слѣдующій девизъ Женевскаго герба:

„Post tenebras lux: послѣ мрака свѣтъ.“ Старожилы Женевскіе ропщутъ противъ предполагаемаго разрушенія лавокъ и въ особенности навѣсовъ, которые до сихъ поръ служили имъ неподвижнымъ зонтикомъ лѣтомъ отъ жара, а зимою отъ ненастья; напротивъ того молодые люди защищаютъ пользу этого нововведенія и даже сочинили пѣсню, въ которой заставили стариковъ оканчивать каждый куплетъ слѣдующимъ воплемъ: „helas! helas! les dômes à bas!“

Большая часть улицъ и переулковъ, расположенныхъ по скатамъ холма, имѣя основаніемъ своимъ низовую улицу и образуя различные тріугольники, сходятся передъ соборнымъ храмомъ Св. Петра или сосредоточиваются нѣсколько далѣе на площади Bourg de four. Изъ числа сихъ послѣднихъ въ градской улицѣ de la Cité и въ большой Grande-Rue помѣщаются модные магазины и конторы банкировъ. Параллельная сей послѣдней, называемая загуменьемъ, Derrière les Granges, гдѣ за сто лѣтъ передъ симъ еще находились житницы съ хлѣбомъ и гумны, нынѣ отличается устройствомъ домовъ

своихъ, стоящихъ на террассахъ, покрытыхъ садами. Вообще въ верхней части города живутъ люди или богатые или члены совѣта или принадлежащіе къ лучшему обществу; это дало поводъ одному Женевцу сказать, что степени благородства Женевскихъ гражданъ измѣряются лѣстницами: „Nos degrés de noblesse sont des éscaliers.“

Домы въ Женевѣ почти всѣ крыты черепицею; стѣны неокрашены и имѣютъ видъ мрачный; дворовъ очень немного. Окружность города, сжатая земляными укрѣпленіями, такъ мала, что въ 15 или 20 минутъ можно пройти его отъ одного конца до другаго. При томъ большая часть улицъ и переулковъ такъ тѣсны и круты, что употребленіе экипажей не только не удобно, но почти и невозможно. По этому шаровъ здѣсь мало, линѣекъ еще меньше, а кареты совсѣмъ не употребляются. Одни только портшезы, т. е. крытыя кресла съ дверцами, прикрѣпленныя къ носилкамъ, встрѣчаются нерѣдко ночью и особливо въ ненастное время. Старыя дамы, а часто и молодыя во всемъ своемъ нарядѣ садятся,

при выходѣ изъ дома, въ эти кресла и на парѣ нанятыхъ носильщиковъ, подобно древнимъ Римлянкамъ, отправляются на вечеринку, въ театръ и даже на балъ.

Трель есть одно изъ любимыхъ гульбищъ Женевскихъ, и особенно осенью и зимою; отъ того что оно лежитъ на южной оконечности холма и защищается домами отъ сѣвернаго вѣтра, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ бизы (la bise). Собственно Трель есть родъ террассы, осѣненной двумя рядами дикихъ каштановъ, съ которой видно вдругъ нѣсколько городовъ и множество деревень, принадлежащихъ кантону, Савоіи и Франціи. Всѣ эти ландшафты оцѣплены простирающимися въ видѣ полукружія горами Юрою, Вуашемъ и Салевомъ.

Подъ скатомъ террассы, на низкомъ и ровномъ лугу, находится *Ботаническій садъ*, богатый растѣніями разныхъ частей свѣта. Имъ завѣдываетъ знаменитый Декандоль, который преподаетъ здѣсь студентамъ академіи свои лекціи о ботаникѣ. Фасадъ оранжереи украшенъ бюстами естествоиспыта-

шелей: Тремблея, Боннета, Соссюра, Сенебье, Шабре и даже Жанъ-Жака Руссо, какъ автора одного небольшаго разсужденія объ этой наукѣ. Садъ открытъ для публики во всѣ дни, исключая воскресные и праздники. Посреди его находится бассейнъ съ водометомъ; съ одной стороны театръ, съ другой, на возвышеніи, домъ г. Эйнара, единственный въ цѣломъ городѣ по красотѣ зодчества и правильности вкуса. Рядомъ съ ботаническимъ садомъ и цвѣтникомъ Эйнара есть нѣсколько каштановыхъ аллей съ лужайками и холмиками. Не смотря на прохладу тѣней и на свѣжесть воздуха, напитаннаго благовоніемъ травъ и цвѣтовъ, Женевцы не любятъ этого гульбища, пробуждающаго воспоминанія мрачныя о революціи 1794 года, когда погибло здѣсь отъ неистовства черни около 300 гражданъ, — большею частію виновныхъ только въ томъ, что они принадлежали къ классу людей образованнѣйшихъ и, по образу мыслей своихъ, — благороднѣйшихъ. Къ сожалѣнію, насыпь, на которой сооруженъ былъ эшафотъ, до сихъ поръ не срыта, и даже вошла въ со-

ставъ сада, какъ одно изъ главнѣйшихъ его украшеній!...

Островъ, образуемый двумя рукавами Роны, имѣетъ 660 футовъ длины и отъ 200 до 240 широты. Прибрежные домы большею частію заняты банями, красильнями и разными заводами, имѣющими нужду въ водѣ. Между прочимъ находится здѣсь *гидравлическая машина*, снабжающая водою всѣ публичные и частные источники въ городѣ. Она состоитъ изъ двухъ бассейновъ, изъ которыхъ одинъ на 70, а другой на 130 футовъ выше Роны; каждый изъ нихъ наполняется посредствомъ четырехъ трубъ, проведенныхъ отъ поверхности рѣки и движимыхъ колесомъ, имѣющимъ 27 футовъ въ поперешникѣ. Въ обыкновенное время эта машина доставляетъ воды въ одну минуту около 400 кувшиновъ или 500 секстаріевъ Женевскихъ.

Въ кварталѣ *Сенжерве*, по правую сторону Роны, улица *Кутансъ* имѣетъ такіе же безобразные навѣсы съ деревянными столбами, какіе находятся въ Низовой улицѣ. На стѣнѣ храма Сенжерве сохранились имена

17 гражданъ, погибшихъ во время ночнаго нападенія герцога Савойскаго въ 1602 году. *Улица Святыхъ тѣлесъ* (des corps Saints) получила свое названіе, если вѣрить преданію, отъ того, что въ ней погребены Святые мученики Назаръ и Цельсъ.

Вокругъ города, во многихъ мѣстахъ, видны остатки прежнихъ каменныхъ стѣнъ; сверхъ того онъ имѣетъ еще вновь устроенныя земляныя укрѣпленія. Со стороны озера защищенъ сваями, а между ними всякой вечеръ, по захожденіи солнца, протягивается желѣзная цѣпь, такъ что суда, не успѣвшіе войти въ Рону, остаются на озерѣ до утра. При наступленіи ночи запираются вообще всѣ ворота Женевскіе, какъ водится въ укрѣпленныхъ городахъ. Хотя до 11 часовъ ночи не запрещаются ни входъ ни выходъ, но не иначе какъ съ платою пошлины, которая составляетъ значительный доходъ города. Обыкновенно пѣшеходцы платятъ, смотря по времени года, болѣе или менѣе су, а экипажи около одного или двухъ флориновъ. Съ 11 часовъ ночи до утра ворота могутъ

быть отворены только съ дозволенія военнаго Синдика.

Недавно были передъ крѣпостью маневры національной гвардіи; мнимый непріятель занялъ внѣшнія высоты артиллеріею; выстроилъ конницу и двигалъ безпрерывно пѣхоту; но послѣ жаркаго наприска, продолжавшагося около 3 часовъ, отраженъ былъ внутреннею стражею.

На самомъ же дѣлѣ опытъ доказалъ противное. Французы въ 1792 году заняли эту крѣпость безъ всякихъ съ ихъ стороны пожертвованій; равнымъ образомъ и оставили ее въ 1813 году, по приближеніи Австрійцевъ, въ самое короткое время. По исчисленію инженеровъ, Женева можетъ держаться противъ непріятеля только девять дней, при самомъ упорномъ сопротивленіи и при соблюденіи всѣхъ условій, предписываемыхъ для защиты.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Народонаселение Женевскаго Кантона. Дачи городскихъ жителей. Гора Салевъ. Альпійскій водоемъ. Горныя пещеры.

Въ продолженіе недѣли городъ постоянно бываетъ одушевленъ торговлею и движеніемъ, а съ наступленіемъ воскреснаго дня домы пустѣютъ и по улицамъ настаетъ глубокая тишина. Цѣлыя семейства, богатыя и бѣдныя, — негоціанты, художники и ремесленники, мущины и женщины, — всѣ переселяются въ окрестности и разсыпаются въ кантонѣ и внѣ кантона. Родственники и знакомые, собираясь въ ресторацiяхъ, раздѣляются на группы, заказываютъ обѣдъ, пьютъ вино, угощаютъ другъ друга и при расчетѣ каждый платитъ за себя. —

Женевскій кантонъ заключаетъ въ себѣ 37 общинъ (communes); изъ нихъ 15 составляли прежній его округъ, 16 присоединены

актомъ Вѣнскаго конгресса въ 1815 году отъ Савоіи и 6 отъ Франціи. Въ самой Женевѣ считается 25,000 жителей, и въ кантонѣ 19,000; все сіе народонаселеніе помѣщается на пространствѣ 12 квадратныхъ миль Швейцарскихъ, и слѣдовательно по 3578 на милю, которая равняется здѣсь 2313 $\frac{8}{10}$ Парижскихъ туазовъ или около 4 верстъ (*)

Красивыя дачи городскихъ жителей въ новомъ вкусѣ и старинные домы поселянъ разсѣяны почти по всему кантону; пустыя, ненаселенныя мѣста заняты садами, виноградниками, огородами и пастбищами. Вокругъ ихъ тянутся высокія каменныя стѣны въ видѣ укрѣпленій; въ садахъ и надъ дорогами стоятъ каштановыя деревья, живые памятники садоводства семнадцатаго столѣтія, когда они появились здѣсь въ первый разъ подъ именемъ Индѣйскихъ каштановъ. Мода и сухость здѣшней почвы способствовали въ то время къ повсемѣстному ихъ разведенію. Развѣсистыя ихъ вершины

(*) Одна верста 543$\frac{4}{7}$ туазовъ.

умѣряютъ жаръ, отражаемый каменными стѣнами; но вмѣстѣ съ сими послѣдними загораживаютъ окрестные виды и томятъ почти безпрерывно любопытство путешественника.

Ближайшая изъ горъ, окружающихъ Женевскій кантонъ, есть Большой и Малый Салевъ; она лежитъ въ $1\frac{1}{2}$ мили отъ Женевы, во владѣніяхъ Короля Сардинскаго, простираясь на 4 мили отъ сѣверовостока къ югозападу. Фасадъ ея, имѣющій около 500 саженъ высоты, состоитъ изъ скалъ известковаго бѣлаго камня, которыя поднимаются однѣ надъ другими въ видѣ террассъ, покрытыхъ кустарникомъ.

Въ первый разъ я былъ на Маломъ Салевѣ съ молодымъ графомъ Д... Оставивъ коляску въ деревнѣ Вуарье, мы пошли по узкой тропинкѣ pas de l'Echelle, получившей это названіе отъ одной крутой лѣстницы, вырубленной въ скалѣ надъ пропастью, и черезъ полчаса уже находились на площадкѣ жерла, отдѣляющаго Малый Салевъ отъ Большаго, подлѣ развалинъ замка, называемаго Ermitage. Исторія его теряется

въ неизвѣстности, но, кажется, онъ принадлежитъ среднимъ вѣкамъ, когда духъ времени ставилъ отшельничество въ числѣ великихъ подвиговъ самоотверженія. Стѣны замка еще уцѣлѣли, но потолокъ обрушился, помостъ засыпанъ камнями и поросъ крапивою. Надъ дверями сохранились слѣдующія слова: „Nasci, pati, mori. M. O. M. P. D. G. т. е. родиться, терпѣть, умереть.“

Замокъ *Эрмитажъ* стоитъ надъ большимъ утесомъ; внизу пѣнится Арва; вдали холмы съ мѣстечками, города и Женевское озеро; на западѣ длинная цѣпь Юры, на сѣверѣ хребетъ Іората, на югѣ Вуашъ, на востокѣ Воаронъ и Салевъ. Всѣ эти горы съ разныхъ сторонъ запираютъ тотъ огромный водоемъ, который, по мнѣнію Соссюра, нѣкогда весь былъ наполненъ водою отъ растаявшихъ внезапно снѣговъ Альпійскихъ. Гранитные отломки, величиной въ 20 и 30 квад. футовъ, которыми усыпана восточная сторона Салева, равно какъ и Юры, служатъ неоспоримымъ доказательствомъ бывшаго нѣкогда здѣсь страшнаго переворота. Полагаютъ, что отломки, совсѣмъ чуждые

составу этихъ горъ, занесены съ верхнихъ Альповъ, отстоящихъ отъ Салева на 12, а отъ Юры на 18 миль. Гранитовые камни встрѣчаются также въ большомъ количествѣ по теченію Арвы и въ Валлійскомъ кантонѣ, по направленію Роны. Одинъ изъ нихъ, извѣстный подъ именемъ *Питона*, о которомъ сказано было выше, заброшенъ въ нижнюю часть озера.

Невольно содрогаешься, когда воображаешь этотъ необычайный феноменъ природы,— этотъ фіалъ гнѣва Божія, излившійся въ потопъ. Цѣлыя рѣки падаютъ съ подоблачныхъ вершинъ, уносятъ съ собою утесы и образуютъ на сушѣ неизмѣримый океанъ; наконецъ стремленіе и напоръ воды разрываютъ толщу Юры и несутъ опустошеніе на отдаленныя равнины. Этотъ разрывъ, называемый нынѣ pas de l'Ecluse, служитъ доселѣ единственнымъ протокомъ для всѣхъ Альпійскихъ рѣкъ и ручьевъ, текущихъ здѣсь на западъ.

Недалеко отъ Эрмитажа находится въ горѣ достопримѣчательный гротъ или галлерея, углубленная отъ 20 до 30 футовъ, и

простирающаяся въ длину на 91 сажень; она имѣетъ наклоненіе къ сѣверу и съ передней стороны вся открыта. Соссюръ также приписываетъ ея образованіе наводненію.

Нѣсколько выше этого грота находится другой, подъ именемъ *Демоновой лазеи* (balme de Démon), вѣроятно такъ названный отъ опаснаго и почти совсѣмъ неудобоприступнаго въ него входа. Не имѣя въ виду никакихъ историческихъ свидѣтельствъ о построеніи самаго замка Эрмитажа, трудно разрѣшить вопросъ и объ этихъ гротахъ, устроены ли они природою или руками человѣческими. Въ Швейцаріи и въ Альпахъ встрѣчается множество подобныхъ гротовъ, изрытыхъ водою; впрочемъ памятники среднихъ вѣковъ доказываютъ, что и пустынники того времени часто занимались ископаніемъ пещеръ въ горахъ.

ФЕРНЕЙСКІЙ ЗАМОКЪ.

Положеніе и наружность замка. Спальня Вольтера. Портретъ Екатерины II. Памятникъ Вольтеру. Страсть его къ театру; пренебреженіе къ Женевской республикѣ; раздражительность противъ Іезуитовъ и Католическаго духовенства. Свиданіе Вольтера съ квакеромъ изъ Филадельфіи. Рѣшеніе вопроса: вѣровалъ ли Вольтеръ въ бытіе Бога. Благотворительность его къ бѣднымъ.

Изъ прочихъ окрестностей Женевскихъ я упомяну здѣсь только *о Ферне*. Это мѣстечко, прославленное долговременнымъ пребываніемъ въ немъ Вольтера, находится во Французскихъ владѣніяхъ, на дорогѣ въ Жесъ, на третьей грядѣ холмовъ, поднимающихся амфитеатромъ отъ озера къ горѣ Юрѣ. Замокъ, къ которому ведетъ небольшая аллея, лежитъ влѣво отъ дороги. Подлѣ воротъ съ лѣвой стороны стоитъ церковь съ слѣдую-

щею надписью: Voltaire erexit Deo (Вольтеръ воздвигнулъ Богу). Замокъ Фернейскій обращенъ фасадомъ не къ озеру и горамъ Альпійскимъ, какъ бы слѣдовало по направленію холмовъ, а къ церкви и аллеѣ, упирающейся въ Жесскую дорогу. Отъ сей ошибки въ положеніи, которую надобно приписать недоразумѣнію архитектора или прихотливому вкусу хозяина, онъ теряетъ всѣ великолѣпные виды окрестностей и самъ теряется изъ виду для всѣхъ окрестныхъ мѣстъ. Замокъ Фернейской не что иное, какъ низкій и продолговатый каменный домъ, состоящій изъ двухъ этажей и подвала (rez de chaussée). Почетное названіе chateau дано ему вѣроятно изъ уваженія къ его владѣльцу. Впрочемъ chateau у Французовъ и Schloß у Нѣмцевъ, которыя во времена рыцарей строились всегда съ башнями и огораживались стѣнами, нынѣ потеряли древнюю свою важность и не болѣе значатъ, какъ дворцы Малороссійскихъ пановъ; т. е. просто—помѣщичій домъ, нѣсколько уединенный и огороженный валомъ или стѣною.

Домъ Вольтеровъ стоитъ между дворомъ и садомъ; на дворѣ небольшой цвѣтникъ съ маленькимъ водометомъ во вкусѣ Швейцарскомъ.

Въ замкѣ я былъ съ Д. Н. С. Насъ встрѣтила служанка съ связкою ключей; отперла тотчасъ двери съ параднаго крыльца и ввела насъ въ переднюю и въ спальню Вольтера. Нѣсколько Вольтеровскихъ креселъ, деревянная (еловая) тапорной работы кровать съ балдахиномъ и съ остатками занавѣса составляютъ почти всю мебель спальни. Худые портреты Лекеня, Вольтера и Фридриха Великаго и лубочные эстампы Вашингтона, Франклина, Невтона и нѣсколько другихъ, развѣшенные по стѣнамъ комнаты, даютъ невыгодное понятіе, если не о вкусѣ самаго хозяина, по крайней мѣрѣ о вкусѣ его времени.

Отъ занавѣса остались одни только лоскутья; частію онъ оборванъ путешественниками, благоговѣющими къ памяти Фернейскаго философа, частію *вандалы Австрійскіе гусары въ 1814 году наложили на него свои святотатственныя руки.* Можетъ

быть гусары, подобно прочимъ просвѣщеннымъ путешественникамъ, оторвали нѣсколько лоскутковъ изъ одного только любопытства, для памяти или даже и изъ уваженія къ славѣ Вольтера: но Французы и въ журналахъ и въ книгахъ своихъ не иначе называютъ этотъ ихъ поступокъ, какъ *неслыханною дерзостію, вандализмомъ и святотатствомъ*, предоставляя однимъ себѣ право опустошать цвѣтущія страны Европы, грабить имущества частныхъ людей и общественные памятники художествъ, смѣяться надъ благочестіемъ и вѣрою народовъ, ругаться надъ самыми святынями. Читая подобныя выходки, невольно вспоминаешь судъ звѣрей высокаго звѣринаго совѣта въ прекрасной баснѣ нашего знаменитаго поэта. Медвѣди и волки, которые давили коней и душили овецъ, остались правы кругомъ, какъ бы ни въ чемъ не бывали: а смиренный волъ за то, что стянулъ клочекъ сѣнца, приговоренъ къ смертной казни.

Достопримѣчательнѣйшая рѣдкость въ спальнѣ есть шитый портретъ Екатерины II. Здѣсь увѣряютъ, будто бы онъ

работанъ собственными руками Императрицы и подаренъ Вольтеру въ знакъ уваженія къ высокимъ его талантамъ.

Рядомъ съ портретомъ стоитъ небольшая пирамида, воздвигнутая въ память Вольтера его друзьями. Надъ пирамидою оканчивающеюся его бюстомъ, написаны слѣдующіе стихи:

«Mes mânes sont consolés,
«Puisque mon coeur
«Est au milieu de vous.»

т. е. моя тѣнь утѣшена; ибо мое сердце посреди васъ.

Обожателямъ Вольтера не довольно показалось одной кенотафіи; они написали на пирамидѣ другую, не уступающую первой ни въ лаконизмѣ, ни въ приторной сентиментальности:

«Son esprit est partout
«Et son coeur est ici.»

т. е. „Его духъ вездѣ, а сердце здѣсь.“ Съ первымъ отчасти можно согласиться; потому что Вольтеръ, или какъ философъ или какъ поэтъ, имѣетъ почти вездѣ своихъ

поклонниковъ; но притязанія обывателей Ферне на его сердце едва ли могутъ быть основательны. По крайней мѣрѣ частыя переселенія его съ одного мѣста на другое служатъ доказательствомъ, что онъ нигдѣ не нашелъ себѣ отчизны. Онъ не могъ ужиться при дворѣ Фридриха II и перемѣстился въ Лозанну. Здѣсь онъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія одинъ загородный домъ, назвавъ его *прекраснымъ видомъ* (belle vue), по причинѣ развертывающихся передъ нимъ великолѣпныхъ и прелестныхъ картинъ природы. Но вскорѣ поссорился за что-то съ своими пріятелями Лозанскими и испросилъ дозволеніе у правительства Женевской республики поселиться подлѣ города въ одной мызѣ, которую онъ назвалъ Délices (утѣха) (*). Здѣсь сочинилъ онъ стихи на Женевское озеро, начинающіеся сими словами: „O maison d'Aristippe! O Jardins d'Epicure!"

(*) Въ протоколѣ совѣта 1 Февраля 1755 года сказано: «Le «sieur de Voltaire demande et obtient la permission d'ha«biter dans le territoire de la Republique, pour être plus «à portée du sieur Tronchin, son medicin.»

Черезъ два года наскучила ему Женева и онъ основался въ Ферне; наконецъ честолюбіе повлекло его въ Парижъ, и онъ оставилъ равнодушно мирную сельскую жизнь, чтобы насладиться торжественными кликами столицы и умереть на собранныхъ имъ лаврахъ.

Съ самаго начала, какъ мы вошли въ спальню, служанка хотѣла играть роль раскащицы и подбоченившись, съ важностію намъ сказала: Господа! извольте замѣтить, что здѣсь все остается въ такомъ же видѣ, какъ было при господинѣ Вольтерѣ."

А давноли онъ оставилъ Фернейскій замокъ?—

„Онъ? Давноли? Замокъ?„ — Однимъ словомъ: этотъ нескромный нашъ вопросъ привелъ было ее въ совершенное замѣшательство; но, къ счастію, подлѣ дверей стоялъ домашній Чичероне, который и воспользовался минутою, чтобы показать свои свѣдѣнія въ хронологіи. Господинъ Вольтеръ, сказалъ онъ, пріобрѣлъ себѣ помѣстье въ Ферне въ 1757, а отсюда переселился въ Парижъ въ 1777 году.

Этотъ чичероне показалъ также намъ мѣсто, гдѣ былъ домашній театръ Вольтера и аллею, въ которой онъ сочинялъ нѣкоторыя изъ своихъ трагедій и твердилъ свои роли. Вольтеръ, подобно Мольеру, Аристофану и Греческимъ трагикамъ, въ одно и тоже время хотѣлъ быть поэтомъ и актеромъ. Важная ораторская его декламація мѣшала тону комическому; за то въ трагедіяхъ, и особенно въ роли Лузиньяна, игра его была довольно блистательна.

Вольтеръ имѣлъ привычку наряжаться съ утра въ тотъ костюмъ, въ которомъ надобно было ему явиться на сцену. Въ такомъ странномъ нарядѣ онъ прохаживаясь однажды по аллеѣ, и занимаясь своею ролею, не примѣтилъ, что въ саду его работали два Савояра. Увлекаемый восторгомъ, онъ шелъ прямо противъ нихъ, дѣлалъ сильныя тѣлодвиженія и гремѣлъ страшнымъ голосомъ. Набожные католики, предубѣжденные издавна отцами Іезуитами, что въ Фернейскомъ замкѣ, въ образѣ имярека Вольтера, обитаетъ духъ вельзевулъ, — и видя передъ собою огромное чалмоносное чудови-

ще, выронили изъ рукъ свои орудія и бросились бѣжать изъ саду. Вольтеръ замѣтивъ наконецъ ихъ смятеніе и ужасъ, не могъ удержаться отъ смѣха, упрашивалъ ихъ остановиться, кричалъ имъ въ слѣдъ, что онъ не духъ, а человѣкъ; но благочестивые католики не вѣрили искусителю и, не оглядываясь, творили молитву: „Pater noster, — libera nos a seditioso (отче нашъ — избави насъ отъ лукаваго).“

Чичероне расказалъ намъ нѣсколько другихъ забавныхъ анекдотовъ о Вольтерѣ, собранныхъ имъ, вѣроятно, изъ книгъ и отъ старожиловъ Фернейскихъ.

Вольтеръ жилъ сначала въ Ферне очень открыто; но свободный доступъ къ нему имѣли только почетные иностранцы и особы знаменитыя по своей учености или талантамъ. Вообще кругъ его знакомства ограничивался болѣе высшимъ Женевскимъ обществомъ; граждане средняго класса, почитая себя обиженными этою неумѣстною въ республикѣ разборчивостію, называли его рабомъ тщеславія, растлителемъ нравовъ ихъ отечества и пр. Вольтеръ, узнавши о такихъ

на счетъ его отзывахъ, отвѣчалъ: „мнѣ стоитъ только тряхнуть мой парикъ и я засыплю пудрою всю республику: Quand je „secoue ma perruque, je poudre toute la Re„publique.“

Ничто не можетъ оправдать Вольтера въ его преступныхъ покушеніяхъ подрыть и потрясти основанія Христіанской вѣры, столь чистой по своимъ догматамъ, святой по своей древности и благодѣтельной по вліянію на нравственность рода человѣческаго. Вольтеръ имѣлъ слабые нервы и былъ весьма раздражителенъ; онъ не могъ равнодушно смотрѣть на лицемѣріе, фанатизмъ и политику Іезуитовъ и вообще Римско-католическаго духовенства того времени, употреблявшихъ всѣ средства къ распространенію духовной власти. Увѣряютъ, что воспоминаніе объ ужасахъ Варѳоломеевой ночи, въ которую пало столько жертвъ отъ кинжала изувѣровъ, и въ особенности возвращеніе этой ночи производило во всемъ его тѣлѣ дрожь и даже нѣкоторый родъ судорожныхъ движеній. Раздражительность, къ несчастію, есть болѣзнь всѣхъ людей,

получившихъ отъ природы излишнюю чувствительность. Она не подлежитъ порицанію, если имѣетъ источникомъ пламенную любовь къ справедливости и истинѣ. Но въ Вольтерѣ, кажется, нельзя предположить этого высокаго чувства; онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ одушевленъ былъ личною враждою и непреодолимымъ желаніемъ мщенія. Во всякомъ случаѣ упорное заблужденіе человѣка, называвшагося философомъ и не хотѣвшаго положить различія между изувѣрствомъ и ученіемъ откровенія, дышущаго кротостію и любовію, само по себѣ есть преступленіе, ничѣмъ не оправдываемое передъ судомъ строгой и нелицепріятной исторіи.

Характеръ Вольтера вполнѣ раскрывается изъ слѣдующаго анекдота, расказаннаго г. Симономъ въ его путешествіи по Швейцаріи.

Нѣкто Клавдій Ге (Gay), квакеръ изъ Филадельфіи, извѣстный своими богословскими сочиненіями, во время пребыванія въ Женевѣ пріобрѣлъ общее уваженіе своимъ умомъ, кротостію и простосердечіемъ. Воль-

теръ искалъ случая пригласить его къ себѣ; квакеръ долго отказывался отъ приглашенія и не прежде рѣшился посѣтить Фернейскій замокъ, какъ послѣ сильныхъ настояній друзей своихъ. Сначала онъ принятъ былъ хозяиномъ замка очень учтиво; но во время стола, за которымъ было также много и другихъ почетныхъ особъ, Вольтеръ началъ смѣяться надъ трезвостію своего гостя, потомъ надъ образомъ жизни ветхозавѣтныхъ патріарховъ и надъ самою исторіею ветхаго завѣта. Квакеръ, не обращая вниманія на первое, отвѣчалъ на возраженія противъ религіи съ важностію, свойственною этому предмету. Вольтеръ, раздраженный его спокойствіемъ, началъ возражать съ жаромъ; квакеръ продолжалъ разрѣшать и отражать возраженія съ стоическимъ хладнокровіемъ. Наконецъ философъ не могъ болѣе владѣть собою; губы его затряслись съ досады, глаза запылали гнѣвомъ. Квакеръ, замѣтивъ это, встаетъ изъ за стола и не измѣняя ни равнодушія, ни тона, сказалъ: „другъ мой Вольтеръ! со временемъ, можетъ быть, ты будешь болѣе располо-

женъ понимать сіи истины; въ ожиданіи, я оставляю тебя съ миромъ и Богомъ."—Послѣ этой сцены Вольтеръ скрылся въ своемъ кабинетѣ и, какъ справедливо замѣчаетъ Симонъ, онъ не могъ бы въ то время примириться съ своею совѣстію, если бы вспомнилъ написанные имъ же самимъ слѣдующіе прекрасные стихи.

A la religion discrétement fidele,
Sois doux, compatissant, indulgent, comme elle,
Et sans noyer autrui, cherche à gagner le port,
Qui pardonne a raison et la colère a tort.

Слѣдуетъ вопросъ, почитаемый отъ многихъ доселѣ не разрѣшеннымъ: вѣровалъ ли Вольтеръ въ бытіе Бога. Онъ зналъ, что общій голосъ духовенства и народа обвинялъ его въ безбожіи, и какъ бы въ оправданіе свое, возобновивъ въ Фернеѣ приходскую церковь, написалъ на ея фронтонѣ слова: Voltaire erexit Deo. Эта надпись во время Французской революціи была разрушена буйствомъ дикихъ ея вандаловъ, которые вмѣстѣ съ именемъ строгаго карателя преступленій, хотѣли изгладить и

самыя воспоминанія о поклоненіи ему рода человѣческаго. Вольтеръ какъ бы предвидѣлъ это, сказавъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „Безъ Бога, надобно было бы изобрѣсти Бога.“ Эта мысль извѣстна изъ основаній ума и природы: законъ ума требуетъ безусловно всему причины; въ природѣ вездѣ видны мѣра, число и порядокъ; слѣдовательно есть и распорядитель. Слѣдствіе логическое, — необходимость, которую умъ долженъ былъ бы допустить даже и въ такомъ случаѣ, когда бы не имѣлъ другихъ сильнѣйшихъ со стороны Откровенія доказательствъ. Вотъ какъ, мнѣ кажется, мыслилъ Вольтеръ.

Но вѣрнѣйшее зеркало его образа мыслей и чувствъ есть его поэзія. Въ Заирѣ, Альзирѣ и Генріадѣ спадаетъ маска софиста и онъ падаетъ съ благоговѣніемъ передъ Творцемъ своимъ; здѣсь сердце беретъ верхъ надъ гордымъ умомъ; скажу болѣе, здѣсь отвергшійся отъ своего Искупителя грѣшникъ льетъ втайнѣ слезы раскаянія.

Мнѣ возразятъ: „восторгъ поэта есть одно только слѣдствіе созерцанія идеала,

имъ же самимъ вымышляемаго.“ Справедливо; но идеалъ не можетъ быть изящнымъ, если онъ не имѣетъ основаніемъ своимъ истины. Допустивъ это, надобно согласиться, что и идеалъ религіи можетъ быть основанъ только на трехъ вѣчныхъ идеяхъ: вѣры; надежды и любви. А отыскать и постигнуть сіи идеи въ неизмѣримости вдохновеннаго созерцанія возможно только тому, кто носитъ ихъ образъ и подобіе во глубинѣ души своей.

Мы искали причины возстанія Вольтера противъ религіи и не нашли иной, кромѣ тщеславія, — слабости, къ несчастію, равно свойственной душамъ великимъ, какъ и мелкимъ. Опытъ доказываетъ, что люди, одаренные острымъ умомъ, весьма часто употребляютъ во зло сей даръ природы. Вольтеръ жаждалъ славы, узналъ врожденную склонность Французовъ къ сатирѣ и увлекаясь ихъ рукоплесканіями и шумными кликами, принесъ въ жертву ихъ легкомыслію и истину и святыню.

Не смотря на это тщеславіе, онъ оставилъ Фернейскимъ жителямъ память о сво-

ей благотворительности и состраданіи къ бѣднымъ. Онъ выплатилъ долгъ одного крестьянина, содержавшагося въ тюрмѣ за 7500 франковъ; другому, проигравшему свой процессъ въ Безансонѣ и жаловавшемуся на несправедливость людей, приведшихъ его въ разореніе, онъ вынесъ три мѣшка съ 3000 франковъ, сказавъ ему: „вотъ чѣмъ можно поправить неправосудіе правосудія.“ Изъ денегъ вырученныхъ имъ за комментаріи на Корнеля, онъ далъ 90,000 франковъ въ приданое внукѣ этого великаго поэта и потомъ 100,000 дочери ея дѣвицѣ Дюпюи.

Въ 1757 году (по другимъ въ 1759) когда Вольтеръ пріобрѣлъ въ Ферне помѣстье, въ этомъ мѣстечкѣ было только восемь хижинъ, а при отъѣздѣ его въ Парижъ, считалось уже около 80 домовъ и 1200 жителей. Онъ завелъ въ Ферне фабрики, часовую и горшечную, построилъ на свой счетъ фонтанъ и большую часть домовъ. Жители Ферней-скіе, въ знакъ признательности, изобразили на занавѣсѣ театра солнце съ слѣдующимъ девизомъ: lucet et ditat (свѣтитъ и обогащаетъ).

Оставляя Ферней и Фернейское эмблематическое солнце, мы невольнымъ образомъ увлечены были игрою солнца вещественнаго. Согрѣвъ и оплодотворивъ окрестности Женевы, оно готово было сойти за хребетъ Юры; но среди подернутыхъ тѣнью снѣжныхъ горъ Альпійскихъ лучи его еще переливались на челѣ Монблана въ видѣ яхонтовъ и изумрудовъ. Какой великолѣпный вѣнецъ для величественнаго Царя областей горныхъ! Эта картина превосходна и очаровательна, когда смотришь на нее съ холма, возвышающагося на дорогѣ изъ Ферне въ Женеву, между мѣстечками Большимъ и Малымъ Саконе.

ПОѢЗДКА ВЪ ШАМУНИ,

1825 *года Августа*....

Надпись Французской директории на фронтонѣ Католической церкви въ г. Шенѣ. Утесъ съ вертикальными слоями. Городъ Бонвиль. Савоярскія деревни; гумно и токъ подъ крышею домовъ. Бальмская пещера. Озеро Флейское на горѣ. Горное эхо. Арпинасский водопадъ. Мѣсто Римскаго города Дюнисси, поглощеннаго водою. Шедскій водопадъ. Шедское озеро. Развалины горы Аутерна. Черный водоскатъ. Памятникъ Датчанину Эшену, погибшему въ ледникѣ горы Бюета. Римская каменная мостовая. Анекдотъ о заколдованномъ кладѣ въ замкѣ Св. Михаила.

Путешествіе изъ Женевы въ Шамуни есть одно изъ самыхъ пріятныхъ и, можно сказать, самыхъ назидательныхъ по части геогнозіи, физики и натуральной исторіи. Дорога идетъ черезъ лежащіе по

берегамъ Арвы города Бонвиль, Клюзу, Саланшъ и деревню Сервосъ. Арва, подобно прочимъ горнымъ потокамъ, служитъ какъ бы единственнымъ путеводителемъ въ этомъ отдѣленіи Альпійскаго лабиринта.

Мы выѣхали изъ Женевскаго предмѣстія *Живыхъ водъ*, еще до восхожденія солнца. Черезъ полчаса были уже въ городѣ Шенѣ, котораго одна половина принадлежитъ Женевскому кантону, а другая королевству Сардинскому. Въ послѣдней есть довольно хорошая Католическая церковь, съ достопримѣчательною на фронтонѣ Латинскою надписью, хотя и полуизглаженною, но еще сохранившею полный смыслъ оффиціальнаго объявленія Французской Директоріи о томъ, что она признаетъ бытіе Всемогущаго Бога. Означаетъ ли эта надпись чистосердечное обращеніе Директоріи къ вѣрѣ или одну только политическую мѣру для обузданія буйнаго духа Французовъ,—во всякомъ случаѣ она служитъ доказательствомъ, что религія есть истина вѣчная, непреоборимая, предъ которою благоговѣютъ законъ, правда и самое лицемѣріе.

*

Съ плоской возвышенности, поднимающейся между Шеномъ и Бонвилемъ, видна на сѣверъ вся профиль Воарона, прямо пирамидальная гора Моль, а на югъ вся профиль Салева и юговосточная его сторона, усѣянная отломками Альпійскихъ гранитовъ (*).

Замки Мурнесскій и Эзерійскій, развалины Эрмитажа и разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ пастушескіе хижины сообщаютъ слабую жизнь обнаженному ландшафту Салева. На одномъ изъ уступовъ Моля лежатъ развалины Фосинійскаго замка.

Одинъ изъ утесовъ, примыкающихъ къ скату сей горы, достопримѣчателенъ вертикальнымъ расположеніемъ своихъ слоевъ,

---

(*) Я уже имѣлъ случай упомянуть о происхожденіи этихъ гранитовъ. Между ними достопримѣчательны три, вросшіе въ землю и поддерживающіе въ видѣ столбовъ одинъ огромный блокъ, имѣющій 14 футовъ въ длину и 15 въ ширину. Сей памятникъ стоитъ въ долинѣ, на довольно значительномъ разстояніи отъ горнаго хребта. Странное его образованіе дало поводъ думать, что онъ сооруженъ руками Друидовъ, или по крайней мѣрѣ, во время господства ихъ религіи, служилъ имъ мѣстомъ молитвы и жертвоприношеній.

которые не лежатъ, какъ обыкновенно, одни на другихъ, но поставлены какъ бы по отвѣсу. Это расположеніе, основанное на законѣ стремительности тѣлъ къ центру земному, почитается характерическимъ признакомъ первоначальнаго образованія земной поверхности и въ системѣ Альпійскихъ горъ встрѣчается только въ средней и самой возвышенной грядѣ ихъ.

Городъ *Бонвиль* при Французскомъ правительствѣ занималъ почетное мѣсто въ департаментѣ Леманскомъ, на ряду съ Женевою и Тонономъ. Въ немъ, какъ и въ двухъ послѣднихъ, имѣло пребываніе областное начальство. Зависѣвшая отъ него область простиралась въ верхъ по Арвѣ до самаго пріорства Шамуніійскаго. Бонвиль лежитъ при подошвѣ Моля на правомъ берегу Арвы и смотритъ прямо на стоящіе противъ него огромные утесы *Брезона*.

Гора *Брезонъ* составляетъ прямой уголъ передоваго Альпійскаго стана, который отъ югозапада вдругъ поворачивается здѣсь къ юговостоку и тянется въ видѣ вала или землянаго укрѣпленія, покрытаго въ разныхъ

мѣстахъ лѣсомъ и изрѣдка низвергающаго небольшіе водопады. Дорога въ Клюзу идетъ подлѣ сего хребта, по ровной, почти ни однимъ скатомъ непрерываемой долинѣ. Разсѣянныя по ней деревни представляютъ видъ мрачный; домы неопрятны и сжаты; подъ крышею домовъ помѣщается цѣлое гумно съ сѣномъ, съ жнивомъ и съ токомъ. Мы не могли удержаться отъ смѣха, увидѣвъ двухъ женщинъ, съ усиліемъ бившихъ маленькими цѣпами по разостланнымъ подъ кровлею дома снопамъ. Рукоятки ихъ цѣповъ имѣютъ одинакую длину съ цѣпинками. Что подумали бы эти Савоярки, смотря на нашихъ геркулесовъ — крестьянъ, когда они въ широкомъ раздольи, размахивая и ударяя въ тактъ огромными махинами, исторгаютъ свистъ изъ соломы и гулъ изъ тока.

Двѣ горы, стоящія надъ Клюзою по сторонамъ Арвы, составляютъ родъ воротъ, отворяющихъ входъ въ Альпійскій лабиринтъ. Дорога идетъ по правому берегу рѣки, сопровождаемой двумя горными хребтами. Одинъ изъ нихъ, простирающійся

надъ дорогою, представляетъ видъ стѣны, слитой изъ отвѣсныхъ утесовъ, изрѣдка прерываемой разщелинами и омываемой водопадами. Не въ дальнемъ разстояніи отъ деревни *Бальмы*, посреди утеса, видно отверстіе въ родѣ окна или дверей, ведущее въ *Бальмскую пещеру*. Эта пещера почиталась прежде жилищемъ волшебницъ и одного брадатаго и зубастаго козла, который будтобы кусалъ пятки всякому, кто только осмѣливался вступать въ нее. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія 12 самыхъ отважныхъ Савояровъ рѣшились войти въ нее съ частицами мощей и благословенными свѣчами. Съ того времени наважденіе нечистыхъ силъ изчезло и козелъ никого уже не кусаетъ. Бальмская пещера возвышается надъ долиною на 171 сажень и простирается въ гору на 620 шаговъ. Во внутренности ея есть разныя отдѣленія, похожія на залы, и посреди ихъ колодезь. Между Бальмою и деревнею Магланомъ, подлѣ вершины горы, называемой желѣзнымъ крестомъ, лежитъ озеро *Фленское*, содержащее окаменѣлыя устричныя раковины. Эти окаменѣлости, встрѣчаемыя на вы-

сотѣ 7032 футовъ надъ морскою поверхностію, принадлежатъ къ рѣдкимъ явленіямъ естественной исторіи.

Деревня *Магланъ* стоитъ посреди развалинъ обрушившагося въ 1776 году одного сѣро-мраморнаго утеса. Она славится игрою обитающаго въ сосѣдственныхъ горахъ эхо. Что бы имѣть понятіе о стокатахъ сей горной полунѣмой пѣвицы, надобно слышать выстрѣлъ изъ пушечки, которую Магланцы держатъ нарочно для любопытныхъ. Но здѣшнее эхо очень своенравно; оно ежегодно перемѣняетъ свое жилище, а нынѣшнимъ лѣтомъ совсѣмъ отсюда удалилось. Вѣроятно молчаніе его происходитъ отъ снѣжныхъ заваловъ или отъ растопившихся снѣговъ въ горныхъ, отражающихъ звуки, кувшинахъ.

Изъ водопадовъ, омывающихъ рядъ утесовъ на долинѣ Магланской, самый красивѣйшій есть *Артенасскій* (Nant d'Arpenas). Онъ падаетъ съ высоты 808 футовъ и, отдѣляясь отъ утеса, имѣетъ издали видъ полотна, колеблемаго вѣтромъ; посреди паденія встрѣчаетъ выдавшуюся скалу, раздробляется,

снова сливается и, расширяясь по мѣрѣ сгущенія противодѣйствующаго ему воздуха, наконецъ превращается весь въ пѣну и водяную пыль, далеко разносимую въ окрестностяхъ.

Великолѣпный *Монбланъ*, составляющій цѣль путешествій въ Шамуни, почти во все продолженіе дороги скрывается отъ взора путешественниковъ, какъ бы нарочно для того, чтобы возбуждать въ нихъ любопытство и нетерпѣніе. Онъ не прежде появляется, какъ уже по прибытіи въ Сен-Мартинъ и Саланшъ; но и отсюда видѣнъ только одинъ его куполъ (dôme du goute), блистающій яркою бѣлизною надъ свѣтлою зеленью ближайшихъ горъ.

Въ *Саланшѣ*, небольшомъ Савойскомъ городкѣ, мы оставили наши наемныя кареты и взяли горныя линейки, извѣстныя подъ именемъ chars-à-banc; отъ того что здѣсь оканчивается Женевское шоссе и начинается проселочная дорога, идущая по гористымъ мѣстамъ чрезъ дебри и овраги.

Между Альпійскими хребтами встрѣчаются часто гладкія и обширныя долины,

носящія на себѣ слѣды бывшихъ въ нихъ озеръ, водоемовъ и наводненій. Такова долина, простирающаяся отъ Саланша и Сен-Мартина въ верхъ по Арвѣ около семи верстъ (2 Франц. лье). Въ верхней части ея, тамъ гдѣ нынѣ деревня Шедъ, стоялъ городъ *Діонисія*, заключавшій въ себѣ Римскую колонію. Пространство и народонаселеніе его неизвѣстны; преданіе сохранило только память о постигшемъ его зломъ жребіи. Онъ поглощенъ весь прорвавшимся изъ Серносскаго водоема озеромъ, такъ что не осталось камня на камнѣ, ничего кромѣ имени.

Великолѣпный *водопадъ Шедскій* отстоитъ не далѣе, какъ на одну версту отъ Шеда. Утесъ, съ котораго онъ падаетъ, принадлежитъ къ цѣпи Варенса; но надъ нимъ и за нимъ ничего не видно, кромѣ горизонта. Огромная колонна воды льется какъ бы прямо съ неба, тянется полосою между зеленымъ кустарникомъ и низвергается въ оврагъ, осѣненный деревьями. Быстрота паденія этой колонны и сила кипящихъ въ оврагѣ водоворотовъ даютъ движеніе всей здѣшней картинѣ.

Мы не видали *порога Арвскаго*, но слышали его паденіе. Надъ нимъ устроенъ для пѣшеходцевъ мостъ, называемый козьимъ; по сторонамъ его стоятъ дикіе и живописные утесы; вѣтеръ разноситъ по окрестнымъ лѣсамъ и горамъ безпрерывный ревъ его.

Маленькое *Шедское озеро*, знакомое намъ по часто встрѣчаемымъ его ландшафтамъ въ Женевѣ, находится подлѣ самой дороги, ведущей въ Сервосъ. Среди отлогихъ зеленыхъ береговъ своихъ оно стоитъ, какъ полная чаша. На зеркальной поверхности его отражается величественный куполъ Монблана, свѣтлая зелень сосѣдственныхъ горъ, весь Альпійскій небосклонъ и вся красота поднебесная. Это озеро образовалось въ 1751 году паденіемъ скалы (*).

Далѣе дорога идетъ между развалинами горы *Аутерна*, разрушившейся въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1751 года. Она стояла на одномъ планѣ съ шпицеобразнымъ *Варенсомъ*, и вѣроятно высотою не уступала сему послѣднему, под-

(*) Недавно писано въ вѣдомостяхъ, что вновь оторвавшіяся скалы совсѣмъ завалили Шедское озеро, образовавъ на мѣстѣ его груду каменныхъ обломковъ.

нимающемуся надъ поверхностію морскою на 7,200 фут. Паденіе этой громады распространило ужасъ во всемъ здѣшнемъ краѣ; горные жители думали, что вся земля рушится въ основаніяхъ своихъ и ожидали только трубы небесной, чтобы предстать на страшный судъ. Тучи пыли носились болѣе недѣли надъ Альпами и долинами Піемонта. Король Сардинскій посылалъ изъ Турина особую коммиссію для развѣдыванія объ этомъ чрезвычайномъ явленіи.

Посреди этихъ насыпей и развалинъ пробивается горный потокъ, извѣстный подъ именемъ *чернаго водоската* (Le nant noir). Переправа черезъ него въ обыкновенное время не представляетъ никакой опасности; но послѣ дождей, онъ непроходимъ и неприступенъ.

Въ *Сервосѣ* у содержателя гостинницы (Этиеля) мы нашли очень хорошее и полное собраніе Альпійскихъ минераловъ. При выѣздѣ изъ сей деревни стоитъ небольшой монументъ, воздвигнутый для сохраненія памяти объ одномъ плачевномъ приключеніи на горѣ Бюетѣ. Молодой Датчанинъ Этенъ, извѣ-

стный въ Германіи переводомъ Горація, отправился на гору Бюетъ съ товарищемъ своимъ Зимменомъ и съ однимъ проводникомъ; но, увлекаемый любопытствомъ или нетерпѣніемъ, ушелъ отъ нихъ впередъ на нѣсколько сотъ шаговъ и, по прибытіи на ледникъ, вдругъ изчезъ въ одномъ изъ его отверстій. На другой день онъ найденъ былъ на днѣ ледяной пропасти, имѣвшей до 100 футовъ глубины. Начертанная на монументѣ эпитафія заключаетъ въ себѣ наставленіе молодымъ путешественникамъ, что бы они съ благоговѣніемъ приближались къ грозной Альпійской природѣ и не пренебрегали совѣтовъ своихъ путеводителей.

Нѣсколько выше Сервоса, переправясь на лѣвый берегъ Арвы, мы встрѣтили *каменную мостовую*, которой построеніе приписывается древнимъ Римлянамъ. Она сперва идетъ въ гору, потомъ по самымъ краямъ утесовъ, стоящихъ надъ горною рѣкою.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги, на возвышенномъ мѣстѣ стоятъ развалины замка Св. Михаила. Нашъ проводникъ расказалъ при этомъ зрѣлищѣ довольно забавный

анекдотъ, достопримѣчательный въ особенности по разительному сходству суевѣрія здѣшнихъ жителей съ баснями нашихъ крестьянъ. Содержаніе его слѣдующее.

Въ народѣ носилась молва о скрытомъ въ замкѣ Св. Михаила богатомъ кладѣ, положенномъ съ волшебными заклинаніями. Пользуясь этою баснею, одинъ Шамунійскій житель, бѣдный, но хитрый, сообщилъ за тайну богатому и скупому своему сосѣду, что онъ нашелъ бумаги, служащія ключемъ къ открытію клада. Въ нихъ описаны были подробно всѣ признаки мѣста, гдѣ зарыты сокровища, и способъ, какъ получить ихъ. Главное требованіе заключалось въ томъ, что бы ищущій клада прежде всего заплатилъ сатанѣ изъ наличныхъ своихъ денегъ подобающую пошлину. „Ну чтожъ, любезный мой сосѣдъ! сказалъ скупой послѣ короткаго раздумья; попробуемъ; попытка не бѣда; для сатаны у меня есть деньжонки; а что найдемъ, раздѣлимъ пополамъ.“ Хитрецъ притворился, будтобы онъ боится впасть въ искушеніе демона сребролюбія; а скупой доказывалъ ему, что всякой человѣкъ есть рабъ

страстей и грѣха, но что лучше быть грѣшникомъ богатымъ, нежели бѣднымъ? Деньги, говорилъ онъ, доведутъ насъ до Рима и до святой конгрегаціи Римской; мы удѣлимъ ей во славу Божію малу толику и святымъ ея заступленіемъ получимъ отъ святаго престола Петрова Indulgentia plenaria et perpetua.

Послѣ сихъ совѣщаній два сосѣда условились приступить къ опыту, не теряя времени, и съ наступленіемъ ночи уже были въ замкѣ. Сперва они занялись измѣреніемъ внутренней площади и отыскиваніемъ примѣтъ; потомъ бѣдный посадилъ богатаго на камень, обвелъ около него нѣсколько круговъ и приказалъ ему бросать черезъ плечо свои деньги; при чемъ строго запрещено ему было призывать на помощь святыхъ и творить молитву; что́ и исполнено скупымъ со всею точностію.

Эти посѣщенія продолжались до тѣхъ поръ, пока скупой признался, что у него уже вышло все серебро и золото. Тутъ открылось второе дѣйствіе комедіи. Два сосѣда отправились въ замокъ съ заступами и ломами, и начали разрывать мнимый кладо-

вой погребъ. Легко можно вообразить нетерпѣніе и безпокойство скупаго. Онъ вслушивался въ каждый ударъ лома; наконецъ ему почудилось, будтобы раздался звукъ металла. Въ эту минуту онъ смѣшался и, забывъ наставленіе своего товарища, какъ набожный католикъ, не могъ воздержаться, чтобы не призвать въ помощь святыхъ. „Что ты надѣлалъ, закричалъ грозно товарищъ, бросая свой ломъ; жадный корыстолюбецъ! Проклятый Іуда! Ну мѣсто ли и время ли молитвѣ? Души ты ею не спасъ, и для тѣла ничего не припасъ. Теперь собирай вмѣсто золота одни голые камни.“ Съ сими словами обманщикъ удалился и оставилъ одного скупаго продолжать безплодную работу. Такимъ образомъ все достояніе глупаго перешло въ руки хитраго; но первый,— присовокупилъ нашъ проводникъ,—долго еще оставался въ томъ убѣжденіи, что бѣдный сосѣдъ его разбогатѣлъ не на счетъ его золота, но посредствомъ клада, которымъ онъ будтобы одинъ воспользовался.

Нѣтъ сомнѣнія, что басни о кладахъ получили начало свое въ средніе вѣки, когда

въ Европѣ было всеобщее и повсемѣстное вѣрованіе въ волшебства, заклинанія и дѣйствія духовъ. Въ тоже время съ запада или съ востока онѣ занесены были и въ южную Россію; но у насъ не долго держались; смѣтливость Русскихъ крестьянъ скоро постигла ихъ нелѣпость и теперь о волшебныхъ кладахъ упоминается въ однѣхъ только сказкахъ; между тѣмъ какъ въ прочихъ частяхъ Европы, и особливо въ земляхъ католическихъ, до сихъ поръ имѣютъ въ нихъ большую вѣру. Изъ дѣлъ, производившихся и производящихся въ нѣкоторыхъ Швейцарскихъ кантонахъ, открывается, что тамъ составлялись для отысканія кладовъ цѣлыя многочисленныя общества и что каждый членъ этихъ обществъ обязанъ былъ вносить опредѣленную и часто весьма значительную сумму денегъ. Само собою разумѣется, что въ этихъ обществахъ, равно какъ въ масонскихъ и другихъ тайныхъ политическихъ, наживаются одни только главные члены, состоящіе обыкновенно изъ тонкихъ хитрецовъ и корыстолюбцевъ.

ШАМУНИ, 6 Августа.

Шамунійская долина. Вооруженная экспедиція Покока въ 1741 году для открытій въ здѣшнемъ краю. Вожатые, пользующіеся Европейскою извѣстностію. Освѣщеніе Монблана и смежныхъ горъ при захожденіи солнца.

Долину Шамунійскую можно сравнить съ проспектомъ или улицею, имѣющею въ длину около шести Французскихъ миль и омываемою во все протяженіе отъ сѣверовостока къ югозападу рѣкою Арвою. Одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій этой улицы есть *Монбланъ*, занимающій почти всю полуденную ея сторону. Противъ него стоятъ гора Бревенъ и рядъ такъ называемыхъ красныхъ пиковъ или обелисковъ (Aiguilles rouges). Монбланъ состоитъ изъ двухъ этажей: верхній весь покрытъ яркимъ снѣгомъ, нижній частію обнаженъ,

частію украшенъ лѣсомъ и пажитями. Раздѣляющіе его овраги наполнены огромными ледниками, нисходящими отъ снѣжной полосы до самой долины и изливающими изъ себя быстрые и шумные водоскаты.

Исторія и памятники, встрѣчаемые между Женевою и Шамуни, служатъ доказательствомъ, что эта долина извѣстна была древнимъ Римлянамъ. Въ средніе вѣки она принадлежала Женевскимъ графамъ; одинъ изъ нихъ въ 1099 году основалъ здѣсь даже и монастырь для монаховъ Бенедиктинскаго ордена; но по завоеваніи этого края герцогами Савойскими и по прекращеніи сношеній между Савоярами и Женевцами, столь долгое время питавшими взаимныя враждебныя чувства, долина Шамунійская совсѣмъ была забыта. О жителяхъ ея носились однѣ нелѣпыя басни, какъ о дикаряхъ, о варварахъ; и къ стыду просвѣщеннаго XVIII вѣка, почти до половины его и Французы и Швейцарцы смотрѣли на самый Монбланъ, какъ на чудо, стрегомое грифами; онъ не имѣлъ даже и никакого имени.

*

Не прежде какъ уже въ 1741 году, знаменитый путешественникъ Пококъ и спутникъ его Англичанинъ Виндамъ (Windham), отважились отправиться въ здѣшній край для открытій, но не иначе, какъ съ отрядомъ войска и даже съ нѣсколькими орудіями. По прибытіи въ долину, они ожидали нападеній со стороны дикихъ горцевъ и крайне удивились, увидѣвъ передъ собою вмѣсто непріятелей одного весьма тихаго человѣка, Шамуніійскаго пріора, вышедшаго къ нимъ на встрѣчу съ миромъ и благословеніемъ. Онъ старался ихъ увѣрить, что жители этой долины кротки, миролюбивы и ведутъ войну съ однѣми робкими ланями; но герои экспедиціи, повидимому, не вѣрили ни убѣжденіямъ служителя церкви, ни собственнымъ глазамъ, встрѣчавшимъ повсюду благоустройство гражданское; и подобно рыцарю печальнаго образа, приписывая все слышанное и видѣнное одному волшебству или по крайней мѣрѣ военной хитрости горцевъ, они во все время пребыванія въ Шамуни проводили ночи на бивуакахъ, освѣщенныхъ яркими огнями.

Первыя извѣстія объ этой экспедиціи сообщены были Европѣ въ Швейцарскомъ Меркуріѣ 1742 года. Въ послѣдствіи времени посѣтили Шамуніійскую долину знаменитый Соссюръ и ученый Женевецъ Бурри. Изданныя ими описанія Альпійскихъ горъ и ледниковъ Савойскихъ возбудили всеобщее любопытство и привлекли въ Шамуни путешественниковъ со всѣхъ сторонъ. Нынѣ число ихъ въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ простирается ежегодно отъ 4 до 5,000.

Въ мѣстечкѣ Шамуни есть три гостинницы: *городъ Лондонъ*, *Г-жи Кутеранъ* и *братьевъ Шарле*, которыя всѣ удобствомъ помѣщенія, опрятностію и гастрономіею не уступаютъ самымъ лучшимъ Швейцарскимъ. Мы остановились въ послѣдней. Первымъ дѣломъ нашимъ, по выгрузкѣ чемодановъ, былъ выборъ или наборъ проводниковъ; ихъ здѣсь такое множество, что дѣйствительно можно составить цѣлую фалангу. Многіе изъ нихъ знаніемъ своего дѣла и свѣдѣніями въ натуральной исторіи пріобрѣли уже, такъ сказать, Европейскую

извѣстность. Нѣкоторымъ присвоены наименованія окрестныхъ горъ, ознаменованныхъ какими либо ихъ подвигами; напр. Жакъ Бальма прозванъ *Монбланомъ*, потому что онъ первый съ докторомъ Паккаромъ въ 1786 году взошелъ на вершину Монблана; Жанъ Мишель Коша извѣстенъ подъ именемъ *Гиганта* (le Géant); онъ оставался съ Соссюромъ во все продолженіе дѣланныхъ имъ въ 1788 году на горѣ Гигантѣ физическихъ и метеорологическихъ наблюденій. Одинъ изъ ветерановъ Соссюра, въ продолженіе долголѣтней своей службы имѣвшій счастіе постоянно пользоваться особенною благосклонностію прекраснаго пола, заслужилъ почетное имя *Дамскаго* (Jacques Balma, dit des Dames). Нами избраны были Викторъ Шарле, Марія Карье и нѣсколько другихъ, всѣ равно вѣжливые, расторопные и довольно свѣдущіе въ минералогіи и ботаникѣ. Остатокъ вечера мы провели то въ разсматриваніи вечернихъ Альпійскихъ картинъ, то въ приготовленіяхъ къ предпринимаемому нами путешествію на гору Монтанверъ. Приле-

гающіе къ Монблану гранитные обелиски Дрю, ла Фуршъ, Шармосъ, Планъ и Полуденный теплились, какъ свѣчи. Послѣдніе лучи солнечные, переходя съ одного обелиска на другой, наконецъ загорѣлись разноцвѣтными огнями на снѣжной вершинѣ Монблана, какъ на послѣдней земной ступени, и исчезли въ эѳирномъ пространствѣ. Приготовленія къ горному путешествію и къ высокимъ зрѣлищамъ природы сами въ себѣ уже заключаютъ нѣчто высокое — пріятное, или, правильнѣе, онѣ сопровождаются какимъ то темнымъ смѣшеніемъ чувствъ удовольствія и страха, какъ ожиданіе великаго праздника.

ЛЕДЯНОЕ МОРЕ, 7 Августа.

Сегодня мы выступили въ походъ вмѣстѣ съ разсвѣтомъ. Нашъ отрядъ состоялъ изъ конницы и пѣхоты; дамы и кавалеры ѣхали на мулахъ, а по сторонамъ шли проводники, неся въ рукахъ длинныя жерди или посохи, оканчивающіеся копьемъ. Дорога пролегаетъ сначала черезъ лѣсъ и рощу, которыми покрыта нижняя часть Монтанвера, потомъ черезъ широкій оврагъ, имѣющій видъ жолоба, вырытаго паденіемъ снѣжныхъ и каменныхъ лавинъ. Этотъ переходъ прежде почитался весьма опаснымъ, по причинѣ зыбкости верхняго грунта горы. Составлявшіе его камни при малѣйшемъ шумѣ трогались съ мѣста и, цѣпляясь одни за другія, въ одну минуту приводили цѣлый

слой въ движеніе. Каменная туча стремилась по оврагу и несла на долину вырытыя съ корнемъ деревья и застигнутыя стада животныхъ. Хотя зыбкіе слои повидимому уже осыпались и нынѣшнее поколѣніе камней сдѣлалось нечувствительнымъ не только къ разговорамъ и шуму людей, но и къ пистолетнымъ выстрѣламъ; однако путешественники и сами вожатые доселѣ проходятъ черезъ это мѣсто молча, какъ бы изъ почтенія къ природѣ, оставившей здѣсь столь грозныя воспоминанія о своей силѣ.

За оврагомъ подлѣ *Кальетскаго* источника дается обыкновенно роздыхъ походнымъ отрядамъ. Здѣсь одна молодая дѣвушка предложила намъ цвѣты, землянику и сливки.

Далѣе мы поднимались по тропинкѣ, называемой хрустальною, извивающейся между нависшими камнями и крутыми скатами. Мулъ есть животное, какъ бы нарочно сотворенное для горной ѣзды. Имѣя лошадиный станъ и длинныя ослиныя уши, онъ соединяетъ въ себѣ силу коня съ терпѣніемъ осла. Шагъ его равно твердъ и вѣренъ, ко-

гда онъ взбирается на крутизны и когда идетъ по краямъ пропасти; но безпрерывныя излучины и повороты, дѣлающіе здѣсь верховую ѣзду безпокойною, принудили меня и нѣсколько другихъ кавалеристовъ спѣшиться. Это дало намъ случай испытать удивительное дѣйствіе легкости и благорастворенія горнаго воздуха; чувствуя въ себѣ какую-то новую силу и бодрость, мы не шли, а бѣжали въ гору болѣе часа безъ малѣйшей одышки и усталости.

Наконецъ мы ступили на вершину Монтанвера, имѣющаго 2568 футовъ высоты надъ долиною и 3724 фута надъ поверхностію морскою; бросили послѣдній взглядъ на отдаленныя деревеньки, разсѣянныя въ видѣ карточныхъ домиковъ по зеленой бархатной долинѣ и перешли въ новую область, освященную высокими зрѣлищами природы.

Передъ нами разстилалось *Ледяное море*, простирающееся отъ сѣвера къ Югу въ длину на 2 и въ ширину на $\frac{1}{2}$ Французской мили. Оно похоже на горное озеро, котораго огромные валы, гонимые бурею, вдругъ превратились въ ледъ и отдѣлились одинъ отъ

другаго глубокими расщелинами. На восточномъ берегу этого моря стоитъ величественный пикъ *Дрю*, превышающій гору Монтанверъ 5,832 футами. Съ двухъ сторонъ онъ имѣетъ совершенно правильную фигуру коническую: но передняя часть вся отрѣзана и представляетъ одну обнаженную отвѣсную стѣну. При подошвѣ горы *Періадъ* Ледяное море раздѣляется на два рукава; одинъ изъ нихъ идетъ къ юговостоку, другой къ югозападу. За этими рукавами стоятъ обелиски *Лешо*, *Большой и Малой Іорасъ*, *Такюль и Гигантъ или Маллетъ*, представляющій какъ бы остовъ одного изъ тѣхъ баснословныхъ исполиновъ, которые, возставъ войною противъ неба, были поражены перунами громовержца.

Во всей этой области не видно ни перелетной птицы, ни слѣдовъ горной лани; здѣсь нѣтъ инаго движенія, кромѣ разрушенія, ни другаго звука, кромѣ могильнаго гула, издаваемаго изрѣдка или трескомъ льдинъ, лопающихъ въ глубинѣ моря, или паденіемъ снѣжныхъ лавинъ съ горныхъ вершинъ.

Невольно содрогаешься, вслушиваясь въ эту мертвую тишину и видя повсюду вокругъ себя одни остатки того довременнаго хаоса, когда земля была еще незримою и неустроенною. Одна мысль, что стоишь на послѣднихъ и высочайшихъ ступеняхъ земли, пробуждаетъ въ душѣ сознаніе и ея слабостей и могущества. Кажется, боишься снова упасть въ пучину земныхъ помысловъ и влеченій—и въ тоже время чувствуешь въ себѣ присутствіе духа кормчаго, готоваго преплыть сей неизмѣримый океанъ, раздѣляющій землю отъ неба, чтобы достигнуть пристанища, лишь въ гаданіяхъ имъ постигаемаго, но отъ вѣчности для него предназначеннаго.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Группы горъ въ видѣ треугольниковъ. Образованіе ледниковъ; движеніе ихъ внизъ цѣлыми массами; измѣреніе пространства, занимаемаго ими между Монбланомъ и Тиролемъ. Предосторожности для путешествія по ледникамъ. Пастухъ — выходецъ изъ ледяныхъ пропастей. Талефрскій садъ посреди ледниковъ. Павильонъ на Монтанверѣ; книга друзей. Агвейронскій водоскатъ. Исторія братьевъ Шарле, пострадавшихъ отъ снѣгу и отъ Русскихъ.

Въ системѣ горъ Альпійскихъ достойно особеннаго примѣчанія ихъ расположеніе. Съ перваго взгляда всѣ онѣ кажутся сплошною цѣпью, протягающеюся въ одинакомъ направленіи; но, въ самомъ существѣ, такъ называемыя первообразныя горы, отдѣлялсь отъ этой цѣпи, составляютъ множество особыхъ группъ, которыхъ планъ и чертежи могутъ быть постигнуты только по дол-

гомъ и внимательномъ наблюденіи. Такъ знаменитый геологъ Соссюръ съ вершины Монблана замѣтилъ, что всѣ исчисленные выше обелиски, отдѣленные одни отъ другихъ ледниками и повидимому разбросанные безъ цѣли, образуютъ особый треугольникъ, обращенный основаніемъ своимъ къ Монблану. Горы Монцюкъ, Ларонь и прочія съ ними смежныя также имѣютъ форму похожую на треугольникъ, отдѣленный отъ Монблана ледникомъ Міажскимъ (de Miage). Не смотря на разнообразіе и неправильность формъ сихъ и другихъ подобныхъ группъ, всѣ онѣ сходствуютъ между собою въ строеніи уземовъ или слоевъ, которые почти всѣ перпендикулярны горизонту и имѣютъ направленіе отъ сѣверовостока къ югозападу.

Ледяное море и вообще *Альпійскіе ледники* принадлежатъ также къ рѣдкимъ явленіямъ природы. Они находятся въ долинахъ или оврагахъ, смежныхъ со снѣжными горами и въ такомъ климатѣ и поясѣ, гдѣ зима обыкновенно продолжается около девяти мѣсяцевъ. Наносимые вьюгами сугробы и

падающіе съ горъ лавины образуютъ множество снѣжныхъ толщей. Эти толщи въ теченіи лѣта осѣдаютъ, болѣе или менѣе растопляются и принимаютъ видъ кристалла темносиняго или свѣтлозеленаго. Поверхность и видъ ихъ опредѣляются качествомъ грунта, служащаго имъ основаніемъ. На ровномъ грунтѣ они сами похожи на равнину, имѣющую лишь небольшія разсѣлины; на покатомъ и бугристомъ они представляютъ видъ морскихъ волнъ, поднимающихся отъ 50 до 100 футовъ выше уровня и отдѣляющихся расщелинами въ нѣсколько футовъ ширины и болѣе 100 глубины.

Нижняя часть ледниковъ, упираясь въ согрѣтыя лучами солнца долины, въ продолженіе лѣта подвержена безпрерывному таянію. Отъ таянія связь и равновѣсіе льдинъ разрушаются, напоръ верхнихъ частей усиливается и происходитъ движеніе цѣлой громады ледника съ верху въ низъ, сопровождаемое по временамъ трескомъ, похожимъ на ружейные выстрѣлы.

Въ Альпійскомъ хребтѣ, заключающемся между Монбланомъ и Тиролемъ, считается около 400 ледниковъ. Изъ нихъ весьма немногіе имѣютъ въ длину одну Французскую милю и, напротивъ того, весьма многіе простираются на 6 и на 7 миль въ длину, на $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ въ широту и отъ 100 до 600 футовъ въ глубину. Примѣрно исчислено, что изъ однихъ этихъ ледниковъ можетъ образоваться ледяное море во 130 квадратныхъ Французскихъ миль. Какой богатый родникъ для пышныхъ Швейцарскихъ озеръ, для каналовъ, омывающихъ долину Ломбардскую, для огромныхъ рѣкъ, питающихъ Швейцарію, Францію и Германію!

Путешествіе по ледникамъ требуетъ навыка или большихъ предосторожностей. Въ особенности нужно вооружиться длиннымъ посохомъ и держать его подъ плечомъ въ горизонтальномъ положеніи, чтобы, при неловкомъ скачкѣ черезъ открытыя расщелины или въ случаѣ провала въ закрытые корою снѣга колодези, можно было повиснуть на этомъ посохѣ. Пренебреженіе этихъ предосторожностей сопровождается по большой

части несчастными приключеніями, сохраняющимися въ однихъ преданіяхъ горныхъ жителей. Между прочимъ расказываютъ объ одномъ Швейцарскомъ пастухѣ, упавшемъ въ ледяную пропасть на 100 или болѣе саженъ глубины. Вѣроятно по причинѣ косвеннаго положенія льдины, паденіе непричинило ему никакого вреда; къ несчастію, оно никѣмъ не было замѣчено и не оставляло никакой надежды на помощь. Ужасно сойти живому въ холодную могилу для того, чтобы встрѣтить въ ней медленную и мучительную смерть; но самая эта мысль, самое чувство отчаянія вложили въ пастуха новыя силы. Онъ замѣчаетъ вокругъ себя ледяныя галлереи, переходитъ изъ одной въ другую, вслушивается въ какой-то смѣшенный гулъ—и лучь жизни блеснулъ ему въ области смерти. Онъ приближается къ ручью, идетъ внизъ по его направленію, борется съ препятствіями и наконецъ на бурныхъ волнахъ потока выплываетъ въ родную долину, какъ выходецъ съ того свѣта!...

Черезъ ледяное море проложены двѣ тропинки по мѣстамъ, менѣе прочихъ подверженнымъ опасности: одна изъ нихъ склоняется на югозападъ къ горѣ Гиганту,—по ней въ первый разъ прошелъ въ 1787 году Бурри съ своимъ сыномъ; другая ведетъ въ знаменитый *садъ Талефрскій*, называемый по Савоярски *Courtil*. Она пролегаетъ черезъ крутый утесъ извѣстный подъ именемъ *Куверкля*, имѣющаго на вершинѣ своей богатую пажить. Самый садъ находится посреди ледника Талефрскаго на круглой скалѣ и представляетъ прелестную лужайку, испещренную цвѣтами и огороженную почти со всѣхъ сторонъ ледяными террасами.

На вершинѣ Монтанвера построенъ г. Депортомъ (Desportes), бывшимъ Французскимъ резидентомъ въ Женевѣ, маленькій каменный павильонъ съ надписью на фронтонѣ: A la Nature. Въ ненастное время онъ служитъ убѣжищемъ посѣтителямъ, которые могутъ обогрѣться передъ каминомъ и подкрѣпить себя сливками или сыромъ, доставляемыми сюда двумя живущими вблизи

пастухами. Здѣсь также есть альбомъ, называемый книгою друзей: Livre des amis. Въ него вносятъ путешественники свои имена, наблюденія или чувства, возбужденныя въ нихъ зрѣлищемъ природы. Англичане обыкновенно пишутъ здѣсь по-Англійски, Нѣмцы по-Нѣмецки; Греки по-Гречески, Азіатцы по-Азіатски; одни Русскіе по-Французски, какъ бы желая этимъ причесться въ родню Французамъ. На нашемъ отечественномъ языкѣ я нашелъ только двѣ или три пробы; но одна изъ нихъ принадлежала бывшему моему товарищу по университету, нынѣ посвященному въ таинства дипломатіи, Д. Н. С—ву. Какая пріятная и неожиданная встрѣча послѣ долгой разлуки, въ странѣ чужой, въ храмѣ природы, передъ книгою друзей!

По возвращеніи съ Монтанвера мы ѣздили смотрѣть Арвейронскій водоскатъ. Онъ выливается изъ ледника des Bois и образуетъ въ нижней части его огромную пещеру съ ледяными сводами, измѣняющими безпрерывно свою форму и величину по временамъ года. Истокъ Арвейрона предста-

вился намъ въ великолѣпномъ видѣ, весь освященный лучами проглянувшаго изъ за тучи солнца и украшенный пышною радугою.

Ужинъ за общимъ столомъ въ этотъ вечеръ былъ самый веселый и шумный. Говоруны наперерывъ расказывали о дневныхъ своихъ приключеніяхъ на горахъ, ледникахъ и въ оврагахъ. Особенное вниманіе наше обратили здѣсь сами хозяева гостинницы, *братья Шарле*. Имъ какъ бы на роду было написано обоимъ пострадать отъ снѣгу и отъ Русскихъ. Старшій изъ нихъ, по завоеваніи Савоіи Французскою республикою, попалъ въ число конскриптовъ. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ Наполеоновыхъ; личною храбростію своею дослужился до капитанскаго чина и въ этомъ званіи раздѣлялъ всѣ ужасы большой Наполеоновой арміи во время ея бѣгства изъ Россіи. Другой братъ его совершилъ другаго рода походъ; онъ сопровождалъ нашего доктора г. Г—я на вершину Монблана. Въ этой экспедиціи двое проводниковъ совершенно погибли, увлечен-

ные лавиною въ бездну, а третій г. Шарле, успѣвшій вонзить свой заостренный шестъ въ снѣгъ, былъ задѣтъ только однимъ крыломъ ея, которое впрочемъ разрѣзало ему лобъ и оставило на немъ навсегда глубокій рубецъ. Г. Шарле жалуется на несговорчивость нашего путешественника; онъ и прочіе проводники, по извѣстнымъ имъ примѣтамъ, предвидѣли скорое паденіе лавины, но не могли отклонить своего героя отъ твердо принятаго имъ намѣренія. Г. Г—ь, приписывая ихъ чуткость одной трусости, расщекоталъ ихъ неумѣстное самолюбіе, за которое такъ дорого они заплатили. Это трагическое происшествіе было причиною, что означенная экспедиція возвратилась въ Шамуни, не достигнувъ своей цѣли. Хотя г. Г—ь и объявилъ всему ученому міру въ журналахъ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ, что былъ на самой вершинѣ Монблана и взялъ оттуда его камень для ученыхъ своихъ изслѣдованій; но вѣроятно сія орографическая ошибка произошла отъ оптическаго обмана, почти всегда сокращающаго горную перспективу. По увѣренію г.

Шарле, они не только не были на вершинѣ Альпійскаго великана, но едва достигли скалы, образующей лѣвое плечо его, называемое иначе у Соссюра Le second éscalier du Mont-blanc.

8 числа мы намѣрены были продолжать наше путешествіе на мулахъ чрезъ Сентъ-Бернаръ и Валлійскій кантонъ; но проливной дождь и сырой туманъ принудили насъ возвратиться въ Женеву прежнею дорогою.

ВѢРОИСПОВѢДАНІЕ ЖЕНЕВЦЕВЪ.

Кальвиново ученіе, исповѣдуемое Женевскими гражданами, водворилось здѣсь съ половины XVI столѣтія. Неопредѣленное въ своихъ основаніяхъ, оно съ теченіемъ времени подвергалось частымъ и значительнымъ

измѣненіямъ. Эти измѣненія относятся болѣе къ спорнымъ вопросамъ о благодати, предопредѣленіи и первородномъ грѣхѣ. Увѣряютъ, что въ новомъ переводѣ библіи, изданномъ въ 1805 году, есть также очень важныя отступленія отъ прежняго перевода, и особенно гдѣ говорится о Божествѣ Спасителя. Нынѣ большая часть Женевцевъ примѣтнымъ образомъ склоняются къ Аріанизму; въ чемъ обвиняется и профессоръ Богословія здѣшней Академіи, г. Ш..., славящійся своею ученостію и витійствомъ. Онъ проповѣдуетъ эту ересь даже и въ своихъ лекціяхъ, какъ объявилъ одинъ изъ учениковъ его въ недавно изданномъ имъ полемическомъ сочиненіи.

Для послѣдователей Кальвинова ученія, которое почитается здѣсь господствующимъ, есть въ самомъ городѣ четыре храма: 1) Каѳедральный Св. Петра, 2) Св. Магдалины, 3) Новый храмъ и 4) Св. Жерве. Древнѣйшій изъ нихъ есть Соборъ Св. Петра съ двумя готическими башнями и съ довольно красивымъ фасадомъ Коринѳскаго ордена, пристроеннымъ въ прошедшемъ столѣтіи. По-

лагаютъ, что этотъ храмъ сооруженъ на мѣстѣ капища *Беленова;* въ числѣ бесѣдъ *Авита*, архіепископа Вьенскаго и митрополита Женевскаго, умершаго въ началѣ VI вѣка, осталась даже одна рѣчь, говоренная на освященіе его.

Во время реформаціи истреблены были въ этихъ храмахъ всѣ памятники святыни: придѣлы, олтари, жертвенные сосуды. Нынѣ нѣтъ въ нихъ никакихъ украшеній и даже нѣтъ главнаго знаменія христіанской вѣры: Распятія.

Кальвинъ уничтожилъ всѣ церковные праздники, исключая воскресные дни. Сіи послѣдніе, по крайней мѣрѣ по наружности, сохраняются еще доселѣ въ почтеніи; такъ что во время богослуженія, отправляемаго въ девятомъ часу утра и въ пятомъ по полудни, запираются всѣ городскіе ворота, чтобы стукъ экипажей не развлекалъ молящихся.

Богослуженіе состоитъ изъ *псалмопѣнія*, совершаемаго всѣми присутствующими,—изъ *молитвы*, читаемой пасторомъ и говоримой имъ *проповѣди*. Псалмопѣнію учатся всѣ мущи-

ны и женщины съ дѣтства въ народныхъ школахъ. Содержаніемъ проповѣдей бываютъ исключительно предметы нравственные и даже политическіе, имѣющіе цѣлію сохраненіе гражданскаго единодушія.

Во время богослуженія между мущинами примѣтны разсѣянность, усыпленіе и холодность. Они сидятъ съ покрытою головою, развалясь въ своихъ скамьяхъ, и даже протянувъ ноги на другія скамьи, передъ ними стоящія. Столь явное пренебреженіе къ мѣсту ничему иному не можетъ быть приписано, какъ обнаженности храмовъ и отсутствію обрядовъ, могущихъ, посредствомъ своего благолѣпія, поддерживать въ народѣ напряженное вниманіе и благоговѣніе. Сами пасторы жалуются на неосторожность своихъ реформаторовъ, которые, составляя какую-то трансцендентальную религію, забыли, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, и что душа не можетъ бодрствовать, не подчинивъ себѣ тѣла.

Первымъ духовнымъ ораторомъ считается здѣсь г. Ш.... профессоръ богословія. Увѣряютъ, что онъ нарочно ѣздилъ въ Па-

рижъ учиться у Тальмы искусству произношенія рѣчей; но, подобно прочимъ ученикамъ этого корифея Французскаго театра, онъ перенялъ у него не искусство, а только нѣкоторыя привычки; напр. распинаніе и трясеніе рукъ, которое часто дозволяетъ себѣ Тальма въ сильныхъ страстяхъ. Пасторъ мѣстечка Вандёвра, находящагося верстахъ въ пяти отъ Женевы, вишійствомъ своимъ также привлекаетъ много слушателей. Онъ отличается пріятною наружностію, чистотою органа, скромными и приличными тѣлодвиженіями и, что́ всего важнѣе, теплотою Евангельскаго чувства.

Сверхъ упомянутыхъ храмовъ, въ Женевѣ есть еще одинъ Лютеранскій, одна кирка Англиканскаго обряда и одна Римскокатолическая церковь. Всѣхъ католическихъ приходовъ въ кантонѣ 21 и одинъ въ правительственномъ городѣ. Р. католики водворились здѣсь только съ 1803 года, получивъ въ завѣдываніе свое и оставшійся еще отъ временъ реформаціи, прежній ихъ храмъ Св. Жерменя. Основавшаяся здѣсь съ недавняго времени секта методистовъ также имѣетъ

свою каплицу въ одномъ изъ предмѣстій, равно какъ и Евреи свою синагогу въ городѣ Каружѣ.

Предписываемая законами республики, терпимость исповѣданій на дѣлѣ соблюдается здѣсь очень не строго. Въ особенности остается какая-то закоренѣлая вражда между реформатами и католиками. Недавно студенты здѣшней академіи публично осмѣяли и освистали Фрибургскаго Р. к. епископа, носящаго древній титулъ Женевскаго и Лозанскаго,— пріѣхавшаго сюда для епархіальнаго обозрѣнія; а въ городѣ Шенѣ толпы буйныхъ гражданъ дозволили себѣ дерзость смѣшать и остановить церковную Р. католическую процессію.

Подобною или еще сильнѣйшею ненавистію реформаты преслѣдуютъ методистовъ, называемыхъ ими саркастическимъ именемъ *Momiers* (отъ momus, momar шутъ). Методисты имѣютъ обыкновеніе въ воскресные дни по вечерамъ собираться въ градскомъ молитвенномъ домѣ для чтенія Библіи; въ одно изъ сихъ чтеній (въ Октябрѣ 1825 года) произошло большое вол-

неніе въ народѣ передъ этимъ домомъ; и въ тотъ же самый вечеръ ожесточенная чернь, отправясь за городъ, перебила стекла въ домѣ ихъ пастора, угрожала разрушеніемъ ихъ каплицы и въ состояніи была бы исполнить свои угрозы, если бы не была разсѣяна прибывшимъ во время отрядомъ жандармовъ.

Вражда противъ католиковъ объясняется самымъ поведеніемъ и дѣйствіями ихъ духовенства, употребляющаго во зло даруемыя имъ законами республики гостепріимство и свободу Богослуженія. Поощряемое внушеніями Римской Пропаганды и успѣхами Іезуитовъ во Франціи и въ Швейцарскихъ городахъ Фрибургѣ и Бригѣ, оно воображаетъ, что XIX столѣтіе столько же принадлежитъ папѣ, сколько принадлежало XV-е, и что для подчиненія иновѣрцевъ его власти можно употребить тѣже средства, какія употребляемы были въ средніе вѣки. Съ этою цѣлью, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, открытъ былъ въ храмѣ Св. Жерменя публичный диспутъ или правильнѣе полемикодраматическій діалогъ между двумя

аллегорическими лицами: Ангеломъ и сатаною. Само собою разумѣется, что Ангелъ представлялъ католика, а сатана кальвиниста. По предположенному плану, послѣдній долженъ былъ убѣдиться доводами перваго; но князь тьмы сатана, какъ обыкновенно бываетъ въ жаркихъ диспутахъ и между людьми, до того увлекся искушеніемъ своихъ исчадій: гордости, самолюбія и суетнаго остроумія, что привелъ совсѣмъ въ замѣшательство своего соперника. Это происшествіе распространило большой соблазнъ между Женевцами и доставило имъ торжество надъ католиками посредствомъ собственнаго орудія послѣднихъ.

Между тѣмъ Р. к. духовенство, не успѣвъ на открытомъ полѣ битвы, прибѣгнуло къ обыкновенному своему средству, вмѣшательству въ дѣла семейныя и хозяйственныя. Особенно жалуются здѣсь на пронырства одного аббата, успѣвшаго вкрасться во многіе домы и овладѣть умами женщинъ, поселивъ раздоръ между ними и ихъ мужьями, братьями и дѣтьми.

Не менѣе сего, не чуждъ упрековъ въ прозелитизмѣ учредитель секты методистовъ въ Женевѣ, поощряемый и поддерживаемый въ своихъ дѣйствіяхъ преимущественно Англичанами. *Цезарь Маланъ*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, можетъ почитаться соперникомъ Кальвинистскаго духовенства, тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ обладаетъ многими блистательными талантами. При основательной учености, онъ отличается правилами строгой нравственности и набожностію, доходящею иногда до нѣкоторой степени восхищенія. Онъ отлично рисуетъ, хорошо знаетъ музыку и самъ сочиняетъ голоса для псалмовъ, которые поются въ его киркѣ. Краснорѣчіе его просто, но увлекательно; въ рѣчахъ своихъ, произносимыхъ имъ часто безъ приготовленія, онъ явно возстаетъ противъ невѣрія своихъ согражданъ въ Христа Спасителя.

ГРАЖДАНСКІЕ ПРАЗДНИКИ ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Недостатокъ церковныхъ праздниковъ замѣняется въ Женевѣ гражданскими. Примѣчательнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

I. Штурмъ Женевы, празднуемый 12 Декабря подъ именемъ *Эскалады* (l'Escalade), составляющей одну изъ блистательнѣйшихъ эпохъ исторіи этого города. Женева, свергнувшая постепенно иго своихъ графовъ, епископовъ и герцога Савойскаго, вошла наконецъ въ союзъ съ Швейцарцами, и независимость ея признана была мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ между сими послѣдними и Генрихомъ III, королемъ Французскимъ. Между тѣмъ Амедей, герцогъ Савойскій, послѣ многократныхъ попытокъ возвратить Женеву своей власти открытою

войною, рѣшился, при содѣйствіи Испаніи и Іезуитовъ, прибѣгнуть къ предательству. Въ 1602 году 11 Декабря въ то самое время, когда недовѣрчивость и осторожность гражданъ усыплены были увѣреніями герцога въ его мирныхъ къ нимъ расположеніяхъ, одинъ изъ его генераловъ Албиньи привелъ въ полночь цѣлое войско на равнину *Плэнпалэ*, простирающуюся съ южной стороны города. Отсюда немедленно отправлены были имъ триста человѣкъ, съ порученіемъ перепилить цѣпи подъемныхъ мостовъ и взорвать въ назначенный часъ ворота. Сопровождаемые Шотландскимъ Іезуитомъ, давшимъ имъ полное отпущеніе грѣховъ, они успѣли по лѣстницамъ, обитымъ чернымъ сукномъ, войти во внутренность укрѣпленій и въ ожиданіи штурма разослали по городу патрули. Къ несчастію ихъ, одинъ изъ патрулей попалъ прямо на дозоръ, высланный капраломъ для узнанія причины замѣченнаго часовымъ шороха. Дозоръ былъ схваченъ непріятелемъ и убитъ, но прежде смерти своей успѣлъ подать знакъ къ начатію тревоги. Въ минуту все пришло въ движеніе, и стража и городъ.

Уже непріятельское войско готово было на приступъ, какъ одинъ пушечный выстрѣлъ, направленный съ городскаго вала вдоль стѣны, случайно разрушилъ лѣстницы, а съ ними и весь планъ шпурма. Трехсотный отрядъ, оставленный собственному своему жребію, бросался изъ улицы въ улицу съ крикомъ: „Да здравствуетъ Испанія! Да здравствуетъ Савоія!“ Но преслѣдуемые и поражаемые вездѣ гражданами, Савояры наконецъ принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ. Изъ нихъ 54 пали на мѣстѣ битвы и 13 взяты были въ плѣнъ. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ Женевцы отрубили головы и выставили ихъ на городскомъ валу, побросавъ тѣла въ Рону. Изъ числа гражданъ оказалось убитыхъ 17; имена ихъ сохранились въ надгробной надписи, находящейся въ церкви Св. Жерве. Непріятельскія латы, шлемы и обитыя чернымъ сукномъ лѣстницы доселѣ хранятся въ арсеналѣ.

Въ воспоминаніе этого происшествія, утвердившаго навсегда независимость Женевы, граждане даютъ вечера, сопровождаемые старинными сатирическими пѣснями и

обрядами, въ которыхъ играетъ немаловажную роль жареная индейка, означающая Савояровъ.

II. 31 Декабря ежегодно празднуется въ Женевѣ возстановленіе республики, послѣдовавшее на основаніи конвенцій и трактатовъ 1813 и Вѣнскаго конгресса 1815 года. Главное управленіе раздѣлено между двумя сословіями: совѣтомъ представительнымъ, состоящимъ изъ 250 депутатовъ, и совѣтомъ правительственнымъ подъ предсѣдательствомъ четырехъ синдиковъ. Первый имѣетъ власть законодательную, послѣдній исполнительную. Синдики избираются ежегодно представителями и вступаютъ въ должность 31 Декабря. Въ этотъ день они даютъ торжественно присягу на вѣрность служенія отечеству и принимаютъ отъ своихъ предмѣстниковъ жезлы правленія. Обрядъ сей совершается въ залѣ ратуши, передъ собраніемъ гражданъ. Старшіе изъ синдиковъ читаютъ въ то время привѣтственныя рѣчи, напоминая въ нихъ между прочимъ и о долгѣ признательности рес-

публики къ великодушію союзныхъ Монарховъ, виновниковъ ея возстановленія.

Въ продолженіе вечера и ночи всѣ аркады нижнихъ улицъ (Rues basses) бываютъ иллюминованы; модные магазины и лавки украшаются транспарантами, сюрпризами, искуственными фонтанами и т. п. Волны народа движутся отъ одного конца улицъ до другаго.

III. Въ *новый годъ* Женевцы имѣютъ разорительное обыкновеніе дѣлать разные подарки другъ другу, точно такъ же, какъ у насъ дѣтямъ. Вечеромъ 1 Января въ залѣ театра дается балъ для всего кантона. Всѣ пользуются правомъ прыгать, исключая публичныхъ нимфъ, которымъ запрещается не только являться на балахъ и въ маскерадахъ, но и выходить на улицы. Въ росписи танцевъ не послѣднее мѣсто занимаетъ такъ названный Русскій вальсъ; но онъ отличается здѣсь отъ обыкновеннаго только быстротою такта.

IV. Въ продолженіе мѣсяца Іюня на Плэнпалэ дѣлается смотръ всѣмъ войскамъ Женевскимъ. Въ составъ ихъ входятъ: 1) *Город-*

ской гарнизонъ, состоящій изъ 380 человѣкъ, служащихъ на жалованьи (garde soldée); они охраняютъ крѣпость и исправляютъ обязанности полицейскія. 2) *Отрядъ союзный* (contingent fédéral), состоящій изъ артиллеріи, легкой кавалеріи, фронтовыхъ и егерей, всего изъ 1,760 человѣкъ; сей отрядъ находится въ распоряженіяхъ верховныхъ властей Швейцаріи. Въ немъ обязанъ служить всякой Женевецъ, имѣющій отъ 20 до 25 лѣтъ отъ роду. 3) *Земскій корпусъ;* онъ составляетъ собственно только часть поголовнаго земскаго ополченія (réserve cantonale), простирающуюся нынѣ до 2,800 лицъ, имѣющихъ отъ рожденія не свыше 45 лѣтъ. Эти ополченники должны быть вооружены и обмундированы собственнымъ иждивеніемъ.

Всѣ эти войска состоятъ подъ командою чиновъ, опредѣляемыхъ правительственнымъ совѣтомъ (Conseil d'état) и подъ главнымъ вѣдѣніемъ военнаго синдика. Одежды ихъ почти всѣ заимствованы у Французовъ; гренадеры въ короткихъ синихъ мундирахъ, въ бѣлыхъ брюкахъ и въ огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ. Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ видѣть

ученіе и смотръ земскаго войска; это въ полномъ смыслѣ маскерадъ, въ которомъ очень часто извѣстные ученые и артисты разыгрываютъ роль фронтовыхъ солдатъ, а содержатели гостинницъ и фабриканты— командировъ. Многіе изъ сихъ послѣднихъ даже не знаютъ службы и командуютъ не иначе, какъ по суффлёру; совсѣмъ тѣмъ подчиненность и порядокъ не нарушаются ни на минуту; потому что званіе высшихъ чиновъ преимущественно присвоивается людямъ, пользующимся общимъ уваженіемъ по своимъ лѣтамъ, образованности или доброму имени.

Плэнпалэ есть продолговатый четвероугольникъ, покрытый травою и обнесенный съ трехъ сторонъ тѣнистыми бульварами и дачами. Ученіе и смотръ продолжаются здѣсь около двухъ недѣль и во все это время бульвары превращаются въ ярмонку, домы въ маркитантскія лавки, снабжающія войско и зрителей припасами и сластями.

По окончаніи смотра земскій корпусъ расходится по домамъ; а союзный выступаетъ въ лагерь, устроиваемый въ кантонѣ

для практическаго ученія молодыхъ гражданъ — воиновъ.

Сверхъ сего около 150 человѣкъ командируется въ образцовый полкъ, ежегодно собирающійся въ Тунѣ изъ всѣхъ кантоновъ. Тамъ, въ теченіе мѣсяца, постоянно продолжаются ученіе и маневры и преподаются молодымъ офицерамъ военныя науки.

V. Обрядъ перемѣщенія учениковъ коллегіи изъ однихъ классовъ въ другіе (Promotions), по торжественности, съ какою онъ совершается, также можетъ быть отнесенъ къ публичнымъ праздникамъ кантона. Въ назначенный для сего день и часъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, ученики отправляются обыкновенно изъ коллегіи въ храмъ Св. Петра, по два въ рядъ, предшествуемые военною музыкою и сопровождаемые членами коммиссіи народнаго просвѣщенія, членами правительствующаго совѣта и синдиками. По прибытіи ихъ въ церковь, отличнѣйшіе изъ учениковъ произносятъ съ каѳедры сочиненныя учителями рѣчи. Тонъ ихъ бываетъ всегда сатирическій; содержаніемъ остроты и насмѣшки противъ кого либо изъ самихъ

наставниковъ, непріятнаго сочинителю. При слушаніи подобныхъ выходокъ, невольнымъ образомъ приходитъ на мысль извѣстная Латинская пословица: asinus asinum fricat (оселъ осла лягаетъ). Не менѣе бываетъ пощады и прочимъ сословіямъ, не исключая прекраснаго пола, который одинъ изъ молокососовъ ораторовъ безъ дальнихъ околичностей назвалъ machines à vapeur. Церемоніалъ оканчивается раздачею премій. Отличнѣйшіе изъ учениковъ вызываются поименно и при звукахъ трубъ и литавръ получаютъ изъ рукъ перваго синдика серебряныя медали съ гербомъ Женевскаго кантона.

Мимоходомъ скажемъ здѣсь и объ устройствѣ *Женевскихъ учебныхъ заведеній* и о способѣ преподаваемаго въ нихъ ученія. Главныхъ училищъ два: *коллегія* и *академія*. Первая, основанная въ XV столѣтіи и преобразованная Кальвиномъ, остается доселѣ почти безъ всякихъ измѣненій. Она состоитъ изъ девяти классовъ: въ трехъ низшихъ преподаются чтеніе, письмо и Французская грамматика, въ шести прочихъ Латинскій и Греческій языки. Каждый классъ завѣдываетъ

ся однимъ учителемъ носящимъ титулъ регента (Regent), который, кромѣ главнаго своего предмета, обязанъ еще преподавать вспомогательныя науки, какъ то: начальныя правила математики, географію, исторію, риторику и логику. Неудобства этого схоластическаго ученія очевидны: но привычка старины столь сильна, что схоліархи никакъ не рѣшаются отступить отъ тѣхъ началъ, по которымъ они сами воспитывались.

Ученики коллегіи вступаютъ въ академію на 14 или 15 лѣтнемъ возрастѣ. Академическій курсъ ихъ продолжается 11 лѣтъ, изъ которыхъ семь посвящаются словеснымъ наукамъ, философіи, физикѣ и математикѣ, и четыре богословію, медицинѣ или праву. Въ словесности доселѣ руководствуются Блеромъ, въ философіи Кантомъ. Изъ профессоровъ особенною извѣстностію пользуется г. *Росси*, изгнанный изъ Италіи за вольный образъ своихъ мыслей о правѣ естественномъ, которое впрочемъ запрещено преподавать ему и въ здѣшней академіи.

УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА.

Изъ обществъ важнѣйшее по кругу своей дѣятельности и пользѣ есть *общество поощренія художествъ*. Оно имѣетъ четыре отдѣленія: ремеслъ, земледѣлія, промышленности и изящныхъ художествъ; по каждому изъ этихъ предметовъ назначаетъ состязаніе и отличившимся талантамъ раздаетъ награды изъ суммъ, нарочно отпускаемыхъ для сего городскимъ казначействомъ. *Школы гравированія и рисованія* состоятъ подъ непосредственнымъ управленіемъ этого общества.

По части изящныхъ художествъ Женева производитъ болѣе, нежели сколько бы можно было требовать отъ ея народонаселенія. Особенную склонность имѣютъ здѣшніе

жители къ *ландшафтной живописи*. Въ Сентябрской выставкѣ 1823 года считалось всѣхъ новыхъ картинъ 95; въ числѣ ихъ было 63 пейзажа. Господство этого вкуса объясняется близостію Юры и разнообразной Альпійской природы. Справедливо, что привычка раждаетъ равнодушіе къ самымъ великолѣпнымъ, величественнымъ и грознымъ предметамъ; но искуство, открывая для нихъ новыя точки зрѣнія, облекаетъ ихъ и въ новыя прелести, могущія согрѣть самое холодное сердце. Съ наступленіемъ лѣта, здѣшніе художники разсыпаются по всѣмъ окрестностямъ, проводятъ по нѣскольку недѣль въ глуши и передаютъ холсту и хрусталь озеръ и алмазы водопадовъ и дикость утесовъ и всѣ переливы и волшебную игру солнца на снѣгахъ Альповъ, при его восхожденіи и захожденіи. Часто свѣряя ихъ произведенія съ природою, невольно соглашаешься, что искусство, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его отрасляхъ, есть точное подражаніе природѣ, и не идеальной, а дѣйствительной, какою она

вышла изъ хаоса по слову Творца или изъ рукъ времени.

Художники, пріобрѣтшіе извѣстность своими произведеніями, по части исторической живописи: г. *Шэ* (Chaix); по части портретной *Массотъ, Ферріеръ* и г-жа *Мюніе;* пейзажисты: *Лишкъ, Стели, Топферъ, Оріоль* и *Орнунгъ.* Послѣдній избралъ для себя особый родъ живописи, посвятивъ себя исключительно изображенію разнообразныхъ сценъ сельской жизни Савояровъ. Они дышутъ подъ его кистію со всѣмъ, отличающимъ ихъ, простодушіемъ, добротою, неопрятностію и нищетою. Лучшія изъ его картинъ находятся теперь въ Россіи. Онѣ пріобрѣтены г. Маланомъ де Бодиссономъ, имѣющимъ нынѣ свое пребываніе въ Полтавѣ.

Общество испытателей природы, составляющее только отдѣленіе большаго Гельветическаго общества естественной исторіи, имѣетъ всѣ средства для распространенія своихъ изслѣдованій на хребтѣ Юры и въ горахъ Альпійскихъ. Въ его распоряженіяхъ состоитъ ботаническій садъ и городской музей, заключающій въ себѣ значительное

собраніе минераловъ, окаменѣлостей, раковинъ, насѣкомыхъ, птицъ, звѣрей и растеній. Достаточно одной славы Декандоля, чтобы дать вѣсъ этому обществу. Впрочемъ между членами его еще сіяютъ имена Соссюра и Делюка. Многіе изъ путешественниковъ доселѣ принимаютъ послѣдняго за знаменитаго отца его. Онъ самъ съ откровенностію расказываетъ, какъ одинъ Нѣмецъ, недавно его посѣтившій, послѣ долгаго наблюденія его физіономіи, при прощаніи сказалъ съ восторгомъ: „я почи„таю себя самимъ счастливымъ человѣкомъ, „что имѣлъ высокую честь видѣть вели„каго Делюка.“ Въ собственномъ смыслѣ надобно было сказать: не великаго, а длиннаго; потому что сынъ не наслѣдовалъ другихъ качествъ и талантовъ отца своего.

Общество чтенія (Société de lecture) учреждено съ тою цѣлію, чтобы доставить частнымъ лицамъ средства имѣть свѣдѣнія о всѣхъ новостяхъ въ мірѣ ученомъ и политическомъ. Для сего оно выписываетъ не только всѣ извѣстнѣйшія вѣдомости и журналы Европейскіе, но нѣкоторые Греческіе

и Американскіе, и сверхъ того всѣ занимательнѣйшія книги, вновь выходящія во Франціи, Англіи, Германіи и Италіи. Нѣсколько времени выписывался здѣсь и нашъ *Вѣстникъ Европы*, но за неимѣніемъ знатоковъ Русской грамоты, нынѣ уже не получается. Для пополненія издержекъ общества, каждый членъ его, туземецъ обязанъ ежегодно вносить опредѣленную сумму; а иностраннымъ путешественникамъ открытъ входъ въ залу безденежно во всякое время. При ней есть довольно хорошая библіотека, составившаяся какъ изъ покупокъ, такъ и изъ пожертвованій, и уже заключающая въ себѣ болѣе 10,000 томовъ. Я не могу вспомнить безъ признательности объ этомъ гостепріимномъ учрежденіи, доставлявшемъ мнѣ, въ продолженіе моего долгаго пребыванія въ Женевѣ, самое полезное препровожденіе времени.

Литературное общество (Société litteraire) есть родъ клуба, имѣющаго разныя отдѣленія, какъ то: собственно литературное, газетное, биліардное и игорное. Одни изъ членовъ въ опредѣленные часы собираются для ученыхъ бесѣдъ, другіе для чтенія новостей.

По вечерамъ играютъ въ карты, въ лото, на биліардѣ и пр. Публичныя литературныя собранія не имѣютъ опредѣленнаго времени и назначаются не иначе, какъ по заготовленіи статей, могущихъ пріятно занять публику. Въ одномъ изъ такихъ вечеровъ недавно читаны были вдругъ три басни нашего неподражаемаго Крылова: *мѣшокъ*, *гуси* и *лжецъ*, и *метафизикъ* Хемницера. Первыя три, переложенныя съ буквальнаго прозаическаго перевода предсѣдателемъ общества г. *Шапоньеромъ* и секретаремъ г. *Пети-Сенномъ*, доставили посѣтителямъ полное удовольствіе, изъявленное безпрерывнымъ общимъ рукоплесканіемъ и смѣхомъ; въ послѣдней г. переводчикъ *Кунъяръ* придумалъ на мѣсто метафизика поставить ученика реторики, возвратившагося изъ путешествія, и несообразность умничанія его школяра, очень хорошо понятая публикою, послужила только доказательствомъ, какъ опасно отваживаться поправлять великихъ геніевъ.

КЛУБЫ.

Привычка Женевцевъ къ непринужденному обращенію съ своими сверстниками въ школахъ остается съ ними на всю жизнь. Она заставляетъ ихъ предпочитать *клубы* всякому другому обществу, одушевленному присутствіемъ прекраснаго пола. Всѣхъ клубовъ, существующихъ здѣсь подъ разными наименованіями, много; но я упомяну только о примѣчательнѣйшихъ: 1) *Моряковъ* и 2) *Стрѣльцевъ изъ лука*.

Моряки круглый годъ проводятъ на сушѣ, въ предмѣстіи *Паки;* и только одинъ разъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ являются на своей стихіи со всѣмъ приличнымъ ихъ имени торжествомъ. Въ самый день праздника всѣ казенныя и частныя суда съ ранняго утра

собираются въ пристани Молярѣ, находящейся въ городѣ, недалеко отъ истока Роны изъ озера. Въ 10 часовъ такъ называемый *адмиралъ* вступаетъ на особо приготовленное для него судно, отличающееся отъ прочихъ флагомъ республики и богато убраннымъ шатромъ. Адмирала принимаютъ со всѣми приличными сему званію почестями: съ пушечными залпами и громомъ военной музыки. Потомъ, сопровождаемый означенною флотиліею, онъ входитъ въ озеро и держась лѣваго его берега, поднимается, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ верхъ, мимо предмѣстія *Живыхъ водъ* и дачи Гренады, гдѣ была наша постоянная квартира. Мы имѣли свою флотилію, состоявшую изъ двухъ очень красивыхъ лодокъ, съ Русскими флагами. На одной изъ нихъ была Русская надпись: *Краса озера*, на другой *Слава Русскихъ*; — названія нѣсколько громкія, впрочемъ не нами, а самими Женевцами для нихъ придуманныя. Когда адмиральское судно равнялось съ пристанью Гренады, мы салютовали ему поднятіемъ флага и пушечными выстрѣлами; намъ отвѣтствовали тѣмъже.

Отъ Живыхъ водъ флотилія направлялась на противулежащую сторону въ Паки и приставала къ берегу около 2 часовъ по полудни. Тамъ сначала завязывался у моряковъ разговоръ о трудностяхъ ихъ экспедиціи, о невозможности достать на озерѣ прѣсныхъ винъ и о легкости адмиральскаго судна, проходящаго въ часъ ровно 200 туазовъ (саженъ). Потомъ слѣдовалъ обѣдъ, тосты и пиръ, въ чемъ, надобно отдать справедливость здѣшнимъ морякамъ, они не уступаютъ и Англійскимъ. Вечеромъ, по сожженіи въ Паки фейерверка, суда спускающся въ городъ, иллюминованныя разноцвѣтными огнями, при пушечныхъ залпахъ, при безпрерывныхъ взрывахъ ракетъ, съ барабаннымъ боемъ и игрою музыки. Весь этотъ шумъ и отблески огней на озерѣ дѣйствительно представляютъ зрѣлище великолѣпное и торжественное.

Общество стрѣльцевъ изъ лука (du jeu de l'arc) учреждено здѣсь однимъ Англичаниномъ въ концѣ прошедшаго столѣтія. Правительство Женевское покровительствуетъ подобнымъ учрежденіямъ, какъ пріучающимъ

гражданъ къ ловкости, могущей быть полезною въ случаѣ внѣшней войны. Въ продолженіе весны и лѣта стрѣльцы собираются ежедневно для стрѣлянія въ цѣль, въ саду ихъ гостинницы, находящейся на лугу епископскомъ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ у нихъ также бываетъ годичный праздникъ, въ родѣ рыцарскихъ турнировъ или древнихъ игръ Греческихъ. Въ самый день праздника выставляются на лугу три цѣли и за каждую назначается особая премія, состоящая изъ какого либо серебрянаго сосуда.

Чтобы дать понятіе о церемоніалѣ этого праздника, достаточно упомянуть объ одномъ изъ нихъ, бывшемъ въ 1824 году, въ которомъ я участвовалъ, какъ гость, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими иностранцами. Въ восемь часовъ утра мы приглашены были въ городскій домъ синдика Микели; оттуда какъ члены, такъ и гости, предшествуемые военною музыкою, отправились попарно черезъ городъ на епископскій лугъ. Первые были одѣты въ свои парадныя куртки, съ зелеными шарфами и съ бронзовыми знаками въ петлицахъ, пред-

ставляющими лукъ со стрѣлою. Епископскій лугъ имѣетъ видъ треугольника, покрытаго травою и со всѣхъ трехъ сторонъ обнесеннаго двумя рядами высокихъ каштановыхъ деревьевъ. Стрѣлянье продолжалось здѣсь около четырехъ часовъ; въ немъ участвовали одни только члены. Первою цѣлію ихъ было изображеніе маленькой птички, выставленной на высокой жерди; второю центръ или ось солнца, на такой же высотѣ; третіею и послѣднею голова бумажнаго оленя, бѣгущаго на колесахъ поперегъ луга. Первыя двѣ цѣли устроиваются такимъ образомъ, что стрѣлы уносятъ ихъ съ собою, а на стрѣлахъ означены имена стрѣльцевъ. Въ этотъ день ось солнца, простреляна была княземъ В. Н. Репнинымъ, едва успѣвшимъ за нѣсколько вечеровъ до праздника ознакомиться съ лукомъ. Когда провозглашено было имя молодаго атлета, при тушахъ музыки; то его мѣткость, изумившая старыхъ стрѣльцевъ, подала имъ поводъ къ долгимъ толкамъ о гимнастическихъ талантахъ всѣхъ Русскихъ.

*

По окончаніи стрѣлецкихъ игръ, въ залѣ общества данъ былъ обѣдъ на 70 кувертовъ, въ заключеніе слѣдовали тосты: первый предложенъ былъ синдикомъ Микели за здоровье Его Высочества Мекленбургскаго герцога Павла, сдѣлавшаго честь обществу своимъ посѣщеніемъ, второй за здоровье Русскихъ и прочихъ гостей и т. д. За десертомъ пѣты были г. Шапоньеромъ сочиненные для сего праздника куплеты, и конецъ каждаго куплета, по здѣшнему обыкновенію, повторяемъ былъ хоромъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Обратное шествіе стрѣльцевъ въ городъ было въ такомъ же порядкѣ и при такомъ же стеченіи народа, какъ и по утру.

ПОѢЗДКА ВЪ СѢВЕРНУЮ ШВЕЙЦАРІЮ,

1824 *года Августа*....

Въ продолженіе нынѣшняго лѣта я ѣздилъ въ Парижъ, былъ вторично въ Ліонѣ и, послѣ краткаго отдыха въ Женевѣ, отправился вмѣстѣ съ княземъ В. Н. Р. къ минеральнымъ водамъ въ Баденъ, лежащій въ Аргаусскомъ кантонѣ, на берегу Лимматы. Во время проѣзда нашего черезъ Бернъ, я успѣлъ осмотрѣть его музей, библіотеку и ботаническій садъ.

Музей заключаетъ въ себѣ полное собраніе всѣхъ минераловъ Швейцарскихъ, и въ томъ числѣ окаменѣлостей и огромныхъ кристалловъ, собраніе деревьевъ и животныхъ. Въ одномъ разрубленномъ деревѣ оп-

крыто изображеніе креста, чудное подражаніе природы таинственному знаменію нашей вѣры. Между животными примѣчательнѣйшія суть: кабаны, Альпійская кошка, осетръ, пойманный въ Рейнѣ, — Альпійскій орелъ, величиною въ сажень съ распростертыми крыльями и знаменитая пѣгая собака, спасшая отъ смерти столь многихъ путешественниковъ.

При музеѣ есть два особые кабинета: *древностей* и *рѣдкостей*. Въ числѣ древнихъ памятниковъ находятся: бронзовый бюстъ Марка Аврелія, мозаикъ, найденный въ Ерцегобунѣ и представляющій Персея на пегасѣ, бронзовая группа жреца, держащаго въ правой рукѣ сосудъ и въ лѣвой ножъ надъ тельцемъ, — Геркулесъ, спящій на львиной кожѣ, — фортуна съ рогомъ изобилія и фауны съ юношею. Послѣдняя, найденная въ деревнѣ Мурѣ подлѣ Берна, вся вызолочена. Крестьянинъ, которому она принадлежала, полагалъ, что позолотою и подновленіемъ онъ придастъ ей цѣнность.

Въ числѣ рѣдкостей есть много Сандвичевскихъ и Отаитскихъ, подаренныхъ музею

живописцемъ Веберомъ, однимъ изъ спутниковъ капитана Кука; какъ то: королевская одежда съ красножелтымъ треугольникомъ изъ перьевъ, головной женскій уборъ, ожерелья, ковры, покрывала, ткани и разные другіе наряды изъ древесной коры отличной работы; военный костюмъ Канадца; свирѣль съ однимъ отверстіемъ, похожая на сиринксъ или Панову свирѣль изъ десяти тростинокъ.

При входѣ въ *библіотеку* разставлены Римскія урны съ надписями и одна древняя картина въ Греческомъ вкусѣ, представляющая на золотомъ полѣ Святаго Христофора съ младенцемъ Іисусомъ на спинѣ и Св. Петра съ ключами. Г. библіотекарь Чорнъ показывалъ мнѣ *грамматику Каледонія,* относимую имъ къ осьмому вѣку, значительное число другихъ Латинскихъ и Французскихъ рукописей, писанныхъ на пергаментѣ, и между прочимъ собраніе пѣсенъ Прованскихъ трубадуровъ XIV столѣтія.

Ботаническихъ садовъ въ Бернѣ два: одинъ въ зданіяхъ академіи, другой подлѣ сиротскаго дома, на берегу Аара. Въ послѣднемъ

въ 1808 году воздвигнутъ памятникъ Галлеру, состоящій изъ урны и вѣнца съ насѣкомымъ и раковиною. Можетъ быть изъ уваженія къ памяти сего знаменитаго мужа, самое завѣдываніе садомъ поручено одному изъ членовъ совѣта, который носитъ его имя.

Изъ Берна мы ѣздили въ *Тунъ*, чтобы взглянуть на Тунское озеро и на прекрасныя его окрестности. Дорога эта есть одна изъ лучшихъ въ Швейцаріи. По сторонамъ ея тянутся почти безпрерывно то рощи, то дачи съ садами, цвѣтниками и играющими фонтанами.

Городъ Тунъ находится въ шести Французскихъ миляхъ отъ Берна. Рѣка Ааръ раздѣляетъ его на двѣ части; къ востоку отъ него разстилается озеро, окруженное утесами; къ югу покрытые виноградомъ холмы и горы, въ видѣ ступеней, поднимаются до слоя облаковъ, опоясывающихъ Альпійскихъ великановъ: Юнгфрау, Муань, Ейгеръ, Блюмлисъ и проч. На южномъ берегу озера видны замки Шадау, Цейнигенъ и городокъ Шпицъ съ башнею древняго Штрашлинген-

скаго замка, принадлежавшаго семейству основателя втораго королевства Бургундскаго.

Подлѣ Туна устроенъ союзный Гельветическій лагерь. Здѣсь мы встрѣтили Женевскаго полковника Дюфура и нѣсколько молодыхъ людей изъ Женевы, разыгрывающихъ роль очень ловкихъ офицеровъ. Г. Дюфуръ, воспитанникъ политехническаго института, долгое время служилъ въ арміи Наполеона; нынѣ онъ командуетъ всею Швейцарскою артиллеріею и преподаетъ офицерамъ военныя науки. Чтобы пріучить своихъ артиллеристовъ ко всѣмъ внезапнымъ встрѣчамъ съ непріятелемъ, онъ маневрируетъ съ ними на горахъ по нѣскольку дней безъ отдыху.

Мы обѣдали въ веселомъ и шумномъ кругу офицеровъ и выѣхали изъ Туна уже передъ захожденіемъ солнца.

БАДЕНЪ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Отъ Берна до Бадена два дня ѣзды. Горячіе *ключи Баденскіе* извѣстны были еще Римлянамъ, подъ именемъ теплыхъ Гельветическихъ бань (thermae Helveticae). Въ средніе вѣки и въ особенности около временъ Констанцкаго собора стеченіе посѣтителей въ нихъ бывало чрезвычайно. Изъ письма одного Италіанца Поджіо, участвовавшаго въ этомъ соборѣ, видно, что въ то время собирались сюда одержимые не столько тѣлесными, сколько душевными недугами. Множество прелестныхъ женщинъ, замужнихъ, но безъ мужей, въ сопровожденіи двухъ служанокъ или какой нибудь старухи, разряженныя въ богатыя платья и разукрашенныя золотомъ и драгоцѣнными каменья-

ми, являлись въ бани, какъ бы на брачный пиръ. Мущины, и даже аббаты и монашествующіе братья, всѣ безъ зазрѣнія совѣсти купались съ ними большею частію въ однѣхъ баняхъ; украсивъ головы вѣнками, всѣ заняты были одною мыслію: какъ бы веселѣе провести время и болѣе насладиться удовольствіемъ (*).

Таковы были времена и нравы. Нынѣ, благодаря просвѣщенію, благочиніе соблюдается строго. Общія бани для простаго народа существуютъ еще и доселѣ, но женскія отдѣлены отъ мужскихъ. Состояніе теплоты ключей простирается до 37 градусовъ, по Реомюрову термометру. Они заключаютъ въ себѣ кислоугольный газъ, морскую соль, Глауберову соль, магнезію и пр. Простой народъ доселѣ приписываетъ имъ свойство, уничтожающее въ женщинахъ неплодіе; но, вѣроятно, это мнѣніе осталось еще отъ прежнихъ, описанныхъ Поджіемъ временъ.

(*) Подробности сего письма, писаннаго по Латыни, можно видѣть въ le Conservateur suisse, стр. 391 и 392.

Число пользующихся нынѣ Баденскими водами, кажется, во все продолженіе лѣта не превышаетъ 400 лицъ обоего пола. Для прогулокъ вблизи города есть одинъ только небольшой бульваръ; для вечернихъ собраній одинъ лубочный театръ съ Нѣмецкою труппою, помѣщаемый въ какомъ-то сараѣ. Зала танцклуба очень хороша; но, можетъ быть, по причинѣ отдаленности отъ города, всегда бываетъ пуста. Она украшена 12 большими видами нашей бѣлокаменной Москвы, снятыми впрочемъ съ нея еще въ 90-хъ годахъ прошедшаго столѣтія.

ЦЮРИХЪ.

---

10 Сентября н. с. я отправился въ почтовой коляскѣ въ *Цюрихъ*, отстоящій отъ Бадена только на 20 верстъ. Этотъ городъ

также извѣстенъ былъ еще Римлянамъ подъ именемъ *Thuricum*. Въ средніе вѣки онъ носилъ имя *ученаго* города, въ новѣйшія времена прозванъ *Аѳинами Нѣмецкой Швейцаріи*. Цюрихъ былъ колыбелію реформаціи и отчизною знаменитаго реформатора Ульриха Цвинглія. Въ 1467 году въ немъ считалось только 4,476 жителей; въ 1610 12,994; въ 1700 8,110; въ 1794 12,000. Не смотря на столь малое народонаселеніе, онъ числомъ ученыхъ мужей, имъ произведенныхъ, превосходитъ всѣ города въ Европѣ. Довольно наименовать здѣсь богослововъ *Бюллингера*, *Циммермана* и *Лафатерово*, естествоиспытателя *Конрада Геснера*, историка Іосію *Зиммера*, астрономовъ *Лемана* и нынѣшняго профессора *Горнера*, философовъ *Вольфа*, и Генриха *Мейстера*, оріенталиста *Готтингера*, поэтовъ *Бодмера*, І. І. *Лафатера* и Соломона *Геснера* и педагога *Песталлоцци*. Въ Цюрихѣ есть академія съ двумя факультетами, богословскимъ и философскимъ, извѣстная подъ именемъ collegium carolinum; одна школа художествъ, одна военная; медикохирургическій институтъ, двѣ школы

взаимнаго обученія и нѣсколько другихъ училищъ.

По прибытіи въ Цюрихъ, я немедленно отправился въ городскую библіотеку. Она заключаетъ въ себѣ до 40,000 томовъ и множество рукописей. Въ числѣ послѣднихъ показываются собственноручныя сочиненія Цвинглія, 700 лѣтописей Швейцарскихъ, письма Генриха IV, часть Ватиканскаго кодекса (codex Vaticanus), писаннаго на фіолетовомъ пергаментѣ, — манускриптъ Квинтиліана, не знаю въ какомъ смыслѣ, называемый оригинальнымъ, но по всѣмъ признакамъ принадлежащій XIII вѣку, и Латинскія *письма Іоанны Грей* къ Бюллингеру. Эта ученѣйшая своего времени женщина знала языки Латинскій, Греческій и даже Еврейскій, какъ видно изъ слѣдующаго текста письма ея: „Ad Hebraicae linguae studium eam, quam mihi fidelissime monstras, viam sequar etc... Вкусъ и чистота ея Латинскаго слога должны приводить въ отчаяніе нынѣшнихъ Латинистовъ.

Библіотека украшена портретами Цвинглія, его жены, всѣхъ бургмейстеровъ съ 1336

года по 1798 и прекраснымъ бюстомъ Лафатера, работаннымъ въ 1805 году знаменитымъ Даннекеромъ.

Планы нѣкоторыхъ частей Швейцаріи въ рельефѣ, какъ здѣшній, такъ и Бернскій, уже не могутъ считаться чудесами терпѣнія и искусства, послѣ того огромнаго плана, который конченъ въ прошедшемъ году въ Женевѣ г. Годенемъ. Сей послѣдній имѣетъ около 10 квадратныхъ аршинъ и представляетъ всѣ Швейцарскія Альпы, озера, лѣса, долины, города, селенія, пастушескія хижины, дороги и тропинки со всѣми мѣлчайшими подробностями, съ соблюденіемъ строжайшей пропорціи и даже самаго цвѣта всѣхъ предметовъ. Художникъ употребилъ на измѣреніе пространствъ и высоты 15 лѣтъ. Эта живая картина Швейцаріи покупаема была въ Россію и, къ сожалѣнію, перекуплена однимъ Англичаниномъ.

Соломонъ *Геснеръ* всѣмъ извѣстенъ, какъ пѣвецъ Авеля и Ѳеокритъ Швейцарскій; но, можетъ быть, немногіе знаютъ его отличный талантъ въ пейзажной живописи. Изъ пейзажей, видѣнныхъ мною въ библіотекѣ

и въ домѣ вдовствующей жены его, особенно понравились мнѣ слѣдующіе: a) *храмъ Аполлона,* въ который женщины и мущины несутъ на головахъ корзины съ цвѣтами и ведутъ животныхъ на жертву; b) *Греческая баня,* съ статуею наяды, выжимающей волоса; изъ грота выходитъ Гречанка, располагающаяся купаться въ бассейнѣ; c) *двѣ дѣвушки,* разговаривающія о любви; d) *мать, держащая дитя на колѣнахъ,* манитъ его виноградомъ; дитя протягиваетъ ручонки, чтобы схватить виноградъ; позади пастухъ играетъ на семиствольной свирѣли; пастушка слушаетъ его со вниманіемъ. e) *Дѣвочка* подняла передникъ и манитъ утокъ, которыя бѣгутъ отъ нея въ воду; f) пастухъ и двѣ пастушки, разговаривающіе при колодезѣ, украшенномъ статуею наяды; g) *Дафна,* превращающаяся въ лавръ въ объятіяхъ изумленнаго Аполлона; h) *Дѣвушка,* стоящая на колѣнахъ передъ статуею Діаны; i) *дѣвушка въ гротѣ,* играющая на лирѣ. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Геснера видна таже поэзія, прелесть и простодушіе, какими дышутъ его идиліи.

Удивительны прихоти и своенравіе вкуса! Давно ли Геснеръ былъ предметомъ обожанія цѣлой Европы; а теперь, если надъ нимъ не смѣются, то по крайней мѣрѣ не читаютъ его, забывая, что его великій геній пробудилъ и, можетъ быть, надолго упрочилъ общую любовь къ природѣ и ко всѣмъ невиннымъ удовольствіямъ сельской жизни. Одни только граждане Цюриха гордятся его славою, какъ собственною своею. Неподалеку отъ города, при сліяніи Лимматы съ Силою, въ небольшой рощицѣ, они соорудили ему простой, но прекрасный *мавзолей*, обложенный чернымъ мраморомъ и украшенный урною, медальономъ и барельефомъ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора. Мысль и исполненіе памятника принадлежатъ Римскому художнику Триппелю. Барельефъ представляетъ Дафниса и Микона изъ идиліи Геснера. Дафнисъ, подлѣ гробницы своего отца, предлагаетъ на треножникѣ своему гостю корзину плодовъ и кружку молока. Миконъ, растроганный воспоминаніями, изливаетъ первую чашу въ честь тѣни добродѣтель-

наго пастуха. Первый смотритъ съ умиленіемъ на жертву признательности.

Отсюда зашелъ я на Цюрихское кладбище, чтобы поклониться праху Лафатера; потомъ осматривалъ арсеналъ, гдѣ хранятся знамена, завоеванныя при Семпахѣ и ствольный лукъ (arquebuse) Вильгельма Теля.

Съ такъ называемаго Кошечьяго бастіона, мой чичероне показывалъ мнѣ поле несчастнаго сраженія, происходившаго въ 1799 году 8 Сентября между Русскими и Французами. Судьба битвъ непостоянна, своенравна, непостижима. Два дня разницы — и Массена, вмѣсто того, чтобы торжествовать побѣду, понесъ бы на плечахъ своихъ нашихъ чудобогатырей во Францію, а можетъ быть и въ Парижъ. Подобныя зрѣлища и расказы сами собою располагаютъ къ мрачнымъ мыслямъ; но замѣтивъ еще, что невѣжда чичероне нѣсколько разъ, вмѣсто Корсакова, называлъ Суворова, я невольнымъ образомъ увлекся чувствомъ негодованія и повелительно сказалъ ему: „имя Суворова не иначе произноси, какъ съ благоговѣніемъ; его никто не смѣлъ побѣждать, потому что

ему вездѣ и всегда сопутствовала побѣда.“ Приведенный въ замѣшательство ораторъ снялъ шляпу и, извиняясь въ своей ошибкѣ, со всѣмъ Швейцарскимъ простодушіемъ обѣщался впередъ никогда не вмѣшивать непобѣдимаго героя въ свои расказы о Цюрихскомъ сраженіи. Можетъ быть, моя выходка покажется кому нибудь смѣшною, но конечно уже не тому, кто знаетъ, что эти чичероны расказываютъ всегда, какъ по писанному и что большая часть путешественниковъ вѣрятъ имъ, какъ читанному.

Утомленный дневными прогулками, я сидѣлъ неподвижно подъ окномъ, въ трактирѣ Меча, славящемся обширностію и великолѣпіемъ своихъ видовъ. Уже ночь разостлала свои мраки надъ городомъ и окрестностями и испытующій взоръ могъ остановиться только на зыбкой полосѣ озера, осыпаннаго лучами мѣсяца. Внутри города, посреди озера тянулись тѣни двухъ предметовъ, совершенно одинъ другому противуположныхъ: вдали островокъ съ садикомъ, назначенный для гулянья гражданъ, — вблизи башня, служащая острогомъ для преступниковъ. Ея

узники такъ же глотаютъ сырость, какъ нѣкогда Шильонскіе, и, подобно послѣднимъ, часто ничего болѣе не слышатъ, кромѣ однообразнаго удара волнъ, разбивающихся о стѣны ихъ жилища. Сколько поэзіи для наблюдателя, одареннаго чувствомъ!

Но вотъ пробило одиннадцать часовъ ночи; вслѣдъ за тѣмъ съ часовой башни сторожъ проигралъ на трубѣ; другой, расхаживая по улицамъ, началъ распѣвать передъ каждымъ домомъ свою завѣтную пѣсню: „Любезные граждане! Одиннадцать часовъ пробило.“ Это герольдъ грядущаго сна.

Мой сонъ былъ сладокъ, но не дологъ. Громкій дамскій голосъ, разлившійся по площади, разбудилъ меня. Языкъ Французскій, а повороты его какъ бы знакомой трещотки. Такъ и есть. Вошедшій ко мнѣ, по зову колокольчика, келлернъ, извѣстилъ меня, что это наша Русская Полька N... Она изволитъ вымещать хозяину гостинницы за то, что онъ взялъ съ нея за ночлегъ 300 франковъ. „Триста франковъ? Въ полномъ ли онъ умѣ? А какъ велика ея свита?“—„Да не малая; съ полдюжины аккомпаньоновъ да гувернеровъ,

съ дюжину гувернантокъ да служанокъ, и около двухъ дюжинъ лакеевъ и кучеровъ.“ — Бѣдненькая! подумалъ я; много же придется отъ Цюриха до Женевы поплатиться твоему карману и порабошать твоему язычку. Этимъ грубымъ Швейцарцамъ никакъ нельзя вколотить въ голову, что служанки не барышни, а слуги не бояре; они все-таки первыхъ называютъ фрейлинами, а послѣднихъ херами; за столомъ подаютъ имъ особыя куверты, послѣ стола отводятъ особыя комнаты, съ особыми пышными постелями; и все это для того, чтобы подвести ихъ подъ одинъ итогъ съ господами.

Благодареніе нашей дамѣ, я встрѣтилъ утро 11 Сентября, 30 Августа Русскаго штиля, утро торжественнѣйшее для всѣхъ Русскихъ, съ такимъ торжествомъ чувствъ, какое рѣдко встрѣчается намъ въ жизни. Я слѣдовалъ взоромъ за всѣми переливами утренняго свѣта на Альпахъ, за этою огненною полосою, простершеюся по длинной цѣпи снѣжныхъ горъ, постепенно распространявшеюся по холмамъ, по долинамъ и наконецъ разсыпавшеюся по хрустальной поверх-

ности озера, во все его протяженіе. Какой великолѣпный пиръ природы, торжествующей появленіе царя свѣтилъ, одѣвшаго ее свѣтомъ, какъ ризою!

По утру я посѣтилъ профессора астрономіи Горнера, совершившаго съ Крузенштерномъ путешествіе вокругъ свѣта. Признательный къ Русскимъ, онъ принялъ и меня съ радушіемъ. Отъ него заходилъ я въ соборную церковь, посмотрѣть на богослуженіе послѣдователей Цвинглія. Потомъ отправился одинъ, пѣшій, въ обратный путь, по проселочной дорогѣ, идущей по правому берегу Лимматы. Со мною безпрестанно встрѣчались группы женщинъ и дѣвушекъ въ праздничныхъ ихъ нарядахъ. Всматриваясь въ ихъ физіогномію, я старался отыскать и повѣрить сходство ихъ съ тѣми портретами, которые такъ прелестно изображены живописцемъ — поэтомъ Геснеромъ.

ЖЕНЕВА....

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ Г-на ДЮРАНА.

Изъ публичныхъ лекцій, преподаваемыхъ здѣсь профессорами, особенно примѣчательны были, въ продолженіе зимы 1824 и 25 года, уроки словесности Француза *Дюрана*, бывшаго прокуроромъ королевскимъ (Avocat, Ancien Procureur du Roi). Г. Дюранъ не имѣлъ притязаній на ученость, отсылая своихъ слушателей, по части теоріи, къ Батшё, Лагарпу и Блеру; но, обладая необыкновенною памятью, отличнымъ искусствомъ декламатора и навыкомъ въ импровизаціи, онъ старался блеснуть преимущественно этими талантами. Курсъ его состоялъ изъ 40 уроковъ; изъ нихъ 20 были посвящены поэзіи и столько же прозѣ. Въ первые два урока, которые можно назвать вступительными,

онъ распространялъ одну только мысль, что ясность и краткость составляютъ все основаніе его системы. Передъ третьею лекціею ему подано было писменное замѣчаніе, что онъ противу двухъ своихъ началъ уже два раза погрѣшилъ, говоря объ нихъ и безъ плана и чрезвычайно растянуто. Г. Дюранъ оправдывался, извинялся и вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ, что имѣетъ дѣло не съ одними новичками въ словесности. Послѣдующія его лекціи съ каждымъ разомъ становились занимательнѣе; зала, данная ему обществомъ поощренія художествъ, постепенно наполнялась слушателями и слушательницами, пока не осталось въ ней мѣста. Онъ принялъ методу простую, но привлекательную, представляя всѣ свои чтенія въ дѣйствіи.

Одна изъ его лекцій *о древнемъ краснорѣчіи Эллинскомъ* останется навсегда памятною для его слушателей. Г. Дюранъ избралъ для сего роль Димосѳена, говорящаго рѣчь передъ гражданами *о вѣнцѣ* и одного изъ слушателей своихъ осудилъ быть Эсхиномъ, чтобы бросить на него всѣ громы своего краснорѣчія. Въ залѣ царствовала глубокая

тишина; никто не смѣлъ переводить дыханія. Актеръ-ораторъ, ловя только главныя мысли представляемаго имъ лица и одушевляясь чувствомъ негодованія, принималъ попеременно положенія тѣла благородныя, величественныя и даже грозныя. Въ одно изъ такихъ мгновеній невольно распространился въ аудиторіи общій тихій шопотъ одобренія. Ловкій ораторъ, пользуясь этимъ движеніемъ публики, остановилъ грозный взоръ на своемъ соперникѣ и, понизивъ голосъ, дрожащій отъ желчи, спросилъ его: „слышишь ли этотъ тихій говоръ въ сонмѣ гражданъ, пришедшихъ быть судіями нашихъ преній? Это ропотъ противъ твоихъ дерзновенныхъ покушеній на правду, на доблесть, на заслуги, оказываемыя республикѣ.“ Лишь только успѣлъ онъ произнести послѣднія слова, вся аудиторія какъ бы по данному знаку, разразилась громкими рукоплесканіями и продолжительными восклицаніями, принудившими торжествующаго оратора на нѣсколько минутъ прервать продолженіе рѣчи.

Надобно признаться, что нельзя придумать лучшаго способа для раскрытія духа древнихъ ораторовъ и философовъ, какъ подобное драматическое представленіе. Здѣсь требуется только одно условіе, чтобы таланты преподавателя въ состояніи были поддержать эту трудную роль, въ которой съ высокимъ такъ смежно смѣшное. Г. Дюранъ имѣлъ случай вторично показать во всемъ блескѣ силу своего таланта, объясняя философію Платона. Онъ избралъ для сего извѣстное сочиненіе *Федонъ* или разговоръ Сократа съ учениками о безсмертіи души; и съ такою точностію схватилъ главныя черты Греческаго философа, такъ вѣрно приноровился къ Сократическому способу пренія, что слушатели какъ бы увлечены были въ древнія Аѳины, на мѣсто самаго дѣйствія.

Послѣ этой лекціи г. Дюранъ, по обыкновенію своему, пошелъ прямо на Трель, любимое мѣсто гулянья Женевцевъ, гдѣ въ продолженіе зимы обыкновенно собирается лучшая публика. Минутъ черезъ пятнадцать, совсѣмъ неожиданно явилась къ нему депу-

тація изъ почетнѣйшихъ дамъ и публично поднесла ему лавровый вѣнокъ. Въ эту минуту нашъ ораторъ, казалось, не въ меньшемъ былъ восторгѣ, какъ и Греческій, когда онъ получилъ отъ Аѳинянъ золотый вѣнецъ, оспоренный имъ у Эсхина.

Первую половину своего обѣщанія, даннаго въ началѣ лекцій, г. Дюранъ исполнилъ съ точностію, т. е. онъ былъ вполнѣ ясенъ, исключая того, что мы не могли понять, что онъ разумѣлъ подъ *краткостію*. Вѣроятно, въ послѣдствіи онъ вспомнилъ правило Горація: brevis esse laboro, obscurus fio. Большая часть его лекцій состояла въ пріятномъ расказѣ исторій и анекдотовъ и въ сценическомъ чтеніи примѣровъ; между примѣрами достопримѣчателенъ былъ собственный его переводъ Шильонскаго узника.

Теоріи, какъ опаснаго камня преткновенія для импровизаціи, онъ умѣлъ избѣгать съ свойственною ему ловкостію. Опредѣленія его были просты, но не безъ затѣйливости. Спорный вопросъ о различіи между школами классическою и романтическою разрѣшенъ имъ былъ слѣдующимъ образомъ:

„Всѣ Французскіе писатели суть класси-
„ки, всѣ иностранные романтики; повторяю
„и утверждаю: все, что писано во Франціи,
„принадлежитъ къ классической школѣ, и
„все, что писано внѣ Франціи, есть роман-
„тическое.“

Изъ этого раздѣленія можно было бы заключить, что наши литераторы всѣ романтики и даже самые отчаянные, такъ какъ Россія далѣе прочихъ Европейскихъ государствъ отстоитъ отъ Франціи; но на повѣрку вышло совсѣмъ другое. Г. Дюранъ, перебирая всѣ Европейскія литературы, объ Русской не сказалъ ни слова, разумѣется потому, что онъ не имѣлъ объ ней никакого понятія; но, не показывая и виду своего незнанія, и притомъ основываясь, какъ кажется, на началахъ вновь возникающей во Франціи школы, далъ только замѣтить намѣками, что въ Россіи литературы быть не можетъ.

Въ заключеніе, и какъ бы на перекоръ этому новому мыслителю, одна изъ нашихъ соотечественницъ, вѣроятно любительница словесности и всего изящнаго,

пригласила его сопутствовать ей по классической Италіи. Мнѣніе самое Русское и великодушное! (*)

ИГРА Г-жи ДЮШЕНУА, ПЕРВОЙ ТРАГИЧЕСКОЙ АКТРИСЫ ПАРИЖСКОЙ,

1823 *года*....

Въ продолженіе нынѣшняго лѣта, весь Женевскій кантонъ занимался преимущественно двумя явленіями. Въ шесть часовъ

(*) Г. Дюранъ уже извѣстенъ нашей публикѣ; онъ давалъ публичныя лекціи въ Москвѣ и С. Петербургѣ въ 1834 году. Пріемъ, сдѣланный ему нашими литераторами, долженъ непремѣнно убѣдить его отнести ихъ или къ одной изъ готовыхъ уже школъ или изобрѣсти для нихъ новую, хотя бы Азіатскую. Въ одной изъ своихъ лекцій въ Москвѣ онъ въ самомъ дѣлѣ, основываясь на стрижкѣ волосъ,—относилъ Русскихъ къ Азіатцамъ....

утра старые и малые обыкновенно выходили на берега озера провожать пароходъ, недавно построенный иждивеніемъ консула Соединенныхъ Штатовъ, г. Чорча, и названный *Вильгельмомъ Телемъ.* Въ теченіи дня онъ приставалъ къ Ніону, къ Ролю и Моржу, останавливался въ Лозаннѣ и Веве, а въ семь часовъ вечера возвращался съ торжествомъ въ Женеву. Пароходъ очень долгое время былъ единственнымъ предметомъ здѣшнихъ политиковъ, философовъ и художниковъ; онъ только одинъ вертѣлся на языкѣ у стариковъ и дѣтей, у мущинъ и женщинъ. Но явилась дѣвица *Дюшенуа,* Мельпомена Парижская — и весь кантонъ, вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Телемъ, упалъ передъ нею. Граждане несли ей въ дань свои флорины, живописцы свои кисти, поэты свои стихи и вѣнки.

Многіе называютъ театральное искусство предметомъ роскоши; я назову его роскошью ума человѣческаго, излишнею и можетъ быть вредною для людей обыкновенныхъ, полезною и необходимою для душъ благородныхъ. Мы имѣемъ врожденное стрем-

леніе къ возможнымъ совершенствамъ. Что же можетъ удовлетворить сему влеченію природы, кромѣ искусствъ изящныхъ? Если бы могли мы пріучить свои чувства къ такой гармоніи, какую возбуждаетъ въ насъ музыка: мы были бы существами высшими. Если бы могли мы присвоить себѣ формы, движенія и характеры, представляемые живописью, ваяніемъ и поэзіею: мы были бы и на землѣ существами болѣе совершенными. Изящныя искусства, которыя справедливо у Грековъ назывались родными сестрами, дышатъ и живутъ одни другими. Неподражаемый рѣзецъ Каповы въ Адонисѣ и Венерѣ оживилъ поэзію; танцы нашихъ вестрисовъ приводятъ въ движеніе живопись и ваяніе. Искусство Мельпомены объемлетъ поэзію, мимику, живопись и музыку; отъ нихъ оно получаетъ свое бытіе и имъ же даетъ новую душу. Но чѣмъ болѣе оно сближается съ посторонними искусствами; тѣмъ болѣе имѣетъ силы и торжества надъ нами. Строгой нравоучитель гремитъ противъ нашей нравственности,—и мы, къ несчастію, рѣдко его слушаемъ. Герой трагедіи не говоритъ

намъ о добродѣтели, но дѣйствуетъ — и мы невольно возвышаемся духомъ надъ сферою нашихъ чувствъ обыкновенныхъ. Вотъ почему великій философъ Аристотель думаетъ, что въ драматической поэзіи болѣе философіи, нежели въ самой исторіи. По этимъ отношеніямъ и игра знаменитыхъ актеровъ столько же мнѣ кажется достойною вниманія, сколько изящныя произведенія великихъ стихотворцевъ.

Дюшенуа съ своею труппою играла и повторяла въ Женевѣ слѣдующія трагедіи: Меропу, Федру, Андромаху, Танкреда, Альзиру, Іоанна д'Аркъ и Марію Стуартъ. Чтобы дать понятіе объ искусствѣ этой актрисы, я намѣренъ показать ходъ ея игры съ нѣкоторою подробностію. Начнемъ разборомъ трагедіи, которая содержаніемъ своимъ заставляла плакать Грековъ и разнообразіемъ страстей занимаетъ всѣхъ новѣйшихъ. Не нужно пояснять, что здѣсь говорится о *Федрѣ*.

Во II дѣйствіи, въ V явленіи Федра говоритъ Ипполиту, что супругъ ея не умеръ, но живетъ въ самомъ Ипполитѣ. „Я на него

смотрю, съ нимъ говорю и мое сердце...." При этомъ словѣ она приходитъ въ смятеніе, которое Ипполитъ, ничего не подозрѣвающій, приписываетъ дѣйствію ея любви къ Тезею.

«Такъ, государь, люблю, боготворю Тезея:
«Тезей мнѣ милъ! Не тотъ, что въ тартаръ нисходилъ,
«Что тысячи красотъ похитилъ и плѣнилъ,
«Что посягнуть готовъ на одръ тѣней владыки;
«Но вѣрный и младой, но гордый—даже дикій,
«Прелестный, взоры всѣхъ влекущій на себя.
«Похожій на боговъ, похожій на тебя.» (*)

Федра вся была въ сладостномъ очарованіи, когда произносила послѣднія слова: ou tel que je vous vois. Вдругъ перемѣняетъ тонъ и досадуетъ, что Ипполитъ не былъ съ отцемъ своимъ въ Критѣ. Начиная съ словъ: „Что ты дѣлалъ тогда; Que faisiez vous alors? Федра произноситъ всѣ слѣдующіе осмнадцать стиховъ громко, быстро, не перерывая голоса и почти не переводя духа. Ипполитъ изумляется и напоминаетъ, что Тезей его отецъ, а ея супругъ. Хорошо она выразила припиор-

(*) Переводъ М. Е. Лобанова.

ство, когда съ важностію спросила его: „Изъ чего ты, князь, заключаешь, что я забыла Тезея?“ Ипполитъ отвѣчаетъ ей равнымъ притворствомъ, извиняется и хочетъ удалиться.

«Нѣтъ, понялъ ты, все понялъ ты, жестокій!»

восклицаетъ она съ злою улыбкою и послѣ сего, объятая трепетомъ, говоритъ твердо и рѣшительно: „Такъ я люблю.“ Въ слѣдующихъ стихахъ, расказывая о любви и средствахъ, употребленныхъ ею для погашенія этой страсти, она читаетъ быстро, постепенно приходитъ въ изступленіе, постепенно возвышаетъ голосъ, и наконецъ наполняетъ весь театръ громкимъ воплемъ и ужасомъ при сихъ словахъ: „освободи вселенную отъ чудовища, тебя раздражающаго; рази меня, или дай мнѣ мечь, если не хочешь обагрить руки твоей толь гнусною кровію.“

Въ II дѣйствіи Федра принимаетъ страшное намѣреніе погубить свою соперницу Арисію; рѣшается вооружить противъ нея гнѣвъ своего супруга, и вдругъ приходитъ въ память.

«Что дѣлаю, увы! Гдѣ разумъ, Федра, твой!
«Ревную и отмстить — Тезея умоляю!
«Супругъ мой живъ, а я любовію пылаю!
«Къ кому?
«Что слово — на челѣ вздымаются власы.»

Chaque mot sur mon front fait dresser mes cheveux. Переходъ отъ злости къ раскаянію превосходно былъ сыгранъ. Федра вздрогнула, приближилась къ сценѣ; спрашивала себя голосомъ дикимъ, отрывистымъ. При послѣднемъ стихѣ она опустила голосъ; приподнялась; дикіе глаза ея остановились; — стала, какъ окаменѣлая, съ отверстымъ ртомъ — и всѣ зрители невольно затрепетали....

Игра г-жи Дюшенуа въ пятомъ дѣйствіи можетъ также служить доказательствомъ, сколь хорошо она знаетъ ходъ страстей. Оправдывая Ипполита и признаваясь въ клеветѣ, она говорила тихо и отрывисто; приготовившись къ смерти и чувствуя дѣйствіе принятаго яда, она не изъявляла болѣе никакихъ движеній, ни робости, ни раскаянія; голосъ ея замиралъ на устахъ; полуоткрытые, закатившіеся глаза помутились

и стояли неподвижно, когда она произносила слѣдующій стихъ: „Уже, какъ бы сквозь облако, смотрю я на небо и на супруга.“

Послѣ превосходной игры г-жи Дюшенуа ни Панопъ, ни Тезей не смѣли окончить трагедіи и занавѣсъ опустился. Въ пятомъ дѣйствіи пріятно было видѣть, какъ Женевцы приготовлялись слушать расказъ о смерти Ипполита. Ученые заставили молчать неученыхъ; мущины тѣснились, женщины встали; все утихло — и чтеніе худаго актера, но искуснаго декламатора, награждено было рукоплесканіемъ.

Маріи Стуартъ, трагедія Пьера ле Брюня, въ первой разъ представлена была въ Парижѣ 6 Марта 1820 года. Она есть подражаніе Шиллеровой трагедіи; въ ней мало дѣйствія и много недостатковъ въ ходѣ; но характеръ Маріи благороденъ и отъ начала до конца выдержанъ. Я видѣлъ г-жу Дюшенуа въ роли Маріи, и смѣю назвать эту игру торжествомъ ея искусства. Надобно имѣть глубокое знаніе сердца и часто видѣть царей, чтобы съ такимъ благородствомъ подражать имъ; и съ другой стороны надобно

видѣть г-жу Дюшенуа въ этой ролѣ, чтобы имѣть понятіе о царственномъ величіи.

Первое дѣйствіе, какъ извѣстно, происходитъ въ замкѣ Фотериньи. Въ сценѣ съ Бурлейхомъ, когда онъ хочетъ прочитать приговоръ, произнесенный надъ Маріею парламентомъ, Марія, прерывая Бурлейха, говоритъ съ важностію королевы: „Какой бы онъ ни былъ, я не хочу его слушать. Я не могу измѣнить моимъ правамъ и моему долгу, и не признаю власти судей, надо мною поставленныхъ. Милордъ! я королева и королева иноземная. Меня думаютъ подчинить законамъ Англійскимъ; но подъ защитою этихъ самыхъ законовъ не имѣетъ ли права самый послѣдній гражданинъ быть судимъ своими перами? Какихъ же судей я могу признать надъ собою? Гдѣ мои перы? Одни только цари могутъ быть ими.“ Бурлейхъ хотѣлъ доказывать, что она подчинена теперь парламенту; Марія, прерывая его, гордо отвѣчала: „Никогда! Но еслибъ и подчинена была; могла ли бы я ожидать отъ него праведнаго рѣшенія? Говори: не тотъ же ли это парламентъ, который былъ низкимъ

орудіемъ Генриха Осьмаго? Который всегда продавалъ свои голоса монархамъ, который говорилъ и молчалъ, оправдывалъ и обвинялъ по тайнымъ повелѣніямъ, отъ нихъ полученнымъ, и который, подчиняя самаго Бога человѣческой власти, при четырехъ короляхъ четыре раза перемѣнялъ вѣру?" Послѣдній стихъ этой рѣчи произнесенъ былъ такимъ голосомъ, которой выражалъ какое-то глубокое благоговѣніе и священный ужасъ. Далѣе Бурлейхъ хотѣлъ только выговорить, что она покушалась изгнать ихъ вѣру, ихъ королеву; Марія прервала его громкимъ и повелительнымъ тономъ: „Остановись! Надъ правосудіемъ, надъ Богомъ издѣваешься ты, милордъ! Когда имѣла я это намѣреніе?" Бурлейхъ упоминаетъ о заговорѣ Бабингтона, и ссылается на свидѣтельство собственныхъ ея служителей. Маріи требуетъ, чтобы они повторили передъ нею клеветы свои. Бурлейхъ, какъ хитрый министръ, увертывается и намекаетъ, что она готовила новые заговоры. Раздраженная королева прервала и, такъ сказать, сразила его грознымъ и сильнымъ тономъ:

„Милордъ! ты не даешь отвѣта. Milord! vous ne repondez pas...“ Во всемъ этомъ разговорѣ Маріи съ Бурлейхомъ дѣвица Дюшенуа выразила въ высочайшей степени чувство благородной гордости, приличной высокому сану; но, произнося слова: „Милордъ! ты не даешь отвѣта,“ она была совершенною королевой. Если бы актеръ, игравшій роль Бурлейха, не былъ актеромъ; еслибъ онъ услышалъ въ первой разъ этотъ повелительный голосъ, въ первой разъ увидѣлъ этотъ грозный взглядъ и величественное положеніе: онъ невольно выронилъ бы изъ рукъ своихъ опредѣленіе парламента. По крайней мѣрѣ я понялъ теперь, чѣмъ великій ораторъ Рима заставилъ Кесаря выронить приговоръ смертный.

Третье дѣйствіе происходитъ въ саду. Послѣ долгаго заключенія Марія видитъ въ первый разъ свѣтъ и увлекается восторгомъ. Если передъ Бурлейхомъ въ мрачныхъ стѣнахъ она была королевою, то здѣсь передъ природою она явилась нѣжною ея дочерью. „Безпредѣльное пространство открывается передъ моими глазами. Видишь ли этотъ го-

ризонтъ, простирающійся въ неизмѣримую даль. Тамъ мое отечество; c'est là qu'est mon pays." — Я не знаю, какое бы каменное сердце не могло тронуться этою нѣжностію и умиленіемъ, съ какимъ она произнесла слова: „тамъ мое отечество." Она простерла руки къ отдаленному горизонту, остановила на немъ взоръ свой и продолжала медленно, отрывисто: „Тамъ начинается Шотландія. Бродящія по небу облака, можетъ быть, видѣли вчера отеческій домъ мой. Они идутъ отъ Сѣвера, летятъ къ предѣламъ Франціи. Ахъ! привѣтствуйте мѣсто моего счастливаго младенчества!"

Въ окрестныхъ мѣстахъ раздаются звуки роговъ и отдаленные голоса; Марія думаетъ, что это голоса звѣроловцевъ, и переносится воображеніемъ на горы своего отечества. Но является Паулетъ и выводитъ ее изъ очарованія; онъ сказываетъ ей о приближеніи королевы. Марія приходитъ въ замѣшательство, хочетъ скрыться; Паулетъ ее останавливаетъ. Старый Лордъ Мельвиль открываетъ ей намѣреніе Елисаветы и подаетъ надежду на свободу; но совѣ-

туетъ смириться передъ королевою. Марія колеблется, и наконецъ преклоняетъ колѣно.

„Правосудное небо,—говоритъ съ гордостію Елисавета,—ставитъ тебя на твое мѣсто; ему не угодно было, чтобы меня видѣли при твоихъ ногахъ, какъ я вижу тебя при моихъ.“—„Помысли о превратности человѣческаго счастія;—отвѣчала Марія и въ уничиженіи высокая;—„Есть на небѣ Богъ, наказующій гордость; бойся сего Бога, котораго всемогущество, въ присутствіи сихъ благородныхъ лордовъ, преклоняетъ меня къ твоимъ колѣнамъ.“ —Елисавета, готовая простить Марію, напоминаетъ ей, что она три раза покушалась на ея жизнь.—Марія обращается къ Богу, молитъ Его, чтобъ Онъ удержалъ ее отъ оскорбленія королевы и начинаетъ исчислять всѣ несправедливые ея поступки. „Ты задержала меня, съ покорностію пришедшую; ты, оскорбляя санъ монаршій, вопреки священнымъ законамъ гостепріимства, вопреки правамъ народнымъ и клятвамъ, заключила меня въ темницу; и наконецъ ты сдѣлала то, что меня короле-

ву, повлекли предъ судилище; „Devant un tribunal, moi Reine, on m'a conduite.“

Дюшепуа произнесла съ такимъ выраженіемъ слова *меня королеву,* что невольно заставила почувствовать всю важность оскорбленія, нанесеннаго этимъ уничиженіемъ царскому сану. „Я все сказала; теперь тебѣ, сестра моя, слѣдуетъ разсудить насъ.“ Этотъ стихъ, которымъ оканчивается жалоба, также весьма кстати произнесенъ былъ сатирическимъ и важнымъ тономъ.

Елисавета въ свою очередь исчисляетъ всѣ покушенія своихъ враговъ на ея жизнь и престолъ. Марія начинаетъ воспламеняться гнѣвомъ; упоминаетъ о своихъ правахъ на престолъ, похищенный Елисаветою; и потомъ, какъ бы скрѣпивъ сердце, опять принимаетъ молящій тонъ: „Ахъ! живи, царствуй, располагай моими правами; я уже не ищу скипетра вашихъ царей: увы! я теперь не что иное, какъ одна только тѣнь Маріи. Произнеси прощеніе, для котораго ты пришла въ мѣста сіи; окончи; сними цѣпи съ рукъ моихъ и отвори мнѣ путь въ любезную Шотландію. Вмѣстѣ съ свободою,

у меня похищенною, я приму отъ тебя, какъ даръ, и самую жизнь мою. Скажи одно слово; окончи; я его ожидаю. О, не заставь меня ждать его долгое время! „Oh ne me laissez pas l'attendre trop long temps!“ Косой взглядъ, брошенный на Елисавету, и протяжный, угрожающій тонъ, при произношеніи сего послѣдняго стиха, уже предзнаменовали близкую грозу. „Горе, горе тебѣ, если трепещущая сестра твоя не услышитъ изъ устъ твоихъ утѣшительнаго голоса!“

Елисавета спрашиваетъ: „поручишься ли ты, что изъ многочисленныхъ соумышленниковъ, увлекаемыхъ твоими прелестями, никто не подниметъ противъ меня оружія? Нѣтъ ли новыхъ заговоровъ? Нѣтъ ли другихъ Норфольковъ, влюбленныхъ въ тебя?“

„Это уже слишкомъ... c'en est trop...“ сказала Марія низкимъ и исполненнымъ сильнаго негодованія голосомъ. „Конечно,—продолжала Елисавета,—строгій примѣръ можетъ устрашить того, кто захотѣлъ бы тебѣ нравиться. Онъ не рѣшится слѣдовать неблагоразумію Норфолька, чтобы не подвергнуть

себя его участи; онъ устрашится твоей любви, дарящей смертію.“

„О сестра моя! Oh ma soeur!“ воскликнула Марія сатирическимъ тономъ, и затрепетала отъ сильнаго гнѣва.

Елисавета показываетъ графу Лейстерскому ея бѣшенство; издѣвается надъ ея смятеніемъ при имени Норфолька и оканчиваетъ тѣмъ, что и другіе тайные поступки ея открыты и уже сдѣлались извѣстны всему міру.

„Такъ!“ восклицаетъ гордо Марія: „жизнь моя не боится предстать предъ судилище всего міра; на нее смотрятъ, судятъ ее и можетъ быть обвиняютъ: но я по крайней мѣрѣ не старалась таить моихъ слабостей подъ обманчивыми покрывалами; я недерзала обманывать вселенной личиною притворства. Горе тебѣ, если истина сорветъ нѣкогда съ главы твоей покровъ и озаритъ тебя своимъ свѣтильникомъ!“

Старый лордъ Мельвиль становится между королевами, умоляетъ ихъ укротить гнѣвъ и окончить распрю. „Ахъ!“ восклицаетъ Марія, трепещущая отъ гнѣва,—„я

уже слишкомъ много перенесла гордыхъ и жестокихъ насмѣшекъ. Все кончилось. Удались отъ меня, несносное терпѣніе! Оставь гнѣву моему всю его силу; пусть раздаются мои вопли, столь долгое время удерживаемые! Пусть будутъ они ядовитыми стрѣлами, пронзающими ея сердце!"

Мельвиль падаетъ къ ногамъ Елисаветы и молитъ ее простить это изступленіе; графъ Лейстерскій именемъ Бога проситъ ее оставить это плачевное мѣсто и болѣе ничего не слушать. Марія продолжаетъ: „Плодъ беззаконной любви нагло ругается надъ священнымъ трономъ Англіи. Благородный народъ Англійскій, обманутый коварствомъ, двадцать лѣтъ стонетъ подъ скипетромъ, неправедно похищеннымъ. Если бы небо было правосудно,—ты, недостойная самодержица, лежала бы у ногъ моихъ — и я твоя королева!

«Et je suis votre Reine!»

Нельзя описать; надобно было видѣть, съ какимъ величіемъ и съ какою высокою гордостію дѣвица Дюшенуа сказала послѣднія слова. Во время игры она рѣдко перемѣ-

нлетъ мѣсто; но въ эту минуту съ важностію ходила по сценѣ; и улыбка, знакъ удовлетвореннаго мщенія, видна была на дрожащихъ ея устахъ. Однимъ словомъ: если въ разговорѣ съ Бурлейхомъ она была королевою повелѣвающею, то здѣсь была королевою торжествующею.

Елисавета пришла въ смятеніе и снова приняла тонъ важный. „Безразсудная!“ восклицаетъ она,—„Я даю тебѣ клятву на этомъ мѣстѣ, что сей же самый день покажетъ, кто изъ насъ королева, — ты, или я. Прощай.“

Елисавета убѣгаетъ; Робертъ Дудлей и Мельвиль слѣдуютъ за нею въ величайшемъ смущеніи; Анна трепещетъ; Марія продолжаетъ: „Она бѣжитъ и несетъ въ себѣ стрѣлу, исполненную яда. Ахъ! Я торжествую. Наконецъ, послѣ толикихъ страданій, я могла, могла насладиться минутою мщенія.“

Дюшенуа едва успѣла произнесть слова: я торжествую (je triomphe), какъ подлѣ нея упалъ вѣнокъ, брошенный вмѣстѣ съ билетомъ; общіи рукоплесканія и вопли прервали

игру. По окончаніи явленія, наперсница хотѣла увѣнчать ее, но скромная актриса убѣжала за кулисы. Послѣ четвертаго дѣйствія ученикъ Тальмы Аристиппъ, игравшій роль графа Лейстерскаго, вышелъ на театръ и прочелъ стихи, написанные въ билетѣ.

Плтое дѣйствіе состоитъ только въ томъ, что Марія прощается съ служителями и съ Анною, поручаетъ свое завѣщаніе Мельвилю, и принимаетъ отъ него послѣднее благословеніе. Дѣвица Дюшенуа во все это время играетъ тихимъ и почти одинакимъ тономъ; но этотъ тонъ смиренія, тонъ королевы, приготовившейся къ смерти и оставившей всѣ земныя помышленія, заставилъ рыдать весь театръ.

Роль Маріи Стуартъ на Французскомъ театрѣ поставлена или, какъ сказано было въ объявленіи, сотворена самою г-жей Дюшенуа; напротивъ того характеръ *Іоанны д'Аркъ*, какъ говорятъ, сотворенъ былъ стихотворцемъ единственно для игры Дюшенуа. Французы очень любятъ эту трагедію; потому что она основана на важномъ происшествіи отечественной ихъ исторіи,

приноровлена къ нынѣшнему образу ихъ мыслей и въ то же время гремитъ проклятіями противъ Англійскаго народа и парламента. Игра Дюшенуа отъ начала до конца очень хороша, но въ сценѣ съ королемъ превосходна, неподражаема. Дѣвственница, героиня Орлеанская, побѣдами своими спасла Францію и наконецъ досталась въ плѣнъ врагамъ своимъ. Англійскій парламентъ осуждаетъ ее на смерть; но король, прежде исполненія этого приговора, рѣшился испытать таинственную дѣву. Іоанна д'Аркъ описываетъ ему счастіе и безпечность прежней пастушеской жизни своей, потомъ вторженіе непріятелей и бѣдствія Франціи, наконецъ тотъ сонъ, въ которомъ небо призывало ее къ избавленію отечества отъ рабства. — Г-жа Дюшенуа съ большимъ искусствомъ выражаетъ простодушіе пастушки, ея искреннія горести и благоговѣйный страхъ во время чудеснаго призванія; жаль только, что въ заимословіи небеснаго посланника она принимаетъ какой-то напыщенный тонъ худаго католическаго или протестантскаго проповѣдника. Впрочемъ

и эта мнимая ошибка, можетъ быть, есть плодъ внимательнаго наблюденія. И какъ въ самомъ дѣлѣ поселяне, эти простыя дѣти природы, подражаютъ рѣчамъ вельможъ, проповѣдниковъ и вообще языку высокому? Обыкновенно говорятъ тономъ напыщеннымъ.

Откровенность и искренность дѣвственницы поражаютъ короля; но онъ притворяется недовѣрчивымъ и прерываетъ ее. Іоанна д'Аркъ заставляетъ его молчать и продолжаетъ расказъ. Она является въ станъ и воспламеняетъ всѣхъ мужествомъ; постепенно приходитъ въ восторгъ, постепенно возвышаетъ голосъ. Король хотѣлъ еще прервать ее; она среди вдохновенія своего загремѣла повелительнымъ тономъ: „слушай, (écoutez!)"—и, казалось, все должно было упасть передъ нею... Это голосъ Нептуна, укрощающаго бурю; голосъ Ахиллеса, обратившій въ бѣгство дружины Троянскія. Дѣвица Дюшенуа произноситъ первые два слога тономъ высокимъ и рѣзкимъ; а потомъ, ровно двумя октавами ниже, оканчиваетъ

послѣдній слогъ какимъ-то дрожащимъ и протяжнымъ отголоскомъ.

Іоанна д'Аркъ продолжаетъ расказъ. Она движетъ рать; поражаетъ всюду непріятелей; побѣда вездѣ за нею слѣдуетъ: но, вспомнивъ о плѣнѣ своемъ, восклицаетъ въ ярости: „И я въ цѣпяхъ!" Мщеніе пробудилось въ душѣ ея; она готова двинуть новыя войска, готова все поразить, истребить, уничтожить; но, пришедши опять въ память, вдругъ загремѣла узами, заскрежетала зубами и закричала протяжно: „И я въ цѣпяхъ! Et je suis dans les fers!..." Вмѣстѣ съ постепеннымъ переливомъ голоса отъ высокихъ тоновъ къ низкимъ, она опустила руки и стала въ положеніи Египетской статуи. Дрожащія уста, трепетъ и сверкающіе дикостію глаза привели весь театръ въ ужасъ; между зрителями слышанъ былъ глухой общій ропотъ; многіе невольно встали съ мѣстъ своихъ. Если бы живописецъ изобразилъ героиню Іоанну д'Аркъ въ это мгновеніе; онъ изобразилъ бы такую фурію, на которую бы нельзя было долго смотрѣть.

Вообще въ роляхъ царицъ и героинь дѣвица Дюшенуа превосходна, и особенно величіе души, ужасъ, злобу и гнѣвъ она выражаетъ очень сильно и естественно. Рѣчи ея всегда одушевлены; чтеніе не однообразное и вѣрное. Расказы, которые у обыкновенныхъ актеровъ теряютъ всю свою цѣну, въ устахъ ея получаютъ особенную прелесть. Смотря по ходу страстей, иногда говоритъ она просто, иногда скоро, медленно или отрывисто; иногда произноситъ нѣсколько стиховъ сряду однимъ тономъ, тихимъ и громкимъ, чтобъ поразить внезапнымъ переходомъ къ другимъ тонамъ. Положеніе тѣла всегда благородное, движенія рукъ очень скромныя. Ростъ ея средній, станъ стройный; одѣвается прилично тому времени, къ которому относится происшествіе, и тому лицу, которое она представляетъ.

Надобно признаться, что на игру этой актрисы нельзя смотрѣть безъ восторга; но восторгъ не мѣшалъ мнѣ видѣть и ея недостатки. Г-жа Дюшенуа, можно сказать, почти все получила отъ Мельпомены, но во многомъ обижена природою. Голосъ ея,

нѣсколько охриплый, часто бываетъ непріятенъ для слуха; въ чертахъ лица почти невидно никакихъ движеній; впалые глаза выражаютъ только ярость и ужасъ. Въ катастрофахъ, то есть въ нечаянныхъ переходахъ отъ надежды къ отчаянію и отъ отчаянія къ радости, равнымъ образомъ во время изступленія, когда надобно представить зрителямъ картину Эвменидъ, ада или тѣни умершихъ и образы отсутствующихъ, она играетъ слабо. Пятьдесятъ лѣтъ ея уже не закрываются румянами; и въ роляхъ нѣжныхъ любовницъ зритель удивляется одному только ея искусству, но не видитъ передъ собою ни Аменаиды, ни Альзиры. Черты лица ея не имѣютъ правильности, и это есть одинъ изъ главныхъ недостатковъ, почти ничѣмъ незамѣняемыхъ. Красота, по моему мнѣнію, принадлежитъ къ первымъ достоинствамъ трагической актрисы. Только одно прекрасное лице можно назвать вѣрнымъ зеркаломъ души, отражающимъ всѣ безчисленныя и разнообразныя ея движенія.

Что сказать о г. *Аристиппѣ*, котораго во всѣхъ афишкахъ называли воспитанникомъ

Тальмы и которому одинъ изъ поэтовъ Женевскихъ просилъ дѣвицу Дюшенуа удѣлить изъ вѣнка хоть одну вѣточку? Онъ имѣетъ хорошій ростъ, стройный станъ, чистый органъ, правильныя черты лица и играетъ обыкновенно роли молодыхъ героевъ. Говорятъ, что онъ совершенно подражаетъ Тальмѣ, какъ въ тонѣ, такъ и въ тѣлодвиженіяхъ: однако я имѣю довольныя причины въ томъ сомнѣваться. Суровый взглядъ, нѣсколько благородныхъ положеній и нѣсколько тоновъ: вотъ все, что, можетъ быть, онъ заимствовалъ у Тальмы, но знаменитый любимецъ Мельпомены не могъ вложить въ него своей души. Громкій голосъ Аристиппа не имѣетъ гибкости; выраженіе невѣрное и однообразное. Въ сценахъ нѣжныхъ примѣтны въ немъ холодность и принужденность, а въ мѣстахъ высокихъ много напыщенности. Тѣлодвиженіямъ своимъ онъ не знаетъ ни мѣры, ни приличія. Выражаетъ ли гнѣвъ, любовь или ненависть,—онъ всегда дѣйствуетъ обѣими руками вмѣстѣ, то поднимая ихъ вверхъ

въ прямомъ направленіи, то расширяя въ противоположныя стороны. И при томъ, что значитъ это безпрестанное трясеніе рукъ? Хорошій актеръ долженъ всегда принимать положенія не только пристойныя, но и благородныя, которыя не оскорбляли бы вкуса и въ то время, когда бы они были перенесены живописцемъ на полотно или на бумагу. Я не спорю о методѣ пѣнія, издавна употребляемой во Французскихъ трагедіяхъ; но желалъ бы по крайней мѣрѣ, чтобъ это пѣніе былъ разнообразно, а не таково, какъ у г. Аристиппа, который повторяетъ одну и ту же пѣсню отъ начала до конца трагедіи, и, еще болѣе, одну и ту же во всѣхъ трагедіяхъ. Во время своего бенефиса Аристиппъ игралъ Танкреда, и, замѣтивши вкусъ Женевцевъ къ кривляньямъ и крику, не щадилъ ни голоса, ни груди, ни рукъ. Извѣстно прекрасное мѣсто, гдѣ Танкредъ вызываетъ Орбасана на поединокъ. Аристиппъ приблизился къ актеру, игравшему роль Орбасана, бросилъ къ ногамъ его перчатку и, схвативши его за грудь и за руку, началъ трясти всею силою.

О прочихъ профанахъ Французской Мельпомены, игравшихъ съ дѣвицею Дюшенуа, я не почитаю за нужное говорить. Да потонутъ въ рѣкѣ забвенія таланты, искусство и имена ихъ! Надобно только удивляться терпѣнію Французовъ, которыхъ Вольтеръ называлъ сибаритами съ утонченнымъ вкусомъ. Какъ они могутъ равнодушно видѣть на театрѣ такія группы или, сказать моднымъ нашимъ словомъ, такой ensemble? Одинъ въ Греческой роли шаркалъ Французскими на; другой подпирался локтемъ или пряталъ безпрестанно въ платокъ носъ и лице; иной самъ не понималъ, для чего привязаны ему руки. Какъ жалокъ этотъ Тезей, покойно заснувшій въ креслахъ во время расказа о смерти Ипполита! Какъ смѣшонъ этотъ проворный Нарбасъ, свалившій съ плечь своихъ около пятидесяти лѣтъ! Чувствительные Греки, по словамъ Плутарха, тряслись отъ страха въ ожиданіи старца, который долженъ былъ остановить руку Меропы; они боялись, чтобъ онъ не опоздалъ. Ученый Французъ вѣроятно читалъ Плутарха и, щадя чувствительность Женевцевъ,

выбѣжалъ заблаговременно и смѣшалъ Мерону. Ah Narbas! Est-ce vous? (Ахъ Нарбасъ! не ужели это ты? — дѣйст. III, явлен. IV). Одинъ Русскій художникъ (Г. Яс...въ) изобразилъ нашего почтеннаго Колпакова въ томъ самомъ мгновеніи, когда онъ стремится удержать мечь, поднятый на Эгиста. Рука его простерта впередъ; тѣло немного наклонено; одежда развѣвается; голова нѣсколько поднята; въ глазахъ видѣнъ страхъ и нетерпѣніе; полуотверстыя уста его какъ бы гремятъ: „Остановись, царица!“ И вотъ каковъ долженъ быть Нарбасъ! c'est vous!

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о театральной музыкѣ. Въ здѣшнемъ театрѣ собственно нѣтъ оркестра; но онъ составляется иногда изъ охотниковъ или такъ называемыхъ любителей. При первомъ представленіи число ихъ простиралось до шести. А какъ это общество любителей не имѣетъ предсѣдателя и не подчинено никакому синдику; то повидимому они сами были въ недоумѣніи, какимъ образомъ приступить къ началу. Наконецъ, по долгомъ молчаніи, одна скрыпка, съ добрымъ или худымъ

намѣреніемъ, рѣшилась дать знакъ ударомъ смычка; но контрабасъ и віолончель приняли этотъ ударъ за личное оскорбленіе; ударили сами смычками; и что, вы думаете, заиграли?... Всякая страна имѣетъ свой обычай. Пусть Московскіе эстетики предписываютъ Московскимъ оркестрамъ непреложные законы — приготовлять зрителей къ тѣмъ чувствамъ, которыя заключаются въ піесѣ; а Женевскій оркестръ безъ дальнихъ околичностей началъ играть вальсы и пѣсни. Хотя партеръ былъ недоволенъ и даже кричалъ: à bas la musique! но раекъ, рѣшившись поддержать честь любителей, соединилъ съ инструментальною музыкою свою вокальную, и разными голосами вторилъ скрыпкамъ. Эта гармонія такъ наконецъ понравилась партеру, что онъ, по окончаніи каждаго вальса и каждой пѣсни, кричалъ: bis! bis!—Въ слѣдующихъ представленіяхъ общество любителей примѣтно разстроивалось; число инструментовъ постепенно уменьшалось; и наконецъ осталась одна только вышеупомянутая скрыпка. Она только одна, пребывая вѣрною своей чести

и долгу, отъ начала до конца выдержала свой характеръ, присутствовала при трагедіяхъ и операхъ, играла соло и тутти. Хотя, при прощаніи дѣвицы Дюшенуа опять четыре любителя явились на сцену; но всякой уже игралъ съ своего тона, и ни одинъ не хотѣлъ слѣдовать такту другаго. — Не ожидаете ли вы, чтобъ я окончилъ длинный расказъ мой заключеніемъ квартета Крылова?... Нѣтъ; я не стихотворецъ, а скажу просто: худой тамъ порядокъ, гдѣ нѣтъ капельмейстера; а и того хуже, гдѣ всѣ капельмейстеры...

КОМИЧЕСКІЙ АКТЕРЪ ПЕРДЕ.

Куда текутъ разноцвѣтныя волны народа? Что значитъ сей шумъ во полцѣ Еврей-

стѣмъ? — (Да простятъ меня Женевцы за это неумышленное сравненіе, которое впрочемъ не противорѣчитъ ихъ пословицѣ, равняющей двухъ жидовъ одному Женевцу: deux Juifs font un Génévois.)

Уже ничего болѣе не видятъ и не слышатъ, кромѣ Перле. Его именемъ привѣтствуютъ другъ друга въ часы утренніе; о немъ бесѣдуютъ въ обществахъ и въ важныхъ засѣданіяхъ; имъ бранятся, дразнятъ и забавляются. Перле утѣшилъ вдовъ и сиротъ, разгладилъ морщины угрюмыхъ стариковъ и привелъ въ движеніе челюстныя мышцы важныхъ профессоровъ.

Первый Французскій театръ (theatre François), по праву ему данному, требовалъ Перле, актера *Гимназіи Драматической,* въ свою труппу. Молодой артистъ, думая не столько о чести и дубовыхъ вѣнкахъ, сколько о золотыхъ людовикахъ (Louis d'or), хотѣлъ выговорить себѣ особенныя преимущества. Раздраженный его предложеніями и упрямствомъ, министръ приказалъ ему выбирать одно изъ двухъ: или вступить во Французскій театръ или оставить столицу. „Mon-

seigneur! отвѣчалъ трагическимъ тономъ знаменитый комикъ; благодарю васъ душевно за отличное ко мнѣ благоволеніе; вмѣсто пятидесяти тысячь франковъ ежегоднаго моего дохода въ Парижѣ, вы даруйте мнѣ сто пятьдесятъ тысячь въ провинціяхъ.“ Г. Перле сдержалъ свое слово. Онъ явился въ Англію и важные лорды сыпали ему фунты стерлинговъ пудами.

Въ Женевѣ началъ онъ свои представленія піесою: Une visite à Bedlam, оперою водевиль, имѣющею отношеніе къ его изгнанію. Италіянецъ Кресчендо, помѣшавшійся отъ страсти къ музыкѣ, сочиняетъ оперу и не знаетъ, кому посвятить ее. Владѣлецъ Бедламскаго замка, желая пошутить надъ нимъ, выдаетъ одного молодаго человѣка за Русскаго князя и вотъ черта очень забавная и острая. Извѣстно, что нѣкоторые изъ Русскихъ бояръ, не находя въ своемъ отечествѣ талантовъ, достойныхъ высокаго ихъ покровительства, ищутъ ихъ за границею; протекаютъ Францію и Италію съ благою цѣлію поощрять художества и художниковъ —и нѣсть иже укрыется теплоты ихъ!...

За то и Французскіе журналы, движимые чувствомъ живѣйшей признательности, называютъ ихъ князьями; и такимъ образомъ имя Русскаго князя во Франціи и Италіи сдѣлалось символомъ и идеаломъ щедрости. Кресчендо внѣ себя отъ радости; онъ бѣгаетъ, кричитъ и поетъ: но, къ несчастію, не долго продолжался жаръ его. Нечаянный случай открываетъ ему, что молодой человѣкъ не князь, а только графъ и при томъ не Русскій. Въ продолженіе всего этаго дѣйствія Перле былъ совершеннымъ Кресчендо; но и Кресчендо въ свою очередь былъ совершеннымъ Перле, когда пѣлъ слѣдующій, съ восторгомъ принятый публикою, куплетъ:

«Меня во Франціи хвалили;
«Мнѣ деньги въ Англіи платили.»

Въ роли Кресчендо Перле показалъ свое искусство въ музыкѣ; а въ роли *Актера Етампскаго* (le comedien d'Etampes) очаровалъ публику своимъ блистательнымъ и почти невѣроятнымъ талантомъ измѣнять лице, сообразно различнымъ характерамъ. Путе-

шественникъ актеръ зашелъ по ошибкѣ въ одинъ домъ, который прежде былъ гостинницею. Его разговоръ простъ и благороденъ, движенія ловки и натуральны. Садовница въ него всматривается, замѣчаетъ въ немъ сходство съ своимъ господиномъ, начинаетъ спорить о томъ съ мужемъ, а для доказательства проситъ незнакомца надѣть халатъ и парикъ ихъ господина. Путешественникъ охотно соглашается и, къ удивленію садовника и садовницы, или, лучше сказать, къ крайнему изумленію всей публики, въ одно мгновеніе превращается изъ молодаго мущины въ дряхлаго старика, голова его трясется, глаза прищурились, щеки вдавились, губы отвисли, голосъ тихій и дрожащій. Публика встрѣтила его общимъ хохотомъ и рукоплесканіемъ; но чтожъ бы она сдѣлала, если бы знала, что этотъ старикъ есть живой портретъ Парижскаго знаменитаго актера *Потье?* До такой степени совершенства обладаетъ Перле искусствомъ лицедѣйства!—Дѣйствіе продолжается — и вдругъ нечаянный случай приводитъ въ тотъ же домъ одного журналиста,— то-

го самаго, который писалъ бранныя статьи въ своемъ журналѣ на счетъ актера Етампскаго, хотя и никогда не видалъ игры его. Прекрасный случай отмстить ему. Актеръ перерядился въ платье садовника; началъ расказывать небылицы; увѣрилъ журналиста, что одна Англичанка путешественница желаетъ съ нимъ видѣться и въ заключеніе, какъ бы по неосторожности и безъ намѣренія, обливаетъ его водою. Какъ не повѣрить этому простяку, котораго душа вся на языкѣ? — Наконецъ является мнимая Англичанка, сопровождаемая Англійскимъ жокеемъ, который на каждое ея слово кричитъ: есъ, миледи! Сентиментальная леди садится въ кресла и начинаетъ расказывать журналисту свой романъ; она путешествовала въ дилижансѣ съ однимъ длиннымъ кавалеромъ, влюбилась въ него и умираетъ теперь отъ любви; въ заключеніе поетъ плачущимъ голосомъ Англійскій романсъ: „Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ.“ Журналистъ вспомнилъ собственный романъ свой; этотъ длинный кавалеръ есть онъ самъ; онъ принимаетъ живѣйшее участіе въ расказѣ и хвалитъ

съ восторгомъ пѣніе леди. Ободренная его похвалою, она рѣшилась блеснуть своимъ искусствомъ и запѣла арію. Протяженіе, переливы и порывы голоса, прерываемаго вздохами, невольно исторгли у публики общее рукоплесканіе; очарованный журналистъ бросился цѣловать ея руку; леди ударила его по щекѣ и хладнокровно сказала, что Англичанки не могутъ терпѣть такой неучтивости. Нельзя не удивляться искусству, съ какимъ Перле подражаетъ самымъ малѣйшимъ чертамъ характера Англичанокъ. Эта ровная и измѣренная поступь, эта голова нѣсколько наклоненная и глаза вперенные въ землю, этотъ сентиментальный тонъ въ разговорѣ и самая холодность въ гнѣвѣ не выучены и не сотворены, а схвачены имъ въ самой природѣ.

У Французовъ вошло въ моду въ одной и той же оперѣ или комедіи, перерядить одно и тоже лице въ разные костюмы. Нѣтъ сомнѣнія, что такого роду дѣйствія невѣроятны; но онѣ льстятъ нетерпѣливому характеру народа, ищущаго безпрестанно новыхъ наслажденій—и этого уже довольно. Къ та-

кимъ піесамъ принадлежитъ *Артистъ,* опера водевиль, сочиненіе Скриба и самаго Перле. Одинъ бѣдный живописецъ не платитъ денегъ за нанимаемый имъ покой, потому что ихъ не имѣетъ; не принимаетъ ни отъ кого и никакихъ подарковъ,—потому что онъ благороденъ и гордъ; владѣлецъ дома предлагаетъ свою руку его дочери, но артистъ уважаетъ одни только таланты и презираетъ богатство и пышность. Любовникъ рѣшается наконецъ показать, что и онъ принадлежитъ къ дѣтямъ Аполлона; для того и принимаетъ три разныя роли. Перле игралъ очень натурально во всѣхъ этихъ роляхъ; и когда при развязкѣ спросилъ живописца: „не артистъ ли я?" Публика отвѣчала общими рукоплесканіями и бросили къ нему на сцену вѣнокъ съ стихами.

Что такое артистъ путешественникъ? Это Симонидъ, который носитъ все съ собою. Характеръ его самонадѣяніе, важность и благородная гордость; принадлежности его посохъ, котомка и пустой кошелекъ. Одинъ изъ такихъ путешественниковъ, нашихъ земляковъ, на возвратномъ пути въ Россію,

былъ дѣйствующимъ лицемъ одного непріятнаго и въ тоже время забавнаго происшествія въ Нѣмецкомъ трактирѣ, которое и передано памяти Французами въ оперѣ—водевилѣ, названной трактирнымъ счетомъ: Une carte à payer. Толстый и огромный трактирщикъ заключилъ, что молодой и важный его постоялецъ долженъ быть князь, путешествующій инкогнито. Его сіятельство инкогнито, обрадованный такимъ пріемомъ и замѣтившій пригожую дочь трактирщика, рѣшился остаться на нѣсколько времени въ трактирѣ и играть свою роль: но, не успѣвши въ волокитствѣ, вдругъ потребовалъ расчета. Трактирщикъ пораженный, какъ громомъ, этимъ требованіемъ, хотѣлъ поправить свою ошибку и написалъ *итого* 160 франковъ за двѣ бутылки бордо и за постой въ той комнатѣ, въ которой его свѣтлость, Нѣмецкій герцогъ N.., изволилъ останавливаться. Артистъ запылалъ гнѣвомъ и началъ грозить, что онъ будетъ искать себѣ защиты отъ притѣсненій и грабежа; хладнокровный Нѣмецъ также разгорячился и объявилъ, что и онъ надѣется на благость

правосудія, которое не попуститъ ему разориться отъ самовольныхъ путешественниковъ. Между тѣмъ является брадобрѣй съ гребенкою въ волосахъ и съ мыльницею въ рукѣ. Не нужно говорить, что это былъ Перле. Его робкая поступь, раболѣпный взоръ и хитрый тонъ уже напередъ сказали о томъ публикѣ. Брадобрѣй тотчасъ далъ свой толкъ означенному дѣлу, совѣтовалъ артисту требовать правосудія и предложилъ ему свое ходатайство, яко адвокатъ мѣстечка. Артистъ явился въ судъ и не могъ удержаться отъ смѣха, увидѣвши своего брадобрѣя важно выступающимъ въ длинной черной мантіи и въ трехъ-угольной шляпѣ. Но какое же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ, что предсѣдатель суда есть самъ трактирщикъ, а секретарь—собственный его поваръ! —Прочли протоколъ; стали вызывать подсудимыхъ;—и наконецъ дошла очередь до артиста. Адвокатъ его встаетъ съ стула, перебираетъ съ торопливостію бумаги, и предлагаетъ сущность дѣла. Наконецъ онъ откашлялся и началъ блистательную рѣчь свою великолѣпнымъ періодомъ Цицерона:

Si quid est in me ingenii, Iudices. Ничего не могло быть забавнѣе остроумной его фигуры раздѣленія, въ которой онъ одного и того же толстаго Нѣмца осыпалъ и самыми низкими ругательствами и самыми высокими похвалами. „Какъ трактирщика, говорилъ онъ, проклинаетъ его вся Германія; какъ судію, благословляетъ его цѣлая вселенная; какъ трактирщикъ, онъ корыстолюбецъ, обманщикъ и грабитель; какъ судія, онъ покровъ невинности, заступленіе гонимыхъ и защита притѣсняемыхъ.“ Наконецъ, витія коснулся всѣхъ пружинъ сердца, бросилъ на него всѣ громы своего краснорѣчія и всѣ стрѣлы трогающихъ доводовъ. Разнѣженный предсѣдатель, отирая платкомъ слезы, потребовалъ тотчасъ счетъ и убавилъ изъ означенной суммы цѣлую половину! Въ эту самую минуту доложили въ судѣ о прибытіи новыхъ путешественниковъ; предсѣдатель и секретарь сбросили съ себя мантіи и въ своихъ фартукахъ опрометью бросились встрѣчать ихъ; между тѣмъ какъ ораторъ, оставляя каѳедру, раздѣваясь и доставая бритвы, еще повторялъ съ восторгомъ: oratio triumphat!

Все это дѣйствіе забавно и занимательно вопервыхъ по тому, что оно представляетъ живую картину нравовъ и обычаевъ Нѣмецкихъ; вовторыхъ по тому, что въ немъ участвовалъ Перле, столько же тонкой знатокъ пародіи, сколько искусный актеръ въ комедіи.

Но нигдѣ, по моему мнѣнію, не являлось его искусство съ такимъ блескомъ и торжествомъ, какъ въ оперѣ-водевилѣ: *Обжора безъ денегъ;* Gastronome sans argent. Вообразите себѣ испитую и тонкую фигуру съ длинною шеею и съ склоненною на плечо головою; вообразите живой скелетъ, обтянутый длиннымъ краснымъ кафтаномъ, съ выдавшимися локтями и колѣнами: такимъ явился на сцену обжора. Онъ такъ тощъ, что едва передвигается; такъ легокъ, что едва касается земли; такъ голоденъ, что едва переводитъ духъ свой; желудокъ его также пустъ, какъ карманы. — Обжора всѣхъ старается обмануть и самъ всѣми обмануть; всѣ его приглашаютъ къ обѣду и всѣ ему отказываютъ; онъ безпрестанно между надеждою и отчаяніемъ. Весьма забавна сцена,

въ которой онъ совѣтуетъ одному жениху пригласить его къ столу, какъ стихотворца. Уже онъ назначаетъ себѣ за столомъ мѣсто; уже начинаетъ пѣть сочиненную имъ пѣсню. Финалъ ея, состоящій изъ нѣмаго разговора новобрачныхъ, долженъ бы привесть въ краску и самыхъ мущинъ; но искусство Перле въ переходахъ отъ смѣлаго тона жениха къ робкому тону невѣсты заставилъ невольно смѣяться и скромныхъ дѣвушекъ и плаксивыхъ Гераклитовъ.

Для каждой роли, взятой въ особенности, безъ сомнѣнія, можно найти актеровъ, подобныхъ Перле: но для всѣхъ ролей, взятыхъ вмѣстѣ, нѣтъ другаго Перле. Его Кресчендо, актеръ Етампской, старикъ, садовникъ, Англичанка, брадобрѣй и обжора ничего не имѣютъ общаго ни въ поступи, ни въ движеніяхъ, ни въ тонѣ, и, что́ почти невѣроятно, не имѣютъ никакого сходства даже и въ чертахъ лица. Перле есть протей комедіи.

Женева столько была очарована его талантами, что поставила себѣ въ честь дать

ему право на гражданство. Это не есть одна шутка, но дѣйствительная правда. И любители и нелюбители театра иначе его не называли, какъ своимъ согражданиномъ: а какъ нѣкоторые изъ Французовъ не хотѣли уступить Женевцамъ своего Перле, который и родился и выросъ и воспитанъ во Франціи; то послѣдніе, для рѣшенія спора, почли за нужное напечатать въ Лозанской газетѣ слѣдующую статью съ документами. „Съ нѣкотораго времени г. Перле *нашъ соотечественникъ,* доставляетъ намъ живѣйшее удовольствіе своими талантами. Мы называемъ его нашимъ соотечественникомъ и имѣемъ на то довольныя причины; не смотря на то, что онъ родился во Франціи, многіе изъ родственниковъ его живутъ въ Женевѣ; и отецъ его также былъ Женевскій гражданинъ.“

И такъ г-на Перле можно поставить на ряду съ Гомеромъ. Какъ о мѣстѣ рожденія Гомера спорили въ древности семь городовъ; такъ и объ отчизнѣ Перле спорятъ нынѣ цѣлые два народа: Французы и Женевцы.

Разность только въ томъ, что царь пѣвцевъ при жизни своей не имѣлъ ни пристанища, ни насущнаго хлѣба; а корифей шутовъ весь въ серебрѣ и золотѣ.

Если вѣрить Женевцамъ, ихъ Перле есть существо совершенное, чуждое всѣхъ слабостей, свойственныхъ артистамъ: но какъ Женевцы, по означенному родству съ нимъ, могутъ быть судіями пристрастными; то я и беру смѣлость замѣтить здѣсь нѣкоторые его недостатки. Они состоятъ, какъ часто случается и со всѣми артистами, въ излишнемъ желаніи блистать своими талантами; или, какъ бы сказали наши ученые, nimius ingenii sui amator (чрезъ мѣру влюбленный въ самаго себя). Перле имѣетъ очень хорошій теноръ-басъ и искуснымъ пѣніемъ своимъ одушевляетъ весь оркестръ: но, будучи протеемъ въ характерахъ, онъ однообразенъ въ пѣніи. Онъ прекрасно подражаетъ природѣ, когда въ роляхъ кропотливыхъ стариковъ повторяетъ про себя одни и тѣже послѣднія слова: но часто, обольщенный рукоплесканіями, повторяетъ до

излишества. Родъ его есть низкая комедія; и потому нерѣдко увлекается онъ своимъ восторгомъ за предѣлы благопристойности. Напримѣръ, его Кресчендо, обласканный мнимымъ Русскимъ княземъ, бѣгаетъ по сценѣ, какъ угорѣлый. Повидимому, Перле могъ бы собрать лавры и на поприщѣ благородной комедіи: но обвинять его въ предпочтеніи фарсовъ всѣмъ другимъ родамъ комическимъ значило бы нападать на господствующій вкусъ публики. De gustibus non est disputandum.

ЭСЪ ВЪ САВОІИ,

3 Августа н. с. 1825 года.

Городокъ *Эсъ* (Aix) (*) лежитъ между отраслями Альпійскихъ горъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по мнѣнію Женевскаго профессора Делюка, Аннибалъ переходилъ черезъ Альпы. Г. Албанисъ Бемонъ въ своемъ путешествіи производитъ названіе Эса отъ лицъ ледиными, и именно отъ какого-то храма, которой будтобы былъ воздвигнутъ здѣсь Гезу (Hesus), Кельтскому Марсу, и отъ котораго впрочемъ никакихъ слѣдовъ и признаковъ не осталось. Вѣроятнѣе, имя сіе происходитъ

(*) Наши географы пишутъ *Э*; но Женевцы, Французы и Савойцы произносятъ: *Эсъ*.

отъ стариннаго испорченнаго слова, означающаго *воды* (Aix отъ Eaux), такъ какъ Эсъ-ла-Шапель и Эсъ въ Провансѣ, также знаменитые своими цѣлебными водами. Два минеральные здѣшніе источника, одинъ сѣрный и другой квасцовый, извѣстны были, кажется, еще Римлянамъ; доказательствомъ тому служатъ оставшіеся отъ нихъ памятники; какъ то стѣны и прекрасная отлогая лѣстница въ Эсскомъ замкѣ и торжественныя ворота, сооруженныя Помпеемъ Кампанейскимъ въ честь его родственниковъ. Не извѣстно, по какой причинѣ здѣшніе жители съ давнихъ временъ приписывали основаніе этого города Императору Граціану и самыя воды называли обыкновенно Граціанскими или Аллоброгскими (aquae Gratianae, Allobrogum). Преданіе сіе казалось для многихъ неосновательнымъ до того времени, пока одинъ неожиданный случай не увѣрилъ ихъ въ противномъ. Въ 1779 году работники, занимаясь поправками одного частнаго дома, замѣтили отверстіе, ведущее въ подземелье. Они рѣшились тотчасъ сойти въ него съ огнемъ, и противъ чаянія

открыли тамъ два каменныя зданія. Одно имѣло въ длину около 16 футовъ и нѣсколько столбовъ, на которыхъ лежали своды. Другое было почти одинакой съ первымъ величины, но столбы стояли только подлѣ стѣнъ. На одномъ изъ камней, отвалившихся отъ свода, нашли вырѣзанное имя Граціана: *Gratianus*. Своды сего послѣдняго подземелья почти совершенно плоскіе, но столько твердые, что они могли держать цѣлый фасадъ дома, построеннаго надъ ними по невѣденію. Оба эти подземелья лежатъ подлѣ квасцоваго источника; и вѣроятно назначены были для баней или термъ, которыя, какъ извѣстно, находились и въ частныхъ Римскихъ домахъ.

Источникъ сѣрный находится отъ квасцоваго въ 80 шагахъ; какъ тотъ, такъ и другой имѣютъ отъ 35 до 36 градусовъ теплоты. Надъ первымъ въ прошедшемъ столѣтіи построено большое и красивое зданіе по плану Сардинскихъ инженеровъ. Бани, назначенныя для дýшей (la douche), расположены полукружіемъ; въ каждую изъ нихъ проведены отъ главнаго источника

небольшіе каналы; изъ каналовъ вода падаетъ въ кожаныя трубы, которыя обыкновенно направляются душеромъ на больное мѣсто. Чтобы дать большую силу водѣ, привинчиваются къ трубамъ жестяные кропильники (arrosoir или entonnoir). Подлѣ этихъ бань идетъ также полукружіемъ длинный коридоръ, оканчивающійся съ правой и лѣвой стороны двумя квадратными залами. Самыя сильныя души, устроенныя въ подземельи или въ пещерѣ, называются адомъ (enfer).

Одна изъ нихъ называется кипяткомъ (bouillon); по тому что вода, падая съ значительной высоты сквозь узкіе каналы, представляется кипящею. Здѣсь также устроена одна паровая баня, гдѣ отъ сильнаго паденія воды скопляются пары въ большомъ количествѣ. Дворъ, принадлежащій сему зданію состоитъ изъ полукруглаго водоема, въ которой стекаютъ воды и изъ котораго вытекаютъ посредствомъ подземельныхъ каналовъ. Фасадъ или передняя сторона дома есть простая высокая стѣна съ большими воротами и съ внутреннею галлереею.

Квасцовый источникъ находится въ самой верхней части города и, по увѣренію доктора Дакеня, несправедливо называется квасцовымъ; потому что не заключаетъ въ себѣ ни однаго атома квасцевъ. Онъ вытекаетъ изъ каменной стѣны, накрытой сводомъ и построенной, какъ говорятъ, еще Римлянами. Изъ этаго верхняго бассейна вода проходитъ подъ улицею въ другой водоемъ, имѣющій глубины до пяти футовъ. Сей послѣдній называется Королевскимъ; потому что въ немъ, если вѣрить преданію, купался Генрихъ IV и герцоги Савойскіе съ своими придворными. Оба сіи источника имѣютъ одинакую степень теплоты и, безъ сомнѣнія, одно начало; но въ составѣ ихъ заключаются совершенно различныя частицы, вѣроятно отъ того, что, они текутъ оба по разнымъ почвамъ. Квасцовыя воды, какъ замѣчено, простываютъ скорѣе сѣрныхъ, и, что́ всего удивительнѣе, отличаются особеннымъ качествомъ оживотворенія растеній. Засохшіе цвѣты, травы или древесныя листья, брошенныя въ этотъ источникъ, черезъ четверть часа получаютъ прежнюю

краску, свѣжесть и запахъ. Причина сего рѣдкаго явленія, не смотря на всѣ догадки и предположенія ученыхъ, по словамъ доктора Дакеня (Daquin), до сихъ поръ была еще неисповѣдимою тайною природы: Latet adhuc inter arcana naturae.

Начало этихъ источниковъ также скрывается въ неизвѣстности. Въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ одной четверти лье отъ Эса, находилась узкая разсѣлина или пещера, изъ которой выходили смрадные пары и въ которую вело темное отверстіе. Нѣкто изъ ученыхъ г. Сокетъ (Sauquet) хотѣлъ здѣсь играть ролю Эмпедокла. Безъ сомнѣнія, онъ не былъ столько простъ, какъ Греческой философъ, и не заблагоразсудилъ броситься въ эту маленькую этну для пріобрѣтенія славы; однако Сокетъ старался увѣрить въ одномъ своемъ сочиненіи, что онъ сходилъ въ нее и дѣлалъ въ ней съ своимъ ученикомъ наблюденія ареометрическія, термометрическія и эвдіометрическія. Къ несчастію, г. Сокетъ забылъ объяснить, какимъ способомъ онъ могъ оставаться цѣлые получаса въ такомъ мѣстѣ, которое испол-

нено было смрада и гдѣ теплота атмосферы восходила до 39 градусовъ; какимъ образомъ бѣдный ученикъ его могъ записывать наблюденія въ темнотѣ и на мокрой бумагѣ; и наконецъ какимъ образомъ они оба могли пролѣзть въ эту узкую разсѣлину. Всѣ эти невѣроятности подали причину г. Дакеню уличить Сокета въ шарлатанствѣ, назвать его рыцаремъ—искателемъ приключеній, уподобить его Орфею, сходившему въ адъ и наконецъ предложить его въ предметъ комико-героической поэмы. Однимъ словомъ: всѣ тѣ насмѣшки и ругательства, которыми г. Дакенъ осыпаетъ своего соперника, достойны выходить изъ устъ и изъ подъ пера только Дакеней. Самыя важныя возраженія его состоятъ въ томъ, что онъ самъ хотѣлъ сойти въ эту пещеру, но не могъ пролѣзть и перенести теплоты. Теперь нельзя конечно рѣшить, кто изъ нихъ правъ; по тому что ни автора, ни критика нѣтъ уже въ живыхъ, да и самыхъ слѣдовъ пещеры уже не видно: впрочемъ можно думать, что это отверстіе было маленькимъ жерломъ вулкана, скрывающагося

въ окрестностяхъ Эса. Доказательствомъ его существованія, кромѣ означенныхъ горячихъ ключей, могутъ служить, какъ кажется, всѣ эти слои камней поздреватыхъ, пережженныхъ и похожихъ на лаву, которые покрываютъ ближній холмъ, лежащій выше Эса на одну четверть часа; вѣроятно они выброшены были изъ нѣдра земли, во время изверженія огненнаго.

Въ Эсѣ употребляются три способа лѣченія: или пьютъ минеральную воду, или купаются въ ваннахъ или берутъ души. Кромѣ упомянутыхъ двухъ источниковъ, есть еще третій *желѣзный*, холодный, отстоящій отъ Эса на четверть часа. Такъ называемая королевская баня могла бы быть весьма полезною больнымъ для купанья, но она совсѣмъ заброшена и употребляется только для стиранія бѣлья. Полукруглый водоемъ, находящійся на дворѣ банномъ, очень мѣлокъ и одни только бѣдные купаютъ въ немъ больныя ноги. Собственно ванны приготовляются обыкновенно въ домахъ; отъ чего и вода, переносимая изъ источниковъ, теряетъ много минеральныхъ час-

тицъ чрезъ испареніе. Что же касается до *душей*, онѣ здѣсь, доведены до совершенства. Колонна горячей воды, сжатой въ узкую кожаную или жестяную трубу и падающей съ значительной высоты, будучи направляема на больную часть тѣла и на все тѣло, растворяетъ поры почти съ такою же силою, какъ Русскія бани. Но какъ при банномъ дворѣ совсѣмъ нѣтъ теплыхъ кабинетовъ для отдыха, то, послѣ *душей*, особенно опредѣленные правительствомъ носильщики укутываютъ больнаго въ простыни и одѣяла, относятъ его въ домъ въ завѣшенныхъ креслахъ и кладутъ въ постелю, гдѣ и долженъ онъ пролежать около часа, подобно спеленанному дитяти. Доктора обыкновенно предписываютъ больному, смотря по болѣзни, отъ 12 до 25 *душей*; на двѣ или на три *души* назначается одинъ день для отдыха. Каждый билетъ для *души*, включая банщиковъ и носильщиковъ, стоитъ только полтора франка или полтора рубля; число посѣтителей ежегодно простирается отъ 1000 до 1900. Нельзя не отдать справедливости искусству и заботливости врачей Эсскихъ, и порядку,

наблюдаемому вообще чиновниками и всѣми служителями, состоящими при этомъ заведеніи; впрочемъ можно предполагать, что Эсскія воды еще болѣе были бы посѣщаемы, если бы правительство обратило на устройство ихъ болѣе вниманія.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

8 *Августа н. с.*

Городокъ Эсъ имѣетъ не болѣе 1800 жителей. Между древностями, оставшимися отъ Римлянъ, достойны здѣсь примѣчанія торжественныя ворота или арка, принадлежащая къ золотому времени Римскаго зодчества. Помпей Кампанейскій, перешедши черезъ Альпы съ своими легіонами и разбивъ толпы Аллоброговъ, основалъ, можетъ быть, свой станъ (castra statiua) подлѣ горячихъ

ключей и хотѣлъ вѣроятно сдѣлать извѣстными въ потомствѣ своихъ родственниковъ, любезныхъ его сердцу. Имена ихъ, вырѣзанныя на фризѣ и на капители, находятся въ слѣдующемъ порядкѣ: Pompeio Campano avo a patre;—Caiae Secund. aviae a patre;—Pompeiae Maximae Sorori;—Pompeio Campano Fratri; (имена двухъ родственниковъ изгладились). D. Valerio Grato—Caio Agricolae;—Pompeiae Secundin. amitae;—C. Pompeio Justo Patri iet Parentibus;—Voluntiliae C. Sentiae aviae amatae;—C. Sentio Justo avo amato;—T. Cannulio Attico perpesso;—L. Pompeio Campano Campani et Sentiae Filio.—Надъ аркою написано имя соорудившаго: L. Pompeius Campanus Pivs fecit.

Эсъ лежитъ въ огромномъ бассейнѣ, вырытомъ самою природою и окруженномъ холмами. Съ южной стороны есть скала, составленная изъ камней ноздреватыхъ и перегорѣлыхъ. Отсюда видите долину, городъ, сады, цѣпь холмовъ, называемую Тресервомъ, часть озера Бурже и рядъ горъ, выходящихъ съ сѣвера крупными уступами. Отъ Эса къ озеру ведетъ прямая длинная

аллея, простирающаяся версты на двѣ и состоящая изъ огромныхъ тополей. Минеральныя воды, орошая почву въ окрестностяхъ, даютъ всѣмъ растѣніямъ быстрый ростъ и свѣжій цвѣтъ и всѣмъ плодамъ преждевременную зрѣлость. Естествоиспытатели смотрятъ на долину Эсскую или Шамберійскую, какъ на предѣлъ, положенный природою между Европою южною и западною. Цѣпь горъ восточныхъ почитаютъ они отраслію Альповъ; а рядъ горъ на западномъ берегу озера Бурже, по ихъ мнѣнію, не что иное есть, какъ продолженіе Юры, соединяющейся съ Дофинейскими горами. Раздѣленіе сіе основывается на различномъ направленіи каменныхъ слоевъ, на различныхъ родахъ камней и минераловъ.

За озеромъ Бурже есть развалины монастыря, называемаго *Гонт-комбомб*, служившаго нѣкогда кладбищемъ герцоговъ Савойскихъ. Варварство и неистовство положили здѣсь слѣды разрушенія, при началѣ Французской революціи. Святыни были поруганы и прахъ усопшихъ вѣнценосцевъ былъ преданъ

посрамленію. Тамъ же находится знаменитый источникъ, называемый *чудеснымъ* (la fontaine des merveilles), который то прячется, то снова показывается чрезъ неопредѣленное время.

Грезскій водопадъ, отстоящій отъ Эса на полчаса, по Женевской дорогѣ, достоинъ также примѣчанія любопытныхъ путешественниковъ. Онъ падаетъ съ каменнаго берега, покрытаго кустарникомъ и мохомъ. Съ противоположной стороны соединяетъ съ нимъ свои воды горный ручей или потокъ, бурный послѣ дождя и тихій въ обыкновенное время. Каменное дно его представляетъ множество глубокихъ колодцевъ или ваннъ, изрытыхъ водою. Посреди этихъ дикихъ красотъ природы, надъ самымъ потокомъ стоитъ гранитовый монументъ, пробуждающій мрачныя воспоминанія. Въ 1815 году 10 Іюня королева Гортенсія посѣщала водопадъ грезскій, вѣроятно послѣ сильнаго дождя. Придворная дама *баронесса Брокъ*, которая ее сопровождала, хотѣла перепрыгнуть черезъ ручей, поскользнулась и въ одно мгновеніе поглощена

была колодцемъ, имѣющимъ 14 футовъ глубины. Черезъ 12 минутъ вытащили ее уже бездыханную и обезображенную. И такъ мѣсто, повидимому совершенно безопасное, сдѣлалось гробомъ женщины двадцатипятилѣтней и прекрасной. Это ужасное происшествіе невольно заставляетъ вѣрить предопредѣленіямъ судьбы, располагающей втайнѣ нашимъ жребіемъ. Королева приказала вырѣзать на камнѣ слѣдующую надпись: „Вы, кого приводитъ въ сіи мѣста любопытство! Приближайтесь къ нимъ съ осторожностію и помните о друзьяхъ своихъ!“

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ИТАЛІИ.

БРИГЪ, $\frac{12}{24}$ *Августа* 1825 *года.*

Города Тононъ и Эвіанъ. Дорога и утесы Мельерійскіе. Кантонъ Валлизскій: г. Сентъ-Морисъ; водопадъ Писванъ; г. Сіонъ; кретины; смѣшеніе климатовъ.

Съ высокаго холма Колоньи мы увидѣли Женеву во всемъ ея великолѣпіи, и болѣе не видали. Дорога, удаляясь отъ озера, идетъ черезъ поля, покрытыя бѣдною жатвою; природа перестаетъ улыбаться, и уже не видно слѣдовъ ни юной весны, ни роскошнаго лѣта. Однѣ развалины стѣнъ и башенъ древняго Рипальскаго монастыря, простирающіяся по вершинѣ длинной горы, служатъ мрачнымъ украшеніемъ этой тихой, безмолвной пустынѣ. Города *Тононъ* и *Эвіанъ* похожи болѣе на деревни, опустошенныя не-

пріятелемъ. Улицы нечисты, домы безъ кровель, окна безъ стеколъ. Большіе налоги и повинности привели жителей въ бѣдность; а бѣдность, по видимому, подавила въ нихъ самое расположеніе къ дѣятельности. За Эвіаномъ, изъ за тополевой аллеи вдругъ открывается обширный и разнообразный видъ, какъ будто бы изъ за занавѣса новыя декораціи. Здѣсь начинается знаменитая дорога *Мельерійская*, устроенная Французскими инженерами въ мѣстахъ, прежде непроходимыхъ. Она осѣнена густыми и высокими каштанами, которые съ лѣвой стороны сходятъ по уступамъ къ озеру, а съ правой подымаются на холмы Св. Павла. Дѣятельность и промышленность пробуждаются снова; поверхность озера серебрится подъ веслами рыболововъ; въ пристаняхъ стоятъ нагруженныя лодки; вдоль берега развѣшаны сѣти. Мельерійскіе утесы (Meillerie), прославленные Ж. Ж. Руссо въ новой Элоизѣ, приняли новый видъ. Отъ начала міра бывъ неприступными, они уступили наконецъ могуществу человѣка и подорванные порохомъ дали мѣсто дорогѣ;

но еще грозятъ путешественнику своимъ паденіемъ.

Никогда не наслаждался я такимъ прекраснымъ зрѣлищемъ великолѣпнаго вечера. Лучи заходившаго солнца, пробиваясь между вершинами Юры и лежавшими надъ нею облаками, одѣли багровою краскою холмы и окрестности Лозанны; разсыпали радужные цвѣты по тихой и кристальной поверхности озера и покрыли чистымъ золотомъ всѣ ряды каменныхъ скалъ, висящихъ надъ безднами.

Мы проѣхали устье Роны, впадающей тремя рукавами въ Леманъ; и сквозь ворота Цейскія, которымъ столпами служатъ двѣ горы, а капителью древній замокъ, — вступили въ кантонъ Валлійскій или Валезскій (Wallesia). Онъ состоитъ изъ узкой долины, орошаемой Роною, простирающейся на 140 верстъ и отдѣляющей Альпы Швейцарскіе отъ Альповъ Италійскихъ. Городъ *Сентъ-морисъ* почти весь построенъ надъ скалами и въ скалахъ. Сооруженіе замка, стоящаго на горѣ, и моста, извивающагося смѣлою дугою надъ Роною, приписываютъ Юлію Кесарю. Сентъ-Мо-

рисъ извѣстенъ въ исторіи тѣмъ, что подлѣ стѣнъ его, по приказанію Императора Максиміана, убиты были тысячи Христіанъ, составлявшихъ легіонъ Ѳивскій. Въ память сихъ мучениковъ вѣры изсѣчены посреди крутаго утеса церковь и пустыня, обитаемая однимъ отшельникомъ. Между Сентъ-Морисомъ и Мартиньи находится знаменитый водопадъ, называемый *Писвашемъ*. Бурный потокъ или цѣлая рѣка Саланшъ падаетъ съ горы на триста футовъ перпендикулярной высоты, разбивается въ воздухѣ и превращается въ алмазное и блестящее покрывало.

Главный городъ Валезскаго кантона есть *Сіонъ*, названный такъ, можетъ быть, по сходству своего положенія съ священною горою сего имени. Между двумя цѣпями Альповъ стоитъ гора съ замкомъ и съ Епископскою палатою; при подошвѣ ея лежитъ городъ. Долина Роны есть одна изъ самыхъ длинныхъ и низкихъ Швейцарскихъ долинъ. Здѣсь встрѣчается множество *кретиновъ*, или уродовъ глухихъ, нѣмыхъ и съ огромными зобами, висящими до груди. Въ нихъ не примѣтно почти никакихъ

слѣдовъ разсудка; и большая часть не способны ни къ какой работѣ. Г. Соссюръ полагаетъ причиною этой болѣзни знойную и стоячую атмосферу здѣшнихъ мѣстъ; нынѣ многіе изъ жителей, для предохраненія дѣтей своихъ отъ кретинизма, начали воспитывать ихъ на вершинахъ горъ до десятилѣтняго и двѣнадцатилѣтняго возраста. Увѣряютъ, что успѣхъ этой мѣры уже оправдался опытомъ и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Кантонъ Валезскій вмѣщаетъ въ себѣ климаты и поясы всѣхъ странъ земнаго шара. Въ продолженіе лѣта лучи солнечные, отражаясь отъ раскаленныхъ утесовъ, производятъ несносный жаръ и способствуютъ къ прозябенію винограда, алоя и фигъ Индѣйскихъ; между тѣмъ какъ на горахъ растутъ сосны, можжевельникъ и дубы. Утомленный зноемъ, путешественникъ слушаетъ стрекотаніе летающихъ вокругъ него кузнечиковъ и жужжаніе оводовъ, какъ бы среди Русскихъ степей; или видитъ огромныя массы облаковъ, лежащія по нѣскольку дней въ междугоріяхъ и разраждающіяся наконецъ

въ ливень. Ярость горныхъ потоковъ послѣ сильныхъ дождей ужасна. Мы встрѣтили на дорогѣ цѣлыя горы песку и цѣлыя холмы съ рощами, занесенныя известью. Берега Роны между Сіономъ и Бригомъ въ 1798 году были свидѣтелями великихъ подвиговъ Швейцарцевъ противъ Французовъ.

Бриегъ съ блестящими крышами храмовъ и башенъ стоитъ при подошвѣ Симплона; по лѣвую сторону отъ него бѣлѣются Швейцарскія Альпы съ снѣжными вершинами и ледниками. При имени Симплона раждаются какія-то смѣшенныя чувства любопытства и страха. Ожиданіе высокихъ картинъ питаетъ мечты воображенія; приготовленіе къ ужаснымъ зрѣлищамъ волнуетъ невольно душу. Вокругъ меня царствуетъ тишина ночи; серебреная луна плаваетъ надъ горами и рисуетъ на лаковомъ полу стекла.

СИМПЛОНЪ $\frac{13}{25}$ *Августа.*

Симплонъ (по Италіански Семпріоне; по Латыни mons Sempronius; Caepionis, Scipionis mons) стоитъ посреди цѣпи горъ Альпійскихъ и отдѣляетъ кантонъ Валезскій отъ Піемонта, имѣя надъ морскою поверхностію 6,174 фут. высоты. Дорога, проведенная чрезъ эту гору отъ Брига до Домо-д-Оссола, начата была, по повелѣнію Наполеона, въ 1801 и окончана въ 1803 году.

Оставивъ дилижансъ въ Бригѣ, въ два часа по полуночи мы уже поднимались въ низкой и длинной линейкѣ на первыя отрасли пригорковъ, покрытыя кустарникомъ и лѣсомъ. На разсвѣтѣ дня проводникъ подвелъ меня къ краю дороги и сердце мое невольно затрепетало. Необъятная пропасть разверз-

лась подъ нашими ногами со всѣми ужасами. Бурный потокъ, ярящійся по дну ея, представлялся бѣлою и недвижимою полосою. Шумъ волнъ, разбивающихся о камни, умиралъ въ отдаленіи. Долина Бригская съ городомъ и съ холмами развертывалась въ видѣ ровнаго и гладкаго полотна, покрытаго разными красками. Мнѣ казалось, я смотрѣлъ съ облаковъ на землю или съ земли на адъ, на спящій Ахеронъ и на края Елисейскихъ полей. Мрачная, ничѣмъ не прерываемая тишина лежала на кремнистыхъ и обнаженныхъ скалахъ.

Черезъ полчаса открылось новое зрѣлище. Горные хребты вьются полукружіемъ надъ широкимъ проваломъ. Изъ ребръ ихъ падаютъ три большихъ и пять малыхъ водопадовъ, которые, сливаясь вмѣстѣ, несутъ свои воды въ дань Ронѣ. Дорога, встрѣтивъ эти непреоборимые препоны, переходитъ съ одной горы на другую по каменному мосту, висящему надъ стремниною въ видѣ длинной и смѣлой арки. Симплонъ состоитъ изъ шести ледниковъ и изъ многихъ пирамидъ или куполовъ, покрытыхъ снѣгомъ. Одинъ

изъ нихъ представился намъ во всемъ великолѣпіи и пышности, увѣнчанный лучами восходящаго солнца. Снѣжные шатры Швейцарскихъ Альповъ, измѣняя съ каждою минутою свой видъ, обворожали взоръ лиловыми, розовыми и радужными цвѣтами. Наслаждаясь зрѣлищемъ сихъ разнообразныхъ картинъ, мы непримѣтно прошли пригорки и холмы, по которымъ изрѣдка дремали высокія сосны. Здѣсь природа хотѣла положить преграду усиліямъ человѣческимъ, повѣсивъ на одномъ изъ мысовъ длинную каменную громаду и оградивъ ее пропастями. Галлерея, пробитая сквозь эту скалу на тринадцать шаговъ длины, охраняетъ путешественниковъ отъ опасностей и плѣняетъ ихъ взоръ дикими и неровными сводами. Черезъ полчаса дорога приближается къ снѣжной вершинѣ Симплона, называемой Кальтвассеромъ, идетъ по двумъ длиннымъ мостамъ, лежащимъ подъ ледниками и прячется въ другую галлерею, простирающуюся во внутренности утеса на пятьдесятъ шаговъ. Передъ входомъ въ это отверстіе четыре водопада низвергаются съ обнаженныхъ хребтовъ,

бѣгутъ сквозь устроенные для нихъ водопроводы и теряются въ безднахъ. Для предохраненія отъ лавинъ (avalanches), падающихъ здѣсь въ продолженіе зимы, пристроиваются къ галлереѣ на нѣсколько саженъ новые каменные своды (*). Деревня *Семпельнъ*, служащая гостинницею путешественникамъ, стоитъ на 4,548 футовъ надъ поверхностью моря, въ 32 верстахъ отъ Брига и въ 24 отъ Домо-д-Оссола. Климатъ ея имѣетъ всѣ качества сѣверныхъ странъ. Осень дождлива; зима продолжается около восьми мѣсяцевъ. Здѣсь оканчивается работа Французовъ и начинаются труды Италіянскихъ инженеровъ, поражающіе на каждомъ шагу удивленіемъ и превосходящіе все, что произведено было древними Римлянами въ этомъ родѣ.

(*) Въ прошедшемъ году, при переправѣ черезъ это мѣсто, которое въ то время завалено было лавиною, погибло цѣлое Англійское семейство, состоявшее изъ 8 лицъ. Упрямый Англичанинъ, не смотря на предостереженіе извощиковъ и проводниковъ, не только не вышелъ самъ изъ кареты, но запретилъ и женѣ и дѣтямъ выходить изъ нея. Они всѣ скатились съ каретою въ пропасть.

Падающій изъ ребръ Симплона Кромбахъ и раждающаяся въ ледникахъ Лавинскихъ Квирна сливаютъ въ одинъ глубокой оврагъ мутныя свои волны и составляютъ бурную *Веніолу* или *Ведро*. По сторонамъ ея подымаются кремнистые и грозные утесы, то поставленные отвѣсно, то нависшіе надъ потокомъ. Гордыя ихъ вершины, выглядывая изъ за облаковъ, представляютъ какъ бы образцы разныхъ зданій разнаго зодчества. Въ одно и тоже время онѣ, кажется, увѣнчаны Египетскими обелисками и пирамидами, Греческими павильонами и портиками, готическими храмами и зубчатыми башнями. Два ряда громадъ составляютъ узкую и высокую улицу; а соединеніе всѣхъ хребтовъ образуетъ чудесный городъ, построенный могущественою рукою природы, по начертанію мудраго зодчаго вселенной. Но по стогнамъ этого ветхаго города, кажется, уже неоднократно прошелъ съ огнемъ, съ потопомъ и съ трусомъ Ангелъ гнѣва и разрушенія. На тѣсныхъ площадяхъ лежатъ развалины цѣлыхъ горъ, порастающія или уже поросшія крапивою и мохомъ.

Глубокія разсѣлины утесовъ предзнаменуютъ скорое и страшное ихъ паденіе. Съ вершинъ ихъ готовы разразиться каменныя тучи, при первомъ порывѣ бурнаго вѣтра. Надъ головою виситъ смерть; подъ ногами зіяетъ адъ. Кипящая Веніола, усѣянная остроконечными камнями, роетъ съ яростію основанія гранитныхъ скалъ. Смотря на эти непрерываемые ряды высокихъ зрѣлищъ, чувствуешь какую-то тягость, и утомленное сердце становится наконецъ холоднымъ ко всѣмъ ужасамъ.

Одному только генію человѣка возможно было сражаться съ этой природою и восторжествовать надъ ея козням. Нельзя смотрѣть безъ удивленія на всѣ эти произведенія инженернаго искусства. Тамъ, гдѣ не смѣли бѣгать дикія козы и не находили себѣ пристанища небесныя птицы, — катится ровная и гладкая дорога, имѣющая двадцать пять футовъ широты и не болѣе двухъ дюймовъ съ половиною наклоненія на сажени. Она переходитъ съ одного берега Ведра на другой, защищается отъ пропастей столбами, ставитъ оплоты про-

тивъ падающихъ камней, разбиваетъ цѣлые утесы или проникаетъ въ самую ихъ внутренность посредствомъ длинныхъ галлерей, изъ которыхъ одна простирается на пятьдесятъ шаговъ, другая на восемьдесятъ, третья на двѣсти два шага. Послѣдняя имѣетъ со стороны Ведра два отверстія для освѣщенія, и при самомъ выходѣ поражаетъ путешественника великолѣпнымъ зрѣлищемъ водопада, сыплющаго жемчугъ и алмазы. Мало по малу цѣпи горъ раздвигаются и образуютъ долину Диведро, покрытую домиками, рощами и огородами. За нею стоитъ шестая и послѣдняя галлерея, имѣющая въ длину восемьдесятъ шаговъ. Въ деревнѣ Креволѣ съ каменнаго моста, который почитается изящнымъ произведеніемъ зодчества, открывается первая долина Италіянская, обворожающая взоръ своимъ разнообразіемъ, богатствомъ и великолѣпіемъ.

Такъ оканчивается Симплонская дорога, достойная служить образцемъ всѣмъ подобнымъ произведеніямъ. Тотъ имѣлъ каменное сердце и грудь окованную мѣдью, въ комъ

родилась первая мысль такого смѣлаго предпріятія; и тѣ двѣ тысячи солдатъ, которые употребляемы были безпрерывно для этой работы въ продолженіе пяти лѣтъ, повидимому, были съ желѣзными руками. Слѣды ихъ орудій напечатлѣлись на бокахъ утесовъ и на дикихъ сводахъ галлерей. Съ каждымъ ударомъ молота они углубляли долота на одну только линію; и послѣ безчисленныхъ ударовъ сыпали въ пробитыя скважины порохъ, проводили къ нимъ сѣрныя нити и такимъ образомъ взрывали по кускамъ цѣлыя скалы.

Отъ Брига до Креволы построены на разныхъ разстояніяхъ постоялые домы. Живущіе въ нихъ кантониры, во время зимнихъ мятелей и бурныхъ ночей, ищутъ заблудившихся путешественниковъ съ фонарями или зовутъ ихъ колокольчиками. Они очищаютъ дорогу отъ лавинъ, отъ камней, срываемыхъ вѣтромъ, и отъ песку, наносимаго послѣ ливней. Сѣверная сторона Симплона находится подъ надзоромъ Валезскаго кантона; южною завѣдываетъ правительство Піемонта. На границахъ

этихъ владѣній построены таможни, въ которыхъ пріѣзжающіе платятъ большую пошлину съ лошадей и съ повозокъ.

Не смотря на всѣ многоразличныя и мудрыя мѣры, принимаемыя для содержанія этой дороги, нельзя ручаться за прочность ея; и вмѣстѣ съ восторгомъ и очарованіемъ невольно раждается мрачная мысль, что эти разсѣвшіяся горы, рано или поздно погребутъ подъ своими развалинами чудо нашего вѣка; и любопытные потомки придутъ сюда только для того, чтобы искать слѣдовъ сего памятника усилій и изобрѣтеній человѣческаго генія.

БАВЕНО.

Нельзя смотрѣть безъ очарованія на первую Италіянскую долину, разстилающуюся вокругъ маленькаго Италіянскаго города Домо-д-Оссоло. Утомленное зрѣлищемъ высокихъ картинъ, вниманіе путешественника останавливается на красотахъ природы, которая привѣтствуетъ его здѣсь своею улыбкою. Дорога катится посреди луговъ, блестящихъ яркою зеленью и орошаемыхъ свѣжими ручьями. На лугахъ стоятъ строемъ деревья, обремененныя плодами и переплетенныя виноградникомъ. Холмы покрыты рощами и великолѣпными домами Миланскихъ богачей, пріѣзжающихъ сюда для отдыха отъ трудовъ или для разсѣянія праздности. Тамъ видишь развалины башенъ готическаго зам-

ка, или Римскаго, забытаго самою исторіею, города; здѣсь воспоминаешь о подвигахъ безсмертнаго Суворова, летавшаго орломъ по берегамъ быстрой Токчіи.

Поднимающіеся амфитеатромъ пригорки и горы изобилуютъ разными родами ископаемыхъ. Въ одной изъ нихъ ломаютъ гранитъ, другая наполнена бѣлымъ мраморомъ, изъ котораго построенъ и самый соборъ Миланскій. Долина Монрозская скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ золотые рудники. Нѣкто капитанъ Тестони первый замѣтилъ слѣды ихъ: глаза его разгорѣлись на блестящіе слитки и онъ началъ рыться въ землѣ, не щадя ни трудовъ ни издержекъ. Но разстроивъ свое имѣніе отъ долговременныхъ и тщетныхъ поисковъ, онъ готовъ уже былъ оставить свое предпріятіе. И въ этимто минуты отчаянія, по какому-то слѣпому случаю, удалось ему напасть, такъ сказать, на разрывъ траву. Вдругъ заигралъ и запрыгалъ передъ нимъ несмѣтный кладъ; и черезъ двадцать два дня капитанъ Тестони, вынувъ до 189 марокъ или 107 фунтовъ чис-

таго золота (*), сталъ и самъ изъ глинянаго весь золотымъ.

Какъ по движенію волшебнаго прутика русалки, однѣ декораціи вдругъ разрушаются, другія строятся; такъ изъ за тѣнистыхъ аллей и изъ за стѣнъ деревни Феріола въ одно мгновеніе развернулось вправо и влѣво прелестное и великолѣпное озеро Маджіоре. На зеленыхъ берегахъ его мелькаютъ города, по роскошнымъ холмамъ разсѣяны бѣлые домики, на прозрачной поверхности красуются острова Борромейскіе.

Золотые лучи солнца тихо догорѣли на вершинахъ отдаленныхъ горъ Гризонскихъ; серебреная луна величественно смотрится въ хрустальныя воды. Вѣтеръ не колышетъ ни деревьевъ, ни озера; одни легкокрылые зефиры навѣваютъ благовоніе травъ и цвѣтовъ. Бавено стоитъ противъ Изолы Мадры и Изолы Беллы; я не могу сомкнуть глазъ моихъ и безпрестанно выхожу на балконъ, чтобы насладиться зрѣлищемъ новой для меня ночи, новаго неба и новаго міра.

(*) 100 Миланскихъ марокъ золота и серебра=51, 52 Рос. фунта.

БОРРОМЕЙСКІЕ ОСТРОВА,

$\frac{14}{20}$ *Августа.*

Если бы владѣлъ я волшебнымъ перомъ Тасса или Аріоста, такъ бы я началъ мое описаніе прелестныхъ *островов Борромейскихъ.*

„Посреди кристальнаго моря стоитъ волшебная обитель, обнесенная крѣпкими оградами. На каменныхъ ступеняхъ, ведущихъ во внутренность, лежатъ дикіе львы, на вратахъ и на стѣнахъ раззолоченныхъ палатъ изваяны безчисленныя лица; они не говорятъ, но кажутся живыми, всѣ дышутъ, —все видятъ. Подлѣ великолѣпнаго чертога и красивыхъ теремовъ раскинулся пышный садъ, въ которомъ путаются тысячи доро-

жекъ, то пересѣкая себя взаимно, то удалялись одна отъ другой. Вездѣ живыя воды, роскошные луга, пушистые холмики, тѣнистыя рощицы и прохладные гроты.“

„Искусство положило здѣсь мѣру и число всѣмъ красотамъ; вездѣ оно присутствуетъ и нигдѣ не видимо. Все просто, во всемъ видна легкость и, кажется, обо всемъ заботилась одна только природа. Будучи матерью искусства, она хотѣла въ первой разъ здѣсь подражать ему. Весна царствуетъ вмѣстѣ съ осенью. На ряду съ юной смоковницей стоитъ зрѣлая; подлѣ зеленаго яблока виситъ золотое. Роскошные грозды винограда, віясь вокругъ тополей, одни наливаются; другіе, исполненные нектара, уже манятъ къ себѣ жадный вкусъ. Двѣ розы разныхъ возрастовъ укрываются подъ тѣнью куста. Одна дѣвственная и скромная, еще стыдится выглянуть; другая уже раскинулась и разорвала покровъ свой. Пернатыя, качаяся на вѣтьвяхъ, поютъ сладостныя пѣсни. Все здѣсь зоветъ къ нѣгѣ, все говоритъ о любви. О ней твердятъ травы, цвѣты и переплетающіеся другъ съ другомъ кустарники;

ею дышутъ земля, вода и вѣтерки." Однимъ словомъ: это сады *Армидины*.

Утро было тихое. На гладкой поверхности озера, подернутой струйками, переливались розовые лучи восходящаго солнца. За бѣгущею моею шлюпкою, разцвѣченною бахрамами, тянулась длинная полоса бѣлаго цвѣта. Островъ Св. Михаила и *Изола Белла* изъ Бавено казались слитыми въ одинъ. Но чѣмъ ближе мы были къ нимъ, тѣмъ далѣе они расходились одинъ отъ другаго. Первый покрытъ хижинами рыболововъ, второй выходитъ изъ озера съ дворцемъ и съ красивыми домиками. Длинная и широкая пристань его ведетъ по каменнымъ ступенямъ прямо на квадратный дворъ, обнесенный портиками. Внутреннія украшенія палатъ блистательны и великолѣпны. Роскошь разсыпала здѣсь щедрою рукою сокровища; образованный и строгій вкусъ старался назначить имъ мѣсто и мѣру. Огромная зала раздѣляетъ весь бельэтажъ на двѣ ровныя половины. На стѣнахъ ея дышутъ зеркала; карнизы облиты позолотой; потолокъ, расписанный альфреско, склоняется дугою; на

полу стелется узорчатый мраморъ. Кабинетъ вельможи, хотя и небольшой, похожъ на тронную, назначенную для пріема иностранныхъ пословъ. На трехъ круглыхъ ступеняхъ стоятъ подъ бархатнымъ балдахиномъ пышныя кресла, — памятникъ тщеславія тѣхъ временъ, когда богатые помѣщики окружали себя дворомъ и любили играть ролю маленькихъ королей. По сторонамъ поставлены два зеркальныя бюро, разцвѣченныя мозаиками; по угламъ сидятъ четыре баснословныя божества: Юпитеръ, Панъ, Нептунъ и Плутонъ, вылитые изъ бронзы. Спальня почти вся населена амурами. Одни изъ нихъ держатъ надъ постелью штофные розовые полога; другіе порхаютъ съ колчанами и съ стрѣлами, или разметались небрежно въ картинахъ и притворились спящими. Картинная галлерея, занимающая особенную залу, блеститъ драгоцѣнными произведеніями Луки Джіордано, Прокачини, Тиціана, Лебрюна и другихъ знаменитыхъ художниковъ. Нижній этажъ состоитъ изъ прохладныхъ и полуосвѣщенныхъ гротовъ, которыхъ стѣны покрыты

неровными и дикими камнями, а полъ вымощенъ мозаиками. По угламъ разставлены копіи антиковъ и произведенія новыхъ ваятелей. Здѣсь стоитъ голова Ахиллеса, дышущая еще и въ мраморѣ негодованіемъ противъ Агамемнона; тамъ суровый дельфинъ льетъ изъ перловой раковины свѣтлую воду; тамъ богиня красоты, выходящая изъ бани, съ робостію закрываетъ руками тайныя свои прелести; еще далѣе — она уже на роскошномъ ложѣ и спитъ коварнымъ сномъ. Въ длинной галлереѣ, ведущей въ садъ, останавливаетъ вниманіе сатирическая фигура одного узника, смѣющаяся сквозь желѣзную рѣшетку. Это портретъ жестокосердаго Темпесты, отличавшагося ландшафтною живописью. Онъ убилъ жену свою для того, чтобъ жениться на любовницѣ; сосланъ былъ въ заточеніе—и былъ столько безчувственъ въ злодѣйствѣ, что послѣ ужаснаго преступленія могъ еще смѣяться!

На гладкой небольшой площади, подъ каменнымъ сводомъ, нѣсколько рыбъ бросаютъ изъ рта и изъ ноздрей вверхъ и внизъ свѣжую воду. По сторонамъ фонтана стоятъ

двѣ круглыя лѣстницы съ гранитовыми ступенями; излучистыя дорожки, то полуоткрытыя, то осененныя тополями или лаврами, водятъ васъ по маленькому лабиринту. Вы встрѣчаете узорчатый цвѣтникъ, заходите въ бесѣдку, подымаетесь на холмикъ, покрытый рощицей, или опускаетесь въ гротъ, орошаемый источникомъ. Мирты, розы и ясмины разливаютъ въ воздухѣ ароматы; померанцовыя, лимонныя и гранатовыя деревья блестятъ на каждомъ шагу золотыми плодами. На южной сторонѣ острова стоитъ огромный курганъ, возвышающійся надъ поверхностью озера на 120 футовъ. Десять широкихъ террассъ съ каменными сводами вьются вокругъ его и подымаются одна надъ другою. Каждая террасса одѣта зеленью, осѣнена деревьями и украшена статуями. На самой верхней площадкѣ стоитъ колоссальный и однорогій Пегасъ. Онъ взвился на дыбы, разбросалъ гриву по вѣтру и пышетъ пламенемъ. Еслибъ я былъ поэтомъ, я тотчасъ бы улетѣлъ на немъ или на Монрозъ или на Симплонъ или на Сентъ-Готаръ, которыхъ снѣжныя вершины выгля-

дываютъ сюда, хотя изрѣдка, изъ за горъ и тумановъ.

Пригожая и застѣнчивая дѣвушка поднесла мнѣ букетъ цвѣтовъ, когда я выходилъ изъ саду, оставляя Изолу Беллу. Черезъ полчаса мы были уже подлѣ *Изолы Мадры.*

Этотъ островъ опоясанъ семью террассами. Пристань его и лѣстница вырублены изъ скалы; длинная палата не заключаетъ въ себѣ ничего достопримѣчательнаго, кромѣ маленькаго театра, ветхихъ походныхъ креселъ Фридерика Борромея и двухъ или трехъ большихъ картинъ, представляющихъ его побѣды. Высокіе дубы, стройныя пальмы и кудрявые лавры составляютъ почти весь здѣшній садъ. Посреди ихъ дремлетъ развѣсистый четырехсотлѣтній кедръ, вывезенный въ своемъ младенчествѣ съ востока. Прямыя и широкія аллеи не что иное, какъ просѣки. Жители здѣшніе одни только фазаны, цесарки и горлицы. Воркованіе послѣднихъ показалось мнѣ совершенно отличнымъ. Въ переливахъ и треляхъ ихъ горлышка вы слышите языкъ самой томной страсти и самыхъ нѣжныхъ востор-

говъ. Изъ плодовитыхъ деревьевъ особенно достойны примѣчанія лимонныя, разсаженныя здѣсь на всѣхъ террасахъ. Онѣ остаются на открытомъ воздухѣ во все продолженіе зимы.

И здѣсь при прощаніи получилъ я отъ одной дѣвушки нѣсколько плодовъ. Два этихъ подарка можно назвать символами двухъ различныхъ острововъ. Изола Белла есть изящное произведеніе искусства, и по справедливости заслужила названіе прелестнаго острова; Изола Мадра есть твореніе самой природы, которая заботилась здѣсь болѣе о пользѣ, нежели о пріятностяхъ. Почва земли какъ того, такъ и другаго отличается необыкновенною сочностію. Лимонныя и померанцовыя деревья имѣютъ въ поперешникѣ около одного фута и растутъ съ такою быстротою, какъ бы подъ благорастворенным небомъ Неаполя и Палермы. На Изолѣ Беллѣ собирается съ нихъ плодовъ ежегодно отъ 30 до 36,000. Тамъ же есть родъ душистыхъ лимоновъ, называемыхъ цедрами, которые часто бываютъ длиною въ одинъ футъ и толщиною въ восемь дюймовъ.

Уже лодка моя быстро неслась къ Лавену, лежащему на восточномъ берегу озера; и гребцы пѣли веселыя пѣсни при стройныхъ ударахъ веселъ. Природа открывала передо мною разнообразные и великолѣпные виды. На сѣверѣ синѣлись Гризонскія горы и бѣлѣлись громады домовъ въ городахъ Интрѣ и Паланцѣ; на западѣ тянулись цѣпи роскошныхъ холмовъ съ рощами и деревнями; по озеру плавали острова Св. Михаила, Св. Джіованни и Кроликовъ. Все было прекрасно; но я смотрѣлъ на одну только Изолу Мадру, которая меня плѣнила своею простотою, —и на Изолу Беллу, которая очаровала меня своими прелестями. Это—обители Калипсы, Альцины и Фей. Съ нихъ я не сводилъ глазъ моихъ, и какъ бы хотѣлъ насмотрѣться на нихъ на всю жизнь мою. Идеальной міръ, говорятъ ученые, существуетъ только въ воображеніи художниковъ; а я въ немъ былъ; и не во снѣ, а на яву его видѣлъ.

СВЯТАЯ ГОРА.

Святая гора (Monte Sacro), отстоящая отъ Вареза на двѣ Италіянскія мили, представляетъ картину самую величественную. При подошвѣ ея лежатъ красивыя деревеньки, на вершинѣ бѣлѣетъ огромный монастырь, окруженный цѣлымъ городомъ. Ведущая къ нему дорога, вымощенная плитами и обнесенная стѣнами, вьется между рощами и виноградниками на пространствѣ трехъ миль. На крутыхъ ея поворотахъ и уступахъ разсѣяны тріумфальныя арки, фонтаны, часовни и пятнадцать огромныхъ капеллъ или олтарей. Порядокъ, въ какомъ расположены всѣ эти памятники, есть слѣдующій. Въ правой сторонѣ отъ излучистой тропинки остается деревня Велата, въ лѣ-

вой развалины одной древней башни. На самомъ первомъ холму стоитъ обширный храмъ, посвященный Пречистой Дѣвѣ (Virgini Immaculatae). Подлѣ него стоятъ святыя ворота; летающій надъ нимъ Ангелъ зоветъ трубою странниковъ и готовитъ имъ за подвиги лавровый, нетлѣнный вѣнецъ. Здѣсь начинается Святая гора. Вдоль дороги, осѣненной платанами, воздвигнуты на разныхъ разстояніяхъ капеллы Благовѣщенія, Посѣщенія или цѣлованія Елисаветы, Рождества Іисуса Христа, и Обрѣзанія и Состязанія его съ учителями фарисеями. За вторыми воротами слѣдуетъ пять другихъ капеллъ, сооруженныхъ въ воспоминаніе вшествія Спасителя въ Іерусалимъ, біенія его розгами, вѣнчанія терновымъ вѣнцемъ, несенія креста и распятія. Третья торжественная арка ведетъ въ великолѣпные храмы Воскресенія, Вознесенія, Сошествія Святаго Духа и Восхищенія Св. Дѣвы Маріи на небо (Assunzione di Maria). Главная церковь во имя Божіей Матери или Мадонны, съ высокою колокольнею, стоитъ на площади горнаго посада или города. Надъ городомъ под-

нимается монастырь, а нѣсколько далѣе башня, называемая Аріанскою. Крутая и узкая тропинка ведетъ наконецъ на самую высокую и острую оконечность горы, прообразующую Лобное мѣсто и увѣнчанную тремя крестами.

Мысль основанія Святой горы, вѣроятно принадлежащая ея основателю Карлу Борромею, — превосходна. Когда вы смотрите на нее снизу, — это путь ведущій къ горнему Сіону; когда же вы стоите на ея вершинѣ,— передъ вами открываются цѣпи Альповъ, пять или шесть озеръ и неизмѣримая долина Ломбардіи съ городами, съ каналами, съ рощами; однимъ словомъ: вы видите маленькой міръ, приманивающій васъ своими прелестями.

На Святой горѣ представлена вся исторія Мессіи. Три арки прообразуютъ три главныя его эпохи: воплощеніе, страданіе и торжество. Каждая изъ трехъ частей имѣетъ пять отдѣленій, означенныхъ пятью капеллами. Капеллы отличаются одна отъ другой куполами, портиками и фасадомъ. Зодчество употребило здѣсь всѣ свои ордена

и на всѣхъ положило печать благородной простоты.

Къ сожалѣнію, внутреннія украшенія совсѣмъ не соотвѣтствуютъ наружности. Въ нихъ показанъ въ полной мѣрѣ грубый вкусъ. Чтобы сильнѣе поразить чувства черни, художники изобразили всѣ приключенія изъ исторіи Мессіи въ деревянныхъ группахъ; раскрасили статуи натуральнымъ цвѣтомъ и одѣли ихъ въ полотняныя, шелковыя и суконныя платья.

На вратахъ и колоннахъ вездѣ прибиты Папскія афишки: „Plenaria et perpetua Indulgentia,“ то есть полное отпущеніе грѣховъ, какъ прошедшихъ, такъ и всѣхъ будущихъ, тѣмъ изъ молельщиковъ, которые во всѣхъ капеллахъ выслушаютъ обѣдни!...

МИЛАНЪ, $\frac{16}{28}$ *Августа.*

СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ.

Я ищу предмета, съ которымъ бы можно было сравнить Миланскую Соборную церковь, и ничего не нахожу ей равнаго. Она не имѣетъ образцевъ въ вѣкахъ прошедшихъ и не можетъ быть образцемъ вѣкамъ будущимъ. Цѣлая мраморная гора, отдѣлившись отъ цѣпи Альпійской, стала надъ обширнымъ городомъ и надъ неизмѣримою долиной Ломбардіи—не для того, чтобъ быть чертогомъ Царя земнаго, но чтобы служить обителью существа всеобъемлющаго и ничѣмъ необъемлемаго,—кому небо престолъ и земля подножіе. Слава и великолѣпіе окружили домъ Господній. Блистающія бѣлизною стѣны при-

няли жизнь, чувство и вѣщаніе. Въ тысячахъ статуй и барельефовъ дышутъ чины Серафимовъ, Пророковъ, Апостоловъ и Мучениковъ. Зодчества разныхъ народовъ соединились для прославленія Творца вселенныя и хотѣли расточить здѣсь всѣ пышныя свои украшенія. Вокругъ мѣдныхъ вратъ, ходящихъ на желѣзныхъ верелхъ, стоятъ столпы Готическіе и Греческіе, осѣненные балдахинами или акантовыми листьями. Подъ ними и между ними разставлены каріатиды въ образѣ нагихъ и безрукихъ женщинъ. Подъ дугообразными сводами вьются цѣпи, сплетенныя изъ цвѣтовъ и плодовъ; по карнизамъ и капителямъ тянутся изображенія животныхъ, гротески, тіары, кресты и вѣнцы. Это лабиринтъ для взора. Увлекаемый отъ одного предмета къ другому, онъ не знаетъ, на чемъ остановиться, и не находитъ для себя исхода. На крышѣ, обнесенной зубцами, стоитъ густой лѣсъ высокихъ обелисковъ, которые выходятъ, опускаются, сливаются и расходятся при малѣйшемъ движеніи очарованнаго зрителя. На однихъ горятъ позлащенныя звѣзды, на

другихъ сіяютъ изваянные лики Ангеловъ. Огромная пирамидальная башня, поднимающаяся надъ куполомъ, увѣнчана короною, составленною изъ копіеобразныхъ столповъ, и оканчивается длиннымъ шпицемъ, имѣющимъ видъ скиптра. Колоссальная статуя Божіей Матери, опирающаяся на шаровидную вершину его, стоитъ какъ бы между землею и небомъ, и теряется въ высотѣ и дали отъ самаго взора смертныхъ.

Это великолѣпное зданіе, одно изъ немногихъ чудесъ Европы, начатое въ концѣ XIV столѣтія, до сихъ поръ еще не кончено. Четыре вѣка строили его для безсмертія. Груды сокровищъ и мысли величайшихъ художниковъ погружены, какъ ручьи и дождевыя капли въ безднахъ моря, или какъ прошедшія мгновенія въ обители вѣчности. Первый планъ, приписываемый Нѣмцу *Замодію* и двумъ Италіянцамъ, былъ Готическій. Знаменитый *Пеллегрини*, воспитанникъ и любитель древнихъ, начертилъ Греческій фасадъ и оставилъ умы своихъ преемниковъ въ колебаніи на долгое время. Начинали строить, разрушали начатое и возобновляли

разрушенное. Только въ 1805 году Академія изящныхъ художествъ осмѣлилась привести къ концу эту часть храма, сочетавъ благородную простоту одного вкуса съ роскошными украшеніями другаго. Изъ этаго страннаго смѣшенія составился новый, особенный и, такъ сказать, романтическій стиль зодчества, поражающій взоръ смѣлостію и даже неправильностію чертежа. Можетъ быть, строгій знатокъ художествъ не пройдетъ мимо сего зданія съ благоговѣніемъ, какъ нѣкогда ходили Римляне мимо Пантеона, но онъ остановится здѣсь невольно для того, чтобы восхищаться его неподражаемымъ великолѣпіемъ. Это не капище громовержца, колеблющаго маніемъ очесъ своихъ вселенную; но пышный храмъ Бога благости, одѣвающаго небо славою и землю лѣпотою.

Латинская надпись: Mariae Nascenti, начертанная посреди фасада, напоминаетъ о случаѣ, побудившемъ соорудить это зданіе. Герцогъ Миланскій, Іоаннъ Галеаче, слѣдуя духу своего времени, далъ обѣтъ построить церковь во имя Рождества Св. Дѣвы Маріи, если родится ему

сынъ, давно имъ желанный. Молитва его была услышана; и онъ принесъ въ жертву цѣлую гору Monte Candido, состоящую изъ слоевъ бѣлаго мрамора. Надъ главными воротами храма достойны примѣчанія двѣ статуи, представляющія ветхій и новый завѣтъ, такъ какъ и по сторонамъ воротъ другія двѣ статуи Св. Петра и Павла. Въ первомъ этажѣ фасада стоятъ Апостолы и Евангелисты; во второмъ Пророки и Давидъ, играющій на арфѣ. Надъ столпами и между ними разставлены каріатиды; стѣны, медальоны и подножія покрыты барельефами. Въ числѣ ихъ вы замѣтите: Адама и Еву, изгоняемыхъ изъ рая, жертвоприношеніе Авеля и смерть его, — Іова, проклинающаго день своего рожденія, Моисея младенца, найденнаго въ Нилѣ, Моисея передъ горящею купиною и источающаго воду изъ камня,—Илію, воскрешающаго сына вдовицы,— Іакова, борющагося съ Ангеломъ, и Іосифа, убѣгающаго отъ жены Пентефрія. *Руска*, *Джіудики*, *Маркези*, *Буцци* и многіе другіе спорятъ въ изящности своихъ произведеній. *Вислара* представилъ сотвореніе Евы; пре-

красная группа Ангеловъ также одушевлена рѣзцемъ его.

Самая достопримѣчательнѣйшая часть храма, безъ сомнѣнія, есть его крыша. Не возможно описать безчисленнаго множества разсѣянныхъ на ней зданій и украшеній. Это цѣлый городъ, въ которомъ вы находите улицы, галлереи, террасы, лѣстницы и мосты. Всѣхъ оконченныхъ обелисковъ, украшенныхъ статуями и гротесками, считается девяносто четыре, и сверхъ того тридцать девять неоконченныхъ или только назначенныхъ къ построенію (*).

Внутренность храма имѣетъ видъ Латинскаго креста. Пятьдесятъ осмигранныхъ колоннъ раздѣляютъ его на галлереи и трапезы; капители ихъ состоятъ изъ гротесковъ, балдахиновъ и кивотовъ или нишей, назначенныхъ для статуй. Подлѣ главныхъ дверей поражаютъ красотою и огромностію два столпа Коринѳскаго ордена, изсѣ-

---

(*) Храмъ съ башнею имѣетъ высоты 155 брачіо или 50 саженъ, длины во внутренности 249 брачіо или 68 саженъ, широты 147 брачіо или 40 саженъ.

ченные изъ цѣльнаго Баренскаго гранита. Недалеко отъ нихъ во всю широту пола простирается меридіанъ Миланскій, проведенный подъ надзоромъ ученыхъ астрономовъ Брерскихъ. Въ концѣ средней аллеи, составленной изъ столповъ, и въ самомъ основаніи церкви, поднимается на площади огромнаго амвона Греческій храмъ съ восьмью колоннами Коринѳскаго ордена, построенный по чертежу Пеллегрини. Къ воротамъ его ведутъ широкія и круглыя ступени изъ разноцвѣтнаго мрамора. На куполѣ стоитъ образъ Спасителя; вокругъ фронтона разставлены группы Херувимовъ. Надъ олтаремъ нѣсколько Ангеловъ несутъ скинію, имѣющую видъ башни. Всѣ эти статуи, такъ какъ и скинія, вылиты изъ бронзы и покрыты золотомъ. На стѣнахъ, окружающихъ амфитеатръ, стоятъ два огромные органа; а на двухъ столпахъ двѣ великолѣпныя каѳедры. Одну изъ нихъ, вмѣсто каріатидъ, держатъ четыре бронзовые Евангелиста, другую четыре учителя церкви. Внутри амфитеатра, въ темномъ подземельи, находится другой храмъ, также

съ восьмью мраморными колоннами и съ куполомъ. Темная и низкая лѣстница ведетъ отсюда въ придѣлъ Св. Карла Борромея, освѣщаемый блѣднымъ огнемъ лампадъ. Мощи сего архіепископа хранятся подъ олтаремъ въ богатой ракѣ, сдѣланной изъ горнаго хрусталя и оправленной серебромъ. Первосвященническія ризы, въ которыя онъ одѣтъ, осыпаны драгоцѣнными камнями. Своды этой пещеры украшены серебреными барельефами и трофеями; восемь каріатидъ, которыя разставлены по угламъ, также серебреныя.

Придѣлъ Мадонны Розовой или Древесной, названной такъ отъ бронзоваго подсвѣчника, имѣющаго видъ дерева, достоинъ также вниманія. Великолѣпный олтарь его украшенъ статуею Св. Дѣвы, ликами святыхъ и многими барельефами; подъ дугообразнымъ сводомъ, какъ подъ шатромъ, изображенъ Господь Саваоѳъ, окруженный Ангелами и Херувимами. Передъ вратами сего придѣла стоятъ два колоссальные Пророка, которые впрочемъ не имѣютъ инаго достоинства, кромѣ огромности. Тоже можно сказать о

другихъ двухъ колоссахъ, поставленныхъ для симметріи на противоположной сторонѣ церкви.

Въ одномъ изъ предѣловъ находится очень красивый памятникъ *Жанъ-Жака Медичи*, полководца и современника Карла V, сооруженный, какъ увѣряютъ, по плану Микель-Анжела Буонаротти. Жанъ-Жакъ стоитъ посреди Мира и Мужества; надъ нимъ Слава и Провидѣніе. Вся эта группа, вылитая изъ бронзы кавалеромъ Аретиномъ, окружена шестью колоннами изъ разныхъ родовъ восточнаго мрамора.

Я не нахожу нужнымъ входить во всѣ подробности храма, требующія цѣлой огромной книги. Довольно сказать, что вся эта громада съ крышею и съ поломъ высѣчена изъ бѣлаго мрамора; что однихъ статуй большихъ и малыхъ, поставленныхъ внутри и снаружи, считается около 2,020, и что полное число ихъ, по окончаніи всей работы, будетъ простираться до 3300. Одинъ изъ профессоровъ Лондонской Академіи изящныхъ искусствъ столько былъ очарованъ великолѣпною наружностію этой церкви,

что не усомнился поставить ее выше Римской Св. Петра. Я не имѣю ни какого права быть строгимъ и рѣшительнымъ судіею этихъ двухъ совершенно противоположныхъ произведеній; впрочемъ не усумнился бы, вмѣстѣ съ г-жею Сталь, дать первой такое же почетное мѣсто въ архитектурѣ Готической, какое занимаетъ послѣдняя въ Римской.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКВЕЙ МИЛАНСКИХЪ.

Въ Католическомъ городѣ, состоящемъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ владычества Папы, встрѣтить слѣды Богослуженія Греческаго, безъ сомнѣнія, покажется для многихъ новостію странною и съ перваго

взгляда почти непонятною. Такова церковь Миланская. Она, можно сказать, занимаетъ среднее мѣсто между восточною и западною. Такъ называемая, Амвросіанская литургія, наблюдаемая въ Миланѣ и во всей Епархіи, исключая городъ Монзы, по всему вѣроятію, заимствована Св. Амвросіемъ на востокѣ, хотя въ послѣдствіи времени и подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ. Крещеніе чрезъ погруженіе и другіе подобные обряды первыхъ вѣковъ Христіанства сохранились здѣсь также въ первоначальной своей чистотѣ. Даже и карнавалъ здѣшній продолжается четырьмя днями позже католическаго, и оканчивается только на канунѣ перваго великопостнаго воскресенья.

Въ половинѣ прошедшаго столѣтія число всѣхъ церквей и капеллъ въ Миланѣ простиралось до 230; но, по уничтоженіи монастырей и аббатствъ различныхъ орденовъ, — остается теперь не болѣе 95. Я намѣренъ упомянуть только о тѣхъ, которыя достойны особеннаго примѣчанія по древности, по богатству или по изящнымъ произведеніямъ художествъ.

Церковь Св. Амвросія основана въ четвертомъ столѣтіи; онъ въ ней отправлялъ Богослуженіе, въ ней проповѣдывалъ Евангеліе и въ ней же погребенъ подлѣ Св. Гервасія и Протасія, получившихъ мученическій вѣнецъ въ царствованіе Нерона. На одномъ изъ столповъ, поддерживающихъ органъ, стоитъ образъ сего Святителя, принадлежащій глубокой древности и, если вѣрить преданію, писанный съ натуры. Подъ нимъ находится слѣдующая надпись:

Effigies sancti haec tracta est ab imagine vivi
Ambrosii, pia, clara, humilis venerandaque cunctis.
Ergo genuflexo dicas: o Maxime doctor,
Alme patrone, Deum pro nobis jugiter ora.

то есть: „Сей образъ Св. Амвросія писанъ съ него живаго; всѣми покланяемый и славимый, для всѣхъ примѣръ смиренія и предметъ благоговѣнія. Убо преклонше колѣна, возопи къ нему: Учителю великій и ходатаю благій! моли Бога о насъ непрестанно.“ Съ благоговѣніемъ приступилъ я къ подножію олтаря, скрывающаго въ себѣ мощи Св. Амвросія Медіоланскаго. Здѣсь умираютъ

страсти людей, изчезаетъ вражда народовъ и всѣ ихъ гордые предразсудки. Передъ лицемъ Вселенскаго учителя нѣтъ различія между востокомъ и западомъ и нѣтъ раздѣленій между церквами.

Великолѣпныя перила, которыми окруженъ сей олтарь, спереди обиты золотыми досками, сзади серебреными съ чеканною работою или съ барельефами, представляющими разныя черты изъ жизни угодника Божія. Въ промежуткахъ блестятъ рубины, аметисты, алмазы и многіе другіе драгоцѣнные камни.

Въ сей же церкви почиваютъ мощи брата Амвросіева Св. Сатира и сестры его Св. Маркеллины.

Кипарисовые створы главныхъ дверей съ рѣзными изображеніями обиты желѣзною рѣшеткою для того, чтобы набожные люди не ломали отъ нихъ кусковъ, какъ дѣлали прежде. Олтарь Св. Амвросія достоинъ примѣчанія и потому, что при подножіи его многіе изъ королей Италіянскихъ вѣнчались желѣзною короною. Имя сего учителя православія святится до сихъ поръ въ Миланѣ;

и одна только память его доблестей могла сохранить обряды восточной церкви на западѣ въ первоначальной чистотѣ ихъ, несмотря на всѣ внѣшнія обуреванія.

Церковь Св. Александра построена на развалинахъ темницы, въ которой, по преданію народному, заключенъ былъ знаменоносецъ легіона Ѳивскаго Св. Александръ. Она имѣетъ видъ Греческаго креста, съ огромнымъ куполомъ, который лежитъ на осьми красныхъ гранитовыхъ столпахъ Коринѳскаго ордена; фасадъ ея величественъ, внутренность великолѣпна. Главный олтарь, каѳедра и два кивота исповѣдниковъ горятъ въ разныхъ цвѣтахъ корналиновъ, восточныхъ агатовъ, яшмъ, лазури и даже драгоцѣнныхъ камней.

Въ *церкви Св. Стефана* на полу есть окно съ мѣдною рѣшеткою, сквозь которое можно видѣть пастушескій посохъ Св. Амвросія и бичь, положенные крестъ на крестъ. По преданію народному, на этомъ мѣстѣ совершилось нѣкогда чудо; именно будто бы во время бывшаго здѣсь сраженія съ Аріанами, кровь католиковъ отдѣ-

лялась отъ крови еретиковъ и текла въ это окно или отверстіе. А историкъ Джіулини увѣряетъ, что этотъ ровъ омоченъ былъ кровію Діодора и другихъ трехъ Христіанъ, избіенныхъ съ нимъ, по повелѣнію Императора Валентиніана.

Одна изъ трапезъ *Бернардинской церкви* представляетъ зрѣлище мрачное и ужасное. Внутреннія стѣны ея со всѣхъ сторонъ закрыты головами и костями мертвыхъ, расположенными съ большою симметріею. Нѣкоторые изъ писателей, основываясь на народномъ преданіи, думали, что это кости католиковъ, убитыхъ въ сраженіи съ Аріанами при жизни Св. Амвросія; другіе полагали, что это остовы Миланскихъ гражданъ, избіенныхъ Готѳами въ пятомъ вѣкѣ; а вѣроятнѣе всего, скелеты усопшихъ въ больницѣ Св. Іова, которая находилась подлѣ сего мѣста. Со всѣмъ тѣмъ простой народъ сохраняетъ къ нимъ большое благоговѣніе и текущую черезъ нихъ воду употребляетъ для питья, какъ цѣлебное средство.

Въ церкви *Св. Маріи Цельской*, достопримѣчательнѣйшей по изяществу картинъ и зодчества, находится древняя икона Божіей Матери, писанная, какъ увѣряютъ, по заказу Св. Амвросія.

Шестнадцать колоннъ, стоящихъ подлѣ церкви Св. Лаврентія, суть драгоцѣнный остатокъ глубокой древности. Вѣроятно они составляли фасадъ тѣхъ великолѣпныхъ теплицъ Геркулесовыхъ, которыя построены были во времена Максиміана Геркулеса и о которыхъ Авзоній упоминаетъ съ восторгомъ въ одной своей эпиграммѣ (*). Онѣ всѣ изъ бѣлаго мрамора и Коринѳскаго ордена. Діаметръ ихъ при основаніи имѣетъ 33 дюйма, а высота равняется десяти діаметрамъ.

(*) Et Regis Herculei celebris sub honore lavacri,
Cunctaque marmoreis ornata perystila signis.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Знаменитые зодчіи: Брамантъ, Пеллегрини и Пiермарини: театры Скала и Каповіана.

Если случится вамъ въ Миланѣ остановиться внезапно передъ великолѣпнымъ храмомъ или заглядѣться невольно на пышность какихъ нибудь палатъ; то можете быть увѣрены почти напередъ, что вы стоите передъ твореніемъ *Брамента, Пеллегрини* или *Пiермарини.* Эти неутомимые художники украсили городъ безчисленными памятниками зодчества и на всѣхъ положили печать изящнаго вкуса.

Брамантъ, уроженецъ Урбинскій, былъ современникомъ Леонарда да Винчи и находился въ службѣ у Миланскаго Герцога Сфорца. Онъ съ такою легкостію сочинялъ

и рисовалъ свои планы, что почти всѣ архитекторы, приходившіе къ нему для совѣтовъ, получали совѣты на бумагѣ и безъ всякой платы. Однимъ изъ лучшихъ его произведеній почитается церковь Св. Дѣвы Маріи Цельской съ величественнымъ фасадомъ и съ красивымъ предсѣніемъ Коринѳскаго ордена. Трое воротъ съ передней стороны и двое съ боковъ ведутъ во внутренность святилища для того, чтобы поразить взоръ портиками, аркадами, десятиугольнымъ куполомъ и безчисленными его украшеніями. Брамантъ былъ также хорошимъ живописцемъ и зналъ отлично перспективу. Построенная имъ церковь Св. Сатира имѣетъ видъ литеры Т, вмѣсто Греческаго креста, который назначенъ былъ въ планѣ и котораго верхней части нельзя было продолжать, по положенію улицы. Чтобы скрыть этотъ недостатокъ, художникъ въ такой перспективѣ расположилъ барельефы передней трапезы, что вся эта часть внутренности кажется выдающеюся въ даль.

Брамантъ отличился въ особенности сооруженіемъ куполовъ; между тѣмъ какъ

знаменитый *Пеллегрини* любилъ преимущественно круглыя линеи и роскошь въ колоннахъ. Онъ построилъ много капеллъ; и почти всѣ онѣ имѣютъ форму Греческихъ храмовъ или павильоновъ. Церковь Св. Фиделиса представляетъ образецъ изящнаго зодчества, въ которомъ художникъ раскрылъ все богатство своего творческаго генія. Она стоитъ на высокой насыпи, устланной спереди каменными ступенями. Фасадъ раздѣляется на два яруса. Первый украшенъ колоннами Коринѳскаго ордена и увѣнчанъ архитравомъ и фризомъ. На второмъ, сложенномъ изъ разныхъ орденовъ, лежитъ треугольный фронтонъ. Внутренность церкви образуетъ два квадрата, — съ рядами колоннъ, которыя всѣ изсѣчены изъ цѣльнаго краснаго гранита. Нѣкто изъ отличнаго почтенія къ лошадямъ или изъ одного желанія унизить художника, поручилъ ему построить конюшню; и Пеллегрини построилъ такую, что дѣлавшій порученіе хотѣлъ ее назначить для самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, планъ ея достоинъ примѣчанія по своей оригинальности. Снаружи она представляетъ

только круглое десятиграшное зданіе; но внутренность состоитъ изъ трехъ этажей, изъ которыхъ каждый имѣетъ длинные и смѣлые своды и вокругъ стѣнъ ряды колоннъ въ видѣ порциковъ. Во второй этажъ ведетъ отлогая лѣстница; третій назначенъ для одной только складки сѣна.

Знаменитый театръ *Скала*, почитаемый однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ по своей огромности и великолѣпію, есть твореніе *Пермарини*. Фасадъ его состоитъ изъ подъѣзда съ тремя аркадами, изъ террасы, украшенной колоннами разныхъ орденовъ и барельефомъ Аполлона, летящаго въ колесницѣ и останавливаемаго Ночью. Изъ обширныхъ сѣней, окруженныхъ кофейнями и кандитерскими лавками, пять воротъ ведутъ на улицу, двѣ лѣстницы въ ложи и трое дверей въ огромную и блестящую залу, занимаемую партеромъ. Она имѣетъ фигуру эллиптическую; вокругъ ея поднимается шесть ярусовъ, убранныхъ со всею восточною пышностію и со всею изящностію вкуса; изъ нихъ въ трехъ верхнихъ по 39 ложъ, а въ трехъ нижнихъ по 36 и

одна королевская, лежащая надъ дверьми противъ сцены. Своды потолка украшены медальонами и очень хорошею картиною, представляющею буйное празднество Вакханокъ. Къ залѣ, занимаемой сценою, пристроивается нѣсколько домовъ, купленныхъ у частныхъ людей; и потому она получитъ въ скоромъ времени новое и значительное приращеніе.

Театръ *Канобіана* построенъ также по плану Піермарини; это — подражаніе Скалѣ въ меньшемъ размѣрѣ и только съ пятью рядами ложъ. Посредствомъ двухъ аркъ или мостовъ, проведенныхъ надъ улицей, онъ имѣетъ сообщеніе съ дворцемъ. Названіе его происходитъ отъ школы Павла Канобіо, который преподавалъ здѣсь діалектику и нравственную философію.

АРЕНА.

Римскіе консулы и императоры часто строили амфитеатры и давали блистательныя игры единственно для того, чтобы унять крики буйной черни и привлечь на свою сторону шумные голоса ея. По видимому, тоже хотѣлъ сдѣлать и Наполеонъ въ Миланѣ, замѣтивъ, можетъ быть, въ гражданахъ духъ и склонности древнихъ Римлянъ,—не тѣхъ суровыхъ Римлянъ, передъ которыми трепетала вселенная, но тѣхъ роскошныхъ сибаритовъ и низкихъ рабовъ, которые за однѣ игрушки продавали пришельцамъ себя, отечество и славу своихъ предковъ. Построенная, по его повелѣнію, на полѣ Марсовомъ *Арена*, безъ сомнѣнія, достойна стоять на

ряду съ древними амфитеатрами. Она имѣетъ овальный видъ и простирается въ длину на 400 брачіо или 109 саженъ и 1 арш., а въ ширину на 200 брачіо или 54 саж. и 2 аршина. Внутренняя площадь ея назначена для представленія гимнастическихъ сраженій, для скаканія на колесницахъ по древнему обычаю и даже для судоборства или навмахіи, въ которую можно обратить ее въ нѣсколько часовъ посредствомъ ручья, текущаго подлѣ стѣнъ этого зданія. Вокругъ водоема подымаются, въ видѣ террасъ, каменныя ступени или лавки для сорока тысячь зрителей. Карцеры, отгороженные отъ поприща столпами, помѣщены на сѣверномъ концѣ Арены. Между ними стоятъ широкія ворота, украшенные снаружи четырьмя столпами Дорическаго чина и мраморнымъ барельефомъ, представляющимъ на фронтонѣ Олимпійскія игры. Для симметріи съ этими воротами, на противоположномъ краю амфитеатра построены другіе для входа и выхода народа. Посреди террасы, простирающейся со стороны Марсова поля, возвышается очень красивое зда-

ніе, называемое пулвинаріемъ. Оно состоитъ изъ длинной залы, украшенной очень хорошею живописью въ родѣ барельефовъ, и изъ богатой галлереи, обращенной къ Аренѣ, съ рядомъ красныхъ гранитовыхъ столповъ Коринѳскаго ордена.

Кавалеръ *Каноника* построеніемъ этого великолѣпнаго амфитеатра воскресилъ отдаленную древность и показалъ глубокія свои свѣденія въ зодчествѣ Витрувія. До сихъ поръ не доставало башенъ на карцерахъ и либитинарія или боковыхъ воротъ, назначенныхъ въ планѣ; но правительство выдало недавно для окончанія этой работы нужную сумму.

Въ первой разъ Арена открыта была 17 Іюня въ 1807 году; а въ послѣдній разъ даны были въ ней представленія прошедшею весною, въ присутствіи Императора Франца II и Императрицы. Поприще украшено было по древнему обычаю перегородкою, статуями, обелисками и мѣтами. Также какъ у древнихъ, разбито было нѣсколько колесницъ въ дребезги, нѣсколько всадниковъ пали задавленные. Между прочимъ представ-

лено было здѣсь очень занимательное зрѣлище взятія Трои. Огромный конь, роковой даръ Грековъ, ввезенъ былъ въ южныя ворота обольщенными Троянами. Въ урочное время отверзлась махина; изъ нее вышелъ Улиссъ съ своею дружиною, бросился во дворецъ, стоявшій надъ карцерами, и обратилъ столицу Пріама въ пепелъ.

ТОРЖЕСТВЕННЫЯ ВОРОТА НА МАРСОВОМЪ ПОЛѢ.

Зодчество, ваяніе и литейное искусство соединились съ роскошью, а можетъ быть и съ лестію для того, чтобы воздвигнуть въ честь завоевателя Италіи чудесный и единственный въ своемъ родѣ, памятникъ нашего времени. Я говорю о *торжественныхъ воро-*

такъ, заложенныхъ при окончаніи дороги, ведущей изъ Симплона на Марсово поле. Они начаты были въ 1804 году, подняты на треть возвышенія, назначеннаго въ планѣ, и остановлены по паденіи Наполеоновомъ. Вся эта громада, изсѣченная изъ бѣлаго мрамора, образуетъ три обширныя арки. На блестящихъ простѣнкахъ съ внѣшней стороны стоятъ въ барельефахъ Франція, Италія, Исторія и Слава. Со стороны внутренней дышетъ Наполеонъ въ образѣ Марса, Геркулеса и Аполлона, — портретная голова смертнаго на идеальныхъ тѣлахъ баснословныхъ боговъ Олимпа. Всѣ прочіе барельефы съ безчисленными украшеніями капителей лежатъ въ ближнихъ сараяхъ; бронзовыя статуи, назначенныя для фронтона, еще не отлиты. До сихъ поръ можно было судить о достоинствѣ этихъ воротъ по одному только плану: но великодушный Францъ II, снисходя на усильныя просьбы гражданъ, приказалъ снова приступить къ работѣ; и такимъ образомъ одно слово Монарха воззвало изъ праха такой памятникъ, который, по словамъ Италіянцевъ, увѣнчаетъ

безсмертіемъ знаменитаго зодчаго маркиза Каньолу и будетъ славою девятнадцатаго вѣка.

ЛОМБАРДСКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ.

Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія заря просвѣщенія просіяла и на горизонтѣ Милана. Набожность того времени воздвигала повсюду храмы и старалась украшать ихъ великолѣпіемъ; пышность и щедрость вельможъ отворяли врата художествамъ. Герцогъ Сфорца объявилъ себя ихъ меценатомъ; и явился *Леонардо да Винчи,* Рафаэль Ломбардской школы.

Тайная его *Вечеря* столько знаменитая въ исторіи живописи, находится въ залѣ бывшаго монастыря Св. Маріи Благодатной

(delle grazie). Къ крайнему сожалѣнію любителей изящныхъ искусствъ, она почти вся изглажена частію временемъ, частію невѣжествомъ. Въ стѣнѣ, на которой она написана, проломлена была дверь; и въ то время оторвана вся нижняя часть картины до пояса Спасителя и двухъ Апостоловъ, Его окружающихъ.

Не смотря на слѣды этого разрушенія, *Тайная Вечеря* еще до сихъ поръ возбуждаетъ удивленіе въ знатокахъ и вниманіе въ равнодушныхъ. Она занимаетъ цѣлую стѣну во всю широту залы; и очень легко еще отличить въ ней дѣйствіе, группы, характеры и чувства, хотя нѣкоторыя лица уже скрываются какъ бы въ туманѣ или за дымчатымъ покрываломъ. Художникъ схватилъ то мгновеніе, когда Спаситель сказалъ ученикамъ своимъ, что единый изъ нихъ предастъ его. Въ сонмѣ Апостоловъ смятеніе; одни не вѣрятъ еще слышанному и какъ бы снова хотятъ слышать; другіе оцѣпенѣли отъ изумленія и страха. Всѣ прочіе обращаются другъ къ другу, ищутъ предателя или объясняютъ предсказанія

Пророковъ. Кажется, слышишь тихій ихъ ропотъ и различные толки.

Чтобы не лишиться навсегда этой драгоцѣнной картины, принцъ Евгеній бывшій вице—король Италіянскій, поручилъ *Іосифу Босси* снять съ нея самую вѣрную копію. Ученый художникъ занялся со вниманіемъ всѣми оставшимися частями оригинала, воспользовался головами Апостоловъ, которыя списаны были съ подлинника, по повелѣнію кардинала Фридерика Борромея, и хранятся донынѣ въ библіотекѣ Амвросіянской; собралъ всѣ копіи, снятыя учениками Леонарда; и такимъ образомъ воскресилъ тайную вечерю прежде, нежели предатель время успѣло изгладить ее на вѣки. Эта превосходная копія, выставленная въ Академіи изящныхъ художествъ, служитъ предметомъ вниманія и удивленія всѣхъ знатоковъ и любителей. Кавалеръ Іосифъ Босси написалъ также ученое сочиненіе о Тайной Вечерѣ Леонарда со всѣми историческими о ней свѣдѣніями. Съ его копіи художникъ *Рафаелли*, по порученію того же вице—короля Италіянскаго, составилъ мозаическую картину,

единственную въ своемъ родѣ какъ по изящности работы, такъ и по огромности, которая равняется величинѣ подлинника. Она перевезена въ Вѣну и поставлена во дворцѣ Императорскомъ. Извѣстный *Морегенъ* также споспѣшествовалъ къ сохраненію сего драгоцѣннаго памятника прекраснымъ своимъ эстампомъ, гравированнымъ съ рисунковъ профессора Маттейни.

Преемниками искусства и славы Леонарда да Винчи остались послѣ него въ Миланѣ *Гауденцій Феррари, Бернардинъ* и *Авреліи Лувини, Бернардинъ Ланино Верчельскій, Іюлій Кесарь и Камилль Прокачини.* Почти всѣ здѣшнія церкви украшены ихъ трудами; и всѣ труды ихъ почитаются драгоцѣнными и рѣдкими какъ по древности, такъ и по изящности.

Монастырь *Maggiore* можно назвать галлереею фресковъ *Бернардина Лувини.* Церковь монастырская раздѣляется стѣною на внѣшнюю и внутреннюю. Къ странностямъ художника принадлежитъ то, что на обѣихъ сторонахъ стѣны представилъ тѣже самые предметы, только въ обратномъ видѣ, то

есть какъ бы писанные на прозрачной бумагѣ. Нельзя не заглядѣться на одно маленькое изображеніе Ангела, представленнаго въ картинѣ по лѣвую сторону олтаря внѣшней церкви. Это идеалъ небеснаго младенчества. Но изъ всѣхъ картинъ Бернардина Лувини первое мѣсто занимаетъ Истязаніе Іисуса, привязаннаго къ столбу. Въ самомъ дѣлѣ, это есть сокровище въ родѣ фресковъ: Божество въ уничиженіи и въ уничиженіи —Божество!... Игнатій Фамагалли, секретарь Миланской академіи художествъ, срисовалъ всѣ эти фрески и помѣстилъ ихъ эстампы въ своемъ сочиненіи *О школѣ Леонарда да Винчи въ Ломбардіи.* Очень жалко, что большая часть любителей живописи не знаютъ даже и имени Бернардина Лувини, этого соревнователя Леонардова, который, по словамъ Италіянцевъ, часто соединялъ въ своихъ твореніяхъ прелесть Корреджіа съ выразительностію и чистотою рисовки Рафаэля.

Въ церкви *Св. Назарія* есть очень замѣчательные фрески *Бернардина Ланино* Верчельскаго, изображающіе мученіе Св. Вар-

вары. Въ сонмѣ зрителей, окружающихъ героиню Христіанской вѣры, сочинитель представилъ своего учителя, разговаривающимъ съ другимъ ученикомъ и посреди ихъ самаго себя вслушивающимся въ разговоръ. Въ верхнемъ планѣ является на облакѣ Господь Саваоѳъ, окруженный Ангелами и Серафимами. Этотъ высокій предметъ, называемый у Италіянцевъ славою *gloria*, былъ повторяемъ почти всѣми художниками; но Бернардинъ Ланино не хотѣлъ ни кому изъ нихъ подражать, для того чтобъ сдѣлаться неподражаемымъ. Не смотря на безчисленность легіона Ангеловъ, группы ихъ всѣ разнообразны и лица нимало не похожи одно на другое. Они всѣ закрываются отъ Того, на Котораго не смѣютъ взирать, и всѣ въ разныхъ видахъ. Примѣтно, что сочинитель въ составленіи этой части картины старался показать все богатство своего генія, хотя уже и слишкомъ далеко увлекся его причудами, и особенно въ изображеніи положеній и сгибовъ тѣла (raccourci), заботясь здѣсь, какъ кажется, болѣе о преодолѣніи трудностей, почитаемыхъ непреодоли-

мыми, нежели о соблюденіи требованій вкуса и важности предмета.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ КАРТОНЪ АОИНСКОЙ ШКОЛЫ, РАФАЕЛЯ.

Амвросіянская библіотека, основанная въ началѣ семнадцатаго столѣтія кардиналомъ Фридерикомъ Борромеемъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ книгъ, богатое собраніе драгоцѣнныхъ памятниковъ живописи и ваянія. Я не буду говорить ни о Іудейскихъ древностяхъ Іосифа Флавія, переведенныхъ на Латинскій языкъ Руфиномъ и писанныхъ на папирѣ; ни о Виргиліѣ, принадлежавшемъ Петраркѣ, который собственною рукою писалъ на поляхъ замѣчанія, имѣющія отношеніе къ его Лаурѣ. Не буду останавливаться

и передъ картинами Леонарда, Бернардина Лувини, Микель-Анджела, Алберта Дюрера, Андрея Дельсарто и Тиціана. Онѣ всѣ превосходны; но мысль моя занята однимъ только твореніемъ одного изъ величайшихъ геніевъ. Я хочу сказать нѣсколько словъ объ оригинальномъ картонѣ *Аѳинской школы*.

Подлѣ великолѣпной аркады, на круглыхъ ступеняхъ лѣстницы, стоитъ основатель академіи *Платонъ* и преподаетъ изустно свою высокую философію. Два ряда учениковъ, его окружающихъ, въ глубокомъ безмолвіи ловятъ каждое его слово. Подлѣ нихъ, съ лѣвой стороны, юный Альцибіадъ слушаетъ со вниманіемъ *Сократа*, разсуждающаго о нравственности; красота и осанка отличаютъ будущаго героя отъ всѣхъ лицъ. На первомъ планѣ сидитъ *Пиѳагоръ*, пишетъ свою теорію музыки и объясняетъ ее одному изъ юношей, стоящему за его плечами; между тѣмъ какъ одинъ изъ старцевъ записываетъ съ торопливостію его объясненія. Съ правой стороны вы видите Геометра, который, нагнувшись, чертитъ на пескѣ. Это *Архимедъ*. Ученики его также наклони-

лись и боятся спустить глаза съ циркуля. Младшій изъ нихъ тянется съ нетерпѣніемъ черезъ прочихъ и какъ бы досадуетъ, что они препятствуютъ ему смотрѣть. Позади ихъ стоятъ три царя въ вѣнцахъ,—вѣроятно принадлежащіе къ семи мудрецамъ Греческимъ. Между тѣмъ на площади амфитеатра сидитъ особящійся *Діогенъ;* никто на него не смотритъ, и онъ никѣмъ не занимается.

Одному только всеобъемлющему генію Рафаеля возможно было въ этомъ огромномъ твореніи дать всему порядокъ, мѣру и вѣсъ. Какія превосходныя группы! Какое точное выраженіе! Нѣтъ ни одного лица лишняго; всякое дѣйствуетъ и всякое имѣетъ собственный характеръ. Всѣ философы учатъ; но способы ихъ ученія различны. Всѣ ученики слушаютъ, но вниманіе каждаго отличается особенными чертами. Однимъ словомъ: Рафаель—Гомеръ живописи.

Этотъ огромный рисунокъ, занимающій почти всю широту залы, раждаетъ какія-то особенныя, неизъяснимыя впечатлѣнія. Я вижу въ немъ свѣжія мысли сочинителя,

первые восторги вдохновенія, непосредственное изліяніе воспламененной души. Его нельзя назвать неподражаемымъ; но ему могъ подражать одинъ только Рафаель въ Ватиканскихъ галлереяхъ. Тамъ онъ былъ художникомъ; здѣсь онъ поэтъ.

БРЕРА, 18 Августа. / 30 Сентября.

Сегодня въ Брерѣ былъ торжественный актъ, въ которомъ читали годичный отчетъ и раздавали награды молодымъ художникамъ, въ присутствіи вице-короля и вице-королевы. По окончаніи праздника, толпы посѣтителей двинулись съ любопытствомъ, съ критикой и съ равнодушіемъ разбирать первые опыты и новыя творенія

художествъ. Число всѣхъ памятниковъ по части живописи, ваянія и архитектурныхъ плановъ, выставленныхъ въ нынѣшнемъ году, простирается до 132; изъ нихъ особенное вниманіе заслуживаютъ два слѣдующіе: 1) Мраморная статуя танцующей *Терпсихоры*, изваянная *Гаетаномъ Монти*, Равенскимъ скульпторомъ. Красота лица, положеніе тѣла и обвивающееся вокругъ стана платье — превосходны. Она мила, какъ грація, и если позволено выразиться въ прозѣ словами нашего стихотворца,—легка, какъ пухъ изъ устъ Эола. 2) Картина, представляющая *Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи*. Іоаннъ въ оковахъ; одинъ изъ палачей схватилъ его за волосы; другой держитъ факелъ, котораго блескъ отражается на предстоящихъ; подлѣ нихъ женщина съ золотымъ блюдомъ. Дочь Иродова стоитъ покойно; одно только желаніе видѣть отсѣченную голову изображается во взорѣ ея. Вдали видны старикъ съ юношею, которые разсуждаютъ, какъ кажется, о невинности узника. Эта прекрасная картина есть твореніе *Іосифа Діонти*, профессора Бергамской академіи и

члена Миланской. Тайна искусства его скрывается въ томъ, что онъ умѣлъ представить, посредствомъ отраженія огня, главныя лица совсѣмъ выходящими изъ полотна, а золотое блюдо вогнутымъ внутрь, подобно рельефу.

Въ Брерѣ сосредоточиваются всѣ высшія учрежденія и отрасли народнаго просвѣщенія; какъ то: институтъ наукъ, академія изящныхъ художествъ, пинакотека или картинная галлерея, библіотека публичная, кабинетъ медалей, астрономическая обсерваторія, гимназія, ботаническій садъ, школы рисованія, живописи, гравированія, зодчества, валнія, украшеній, перспективы и анатоміи для живописцевъ. Изъ всѣхъ этихъ учрежденій самое достопримѣчательное — пинакотека. Въ сѣняхъ ея разставлены весьма любопытные фрески Гауденція Феррари, ученика Леонардова, перенесенные изъ монастырей и церквей уничтоженныхъ. Одни изъ нихъ отрѣзаны съ стѣнами, другіе искусно сняты со стѣнъ посредствомъ какого-то состава, изобрѣтеннаго Пармскимъ живописцемъ *Стефаномъ*

Барецци, который наклеивалъ ихъ, по снятіи, на полотно или на дерево.

Вступая во внутренность галлереи, вы вдругъ переноситесь въ міръ піитическій, населенный существами совершеннѣйшими. Идеалы разныхъ вѣковъ и странъ,—все, что великіе геніи могли вообразить прелестнаго и высшаго, все обратилось въ вещественность; и всѣ вещественные образы получили дыханіе жизни.

При безчисленномъ множествѣ разнообразныхъ предметовъ, не знаешь на чемъ остановиться; но остановишься невольно передъ слѣпымъ старцемъ *Тиціана*, передъ Авраамомъ и Агарью *Гверчина* и передъ Петромъ и Павломъ Апостолами, *Гвидо Рени.* Они такъ живы, что готовы сойти со стѣнъ. Остановишься невольно и передъ прелестнымъ хороводомъ игривыхъ амуровъ, которые, схватившись ручонками, кружатся посреди луга. Сама грація водила кистію *Альбана,* когда онъ писалъ этотъ Анакреонтическій танецъ. *Джуліо Романо* сотворилъ другое чудо. Маленькой его Ангелъ, держащій въ рукахъ свитокъ съ словами:

Gloria in excelsis (Слава въ вышнихъ Богу), весь упоенъ восторгомъ; пламенные глаза его подняты въ верхъ, полуоткрытыя уста его движутся. Кажется, слышишь небесную его мелодію и неизрѣченное славословіе.

Бракъ въ Канѣ, Павла Веронеза, превосходенъ; но *Тайная Вечеря* его, при всѣхъ совершенствахъ искусства болѣе похожа на шумное пиршество, нежели на духовное и великое дѣйствіе вѣры. Столъ отягченъ различными яствами; вокругъ стола лица прислуживающія; и, по безразсудной причудливости художника, подъ столомъ дерутся собака съ кошкою. Эти животныя можно назвать принадлежностію картинъ Веронезовыхъ; онъ представлялъ ихъ кстати и не кстати; потому что умѣлъ представлять какъ то, такъ и другое въ совершенствѣ.

Въ здѣшней галлереѣ есть также очень занимательное собраніе древнихъ картинъ, съ золотымъ полемъ, съ вѣнцами, съ окладами и другими принадлежностями Греческаго вкуса. Изъ нихъ достойны особеннаго примѣчанія образа *Карла Кривелли*, какъ памят-

ники возрожденія живописи. Кромѣ правильной рисовки, они уже отличаются характерами и выразительностію; но вѣнцы, кадила и подсвѣчники сдѣланы изъ серебра и врѣзаны въ нихъ, въ видѣ рельефовъ. Картина, представляющая разныя лица изъ дому герцога Урбинскаго, заслуживаетъ вниманіе какъ по совершенствамъ своимъ, такъ и по тому, что сочинитель ея *Фра Карневале* почитается однимъ изъ учителей Рафаелевыхъ.

Какое торжество искуства! Одинъ маленькой рисунокъ, начертанный простымъ перомъ, собираетъ вокругъ себя толпы зрителей. Это фавны, стрѣляющіе въ цѣль, въ разныхъ положеніяхъ, съ натянутыми луками, съ сильнымъ напряженіемъ нервовъ и съ глазами, устремленными на одну точку. Подъ ними стоитъ имя *Буаноротти;* но къ чести, можетъ быть, Буанороти, академія приписываетъ ихъ Рафаелю.

БРЕРСКІЙ АЛМАЗЪ.

„Вотъ мой перлъ!“ воскликнулъ Испанскій король, Филиппъ IV, когда принесли ему въ перый разъ одно твореніе Рафаелево, представляющее Божію Матерь съ Іисусомъ младенцемъ. Эта картина съ того времени получила названіе *перловой* и до сихъ поръ извѣстна въ исторіи живописи подъ этимъ именемъ. Въ числѣ сокровищъ Брерской академіи есть также одинъ алмазъ, который дороже горсти самоцвѣтныхъ камней Бразильскихъ.

Украшенный сѣдинами первосвященникъ, облаченный въ богатую утварь, совершаетъ духовное *Обрученіе Маріи съ Іосифомъ.* Святая Дѣва съ робостію подаетъ ему правую руку; позади ея стоитъ нѣсколько женъ и дѣвъ; всѣ онѣ смотрятъ на дѣйствіе таинственнаго обряда съ глубокимъ вниманіемъ, кромѣ

одной, которая оглянулась изъ любопытства на приблизившагося къ нимъ зрителя. По лѣвую сторону первосвященника стоитъ Іосифъ; онъ держитъ въ рукѣ перстень, и также окруженъ нѣсколькими мужами и юношами. За ними простирается обширная площадь, на которой разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ небольшія группы, изъ четырехъ, изъ трехъ и двухъ лицъ состоящія. Въ концѣ площади возвышается великолѣпный храмъ, похожій на пантеонъ; на фронтонѣ его видна надпись: „Rafael Urbinus fecit."

Къ этимъ словамъ надобно только прибавить извѣстное оглашеніе жрецовъ Римскихъ: „Procul, o procul este, profani! Удалитесь непосвященные; а вы причастные великимъ таинствамъ природы, искуства и вкуса, безмолствуйте и благоговѣйте; favete linguis."

Отъ чего мы не въ состояніи выражать словомъ всѣхъ внутреннихъ нашихъ движеній? Случалось ли вамъ послѣ добраго дѣла, сдѣланнаго для облегченія участи ближняго, внимать втайнѣ голосу одобряющей совѣсти? Случалось ли также, послѣ гром-

кой музыки, волнующей кровь и пробуждающей страсти,—войти въ храмъ Божій и въ глубокой тишинѣ услышать Ангельскую мелодію дѣтей, въ славу Всевышняго? Вотъ что чувствуешь передъ этимъ безцѣннымъ твореніемъ, представляющимъ обрученіе Св. Дѣвы Маріи съ Іосифомъ. Вниманіе, утомленное разнообразіемъ предметовъ, пробуждается здѣсь отъ разсѣянности; воображеніе начинаетъ мечтать; сердце находитъ для себя вдохновеніе; и всѣ силы умственныя расширяются какъ бы въ высшей, однимъ только имъ свойственной сферѣ.

Не нужно вамъ разгадывать мыслей художника; онѣ всѣ передъ вами. Дѣйствіе ясно и опредѣленно; лицъ не болѣе и не менѣе, какъ сколько нужно для дѣйствія. Каждое изъ нихъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, и думаетъ только о томъ, о чемъ должно думать. Ни одно не имѣетъ ни выисканнаго чувства, ни театральнаго положенія. Рафаэль во всемъ простъ; онъ зналъ, что высокіе характеры и истинныя прелести могутъ быть только въ соединеніи съ простотою. Посмотрите на сего первосвященника, укра-

шеннаго долготою дней и сѣдинами. Это не грозный органъ воли Олимпійскихъ боговъ; онъ пришелъ сюда не съ страхомъ, а съ откровеніемъ небесной благости. Какъ таинственнику судебъ Божіихъ, ему не нужно возвѣщать о важности своего сана громами. Наконецъ, если есть на землѣ совершеннѣйшій образецъ небесныхъ прелестей; то онъ открывается намъ въ божественномъ лицѣ Маріи, въ которомъ сливаются всѣ добродѣтели, украшающія дѣвство, и всѣ доблести, свойственныя Ангеламъ. О какъ восхитительно это тайное бореніе робости съ надеждою, смиренія съ вѣрою и недоумѣнія съ покорностію Промыслу!

Въ числѣ юношей, сопровождающихъ Іосифа, Рафаель изобразилъ самаго себя ломающимъ посохъ. Мнѣ кажется, этимъ аллегорическимъ дѣйствіемъ онъ хотѣлъ выразить собственный восторгъ передъ своимъ идеаломъ; и въ тоже время научить дерзновеннаго художника, чтобы онъ не смѣлъ подражать неподражаемому творенію и изломалъ свою кисть при его подножіи.

---

*

ПРИДВОРНЫЙ НАПОЛЕОНОВЪ ЖИВОПИСЕЦЪ АППІАНИ.

Пока не видалъ я твореній Аппіани, я не могъ равнодушно сравнивать новыхъ Италіянскихъ школъ со старыми. Мнѣ казалось, что золотой вѣкъ живописи уже прошелъ; и что этому благороднѣйшему искусству суждено уже приходить со дня на день въ уничиженіе. *Аппіани* отнялъ поношеніе своего вѣка; Аппіани есть художникъ царскій, и галлерея картинъ его — дворецъ.

Пять залъ, украшенныхъ его фресками, сдѣлались предметомъ общаго любопытства. Въ одной изъ нихъ онъ представилъ на потолкѣ, въ видѣ медали, Минерву, подающую Исторіи щитъ Ахиллесовъ;

по сторонамъ четыре части земнаго шара съ ихъ принадлежностями, а надъ дверями День, Ночь и четыре стихіи. На сводахъ круглой залы изображенъ Гименей, дарующій миръ Землѣ; а на стѣнахъ кабинета множество другихъ историческихъ аллегорій, писанныхъ одноцвѣтною краскою. Самая достопримѣчательная зала есть Юпитерова, которой потолокъ украшенъ великолѣпнымъ медальономъ, а фризы превосходными барельефами. Отецъ боговъ окруженъ символами его величія; съ одной стороны стоитъ передъ нимъ Правосудіе съ мечемъ и вѣсами; съ другой Миръ, съ оливною вѣтвію въ рукѣ, ведетъ къ нему Науки и Искусства. Четыре крылатыя Побѣды держатъ тронъ громовержца; между тѣмъ какъ вокругъ его пляшутъ дѣти времени, горы или часы. Смотря на эту превосходную картину, не знаешь, чему отдать преимущество: богатству ли мыслей художника, волшебной ли рисовкѣ его, или блеску и роскоши красокъ. Все совершенно; но, къ сожалѣнію, этотъ Юпитеръ не Юпитеръ, а Наполеонъ, увѣнчанный желѣзною короною.

Потолокъ большой залы, назначенный для придворныхъ праздниковъ, раздѣляется на восемь медальоновъ; изъ нихъ четыре кончены, а другіе четыре остаются до сихъ поръ не начатыми.

„Я видѣлъ тебя, возносящагося подобно кедру Ливанскому; ты хотѣлъ поставить престолъ свой на облакахъ; смертные думали, что ты богъ, правящій землею и повелѣвающій стихіямъ; но Всевышній рекъ—и ты превратился въ прахъ.“ Вотъ какая первая мысль занимала меня, когда изъ пышныхъ чертоговъ свели меня въ темный подвалъ и показали мнѣ тронъ Наполеоновъ, покрытый пылью. Какой страшный урокъ для гордыхъ честолюбцевъ! Это тронъ того Навуходоносора, котораго побѣды несли къ небу и вдругъ бросили съ облаковъ на землю.

Въ этомъ же темномъ подвалѣ разбросаны въ безпорядкѣ памятники Наполеонова величія, разныя творенія великихъ художниковъ. Здѣсь стоитъ картина *Давидова*, представляющая переходъ Наполеона чрезъ Сентъ-Бернаръ. Конь вьется подъ всадникомъ, ко-

тораго правая рука простерта впередъ, а лѣвая закрыта мантіею багрянаго или огненнаго цвѣта. Складки мантіи, закинутой на плечо и развѣваемой вѣтромъ, превосходны. Здѣсь же стоятъ четыре Наполеоновы бюста, дѣланные *Кановою*. Одинъ изъ нихъ колоссальной величины,—съ головою изъ бѣлаго мрамора и съ тогою изъ мрамора дикаго; другой представляетъ Наполеона въ курткѣ и въ рубашкѣ съ воротникомъ. Подражаніе мѣху и сгибамъ всего платья разительно.

Здѣсь встрѣчается намъ опять Аппіани. Наполеонъ, по видимому, избралъ его своимъ Апеллесомъ, такъ какъ Канову своимъ Праксителемъ. Картины его, представляющія побѣды при Маренго, походъ въ Египетъ, сраженіе при Лоди и множество другихъ подвиговъ, писаны всѣ одноцвѣтною дикою краскою въ родѣ барельефовъ, и назначены были для украшенія внутреннихъ карнизовъ большой залы.

Нельзя смотрѣть безъ удивленія на произведенія кисти этаго художника. Всѣ почти живописцы обыкновенно ставятъ свои картины въ какомъ нибудь одномъ опредѣ-

ленномъ мѣстѣ и освящаютъ ихъ, такъ сказать, однимъ фокусомъ лучей. Аппіани напротивъ того нашелъ тайну писать свои творенія почти для всѣхъ точекъ зрѣнія. Гдѣ бы вы ни стояли, отвсюду видите передъ собою превосходные барельефы, и вашему чичероне трудно разочаровать въ обманѣ и увѣрить, что эти выпуклыя фигуры не что иное, какъ одна игра волшебной кисти живописца. Кромѣ барельефной живописи, Аппіани отличился также въ исторической и въ аллегорической. Въ аллегоріяхъ его видны богатство воображенія, игра остроумія и разборчивость вкуса; онѣ всѣ ясны, новы и благородны, хотя очень часто подъ прозрачнымъ ихъ покрываломъ таятся лесть и притворство. Это жертва, принесенная имъ духу времени, и тому правительству, которому онъ служилъ; въ то время была общая мода художниковъ представлять одного и того же идола съ различными туловищами; такъ что въ одномъ Миланѣ можно найти множество безобразныхъ Аполлоновъ и безбородыхъ Юпитеровъ, Марсовъ и Геркулесовъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, въ самое то время, когда побѣды уже оставляли Наполеона, кончилъ и его Апеллесъ свое блистательное поприще. Въ 1813 году незапный апоплексическій ударъ лишилъ Аппіани употребленія руки и разсудка; а въ 1817 году смерть похитила его у Аполлона и музъ, которыхъ онъ такъ прекрасно изобразилъ на плафонѣ одной Брерской залы.

БРЕСЧІЯ, 20 Августа. / 1 Сентября.

Вновь открытый Римскій храмъ. Рѣшеніе вопросовъ, когда онъ построенъ, кому посвященъ и по какому случаю засыпанъ былъ землею. Произведенія Рафаеля и Каповы въ домѣ графа Пауло Този.

По прибытіи въ Бресчію, я немедленно отправился смотрѣть храмъ Геркулесовъ, открытый въ прошломъ году, подлѣ города, при подошвѣ одного пригорка. До сихъ поръ вырытъ изъ земли одинъ только фасадъ его съ десятью дорожчатыми колоннами изъ бѣлаго мрамора. Четыре изъ нихъ, выдавшіяся впередъ, вѣроятно служили украшеніемъ главныхъ воротъ и составляли переднюю линію перистиля; прочія шесть стоятъ по бокамъ, то есть три по правую сторону и три по лѣвую.

Эта новая древность или древняя новизна будетъ, безъ сомнѣнія, предметомъ многихъ разсужденій и споровъ для антикваріевъ; но самый важный трудъ, мнѣ кажется, предлежитъ имъ въ рѣшеніи трехъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) когда сей храмъ построенъ? 2) Геркулесовъ ли это храмъ? и 3) когда и по какому случаю онъ засыпанъ землею?—На первые два вопроса отвѣчать трудно по недостатку историческихъ доводовъ; и хотя благородный стиль колоннъ доказываетъ, что онѣ принадлежатъ лучшему времени Римскаго зодчества, слѣдовательно первому или второму вѣку нашего лѣтосчисленія; но Ливій и Плиній, упоминая о Бресціи, ничего не говорятъ о Геркулесовомъ храмѣ (*); прочіе писатели Римскіе своимъ молчаніемъ также оставляютъ насъ въ недоумѣніи. И такъ, мнѣ кажется, нѣтъ другой причины почитать сей храмъ Геркулесовымъ, какъ развѣ только по тому, что Геркулесъ былъ въ особенномъ почтеніи во всей Галліи Цизалпинской.

(*) Huc post colonia est deducta a Romanis. Plin. III. 19.

Рѣшеніе третьяго и послѣдняго вопроса также соединено съ затрудненіями. Можно было бы предполагать, что сей храмъ заваленъ оторвавшимся отъ горы утесомъ; но гора находится отъ него на значительномъ разстояніи и притомъ не довольно высокая. Какъ бы ни было, нельзя не признать здѣсь слѣдовъ какого — то страшнаго и чрезвычайнаго разрушенія. Любопытство заставило меня открыть лѣтописи среднихъ вѣковъ, и я нашелъ въ нихъ поясненіе, хотя и не совсѣмъ ясное. Въ одной изъ нихъ сказано, что въ цвѣтущія времена Венеціи, Бресчія почиталась оплотомъ и палладіумомъ этой республики; что городъ сей служилъ обыкновенно магазиномъ оружій и прочихъ снарядовъ военныхъ, и что незапный взрывъ пороха, хранившагося въ башнѣ и зажженнаго молніею, разрушилъ крѣпость и большую часть смежныхъ съ нею зданій (*). За симъ приключеніемъ слѣ-

(*) Et collapsa fragmentis in multa spatia dissipatis cum magna vicinarum aedium strage concidit. Pier. Valerian. de fulmin. signif.

довало другое съ новыми и еще большими ужасами. Надъ городомъ разразилась огненная, громовая туча; упавшая молнія прошла отъ одного конца его до другаго, ударила въ преторіанскій домъ и во многіе другіе, распаяла замки и прочія металлическія издѣлія, растопила колоколъ, висѣвшій на башнѣ, и произвела повсюду разрушеніе (*). Пораженный страхомъ народъ видѣлъ въ сихъ знаменіяхъ предтечей вящшихъ золъ; „и не обманулся" прибавляетъ лѣтописецъ: „ибо вскорѣ послѣ того многіе монархи составили общій и сильный заговоръ противъ Венеціанской республики." — Нельзя ли предполагать, что во время одного изъ этихъ разрушеній погребенъ былъ подъ развалинами и храмъ Геркулесовъ, обращенный, можетъ быть, издавна или въ церковь или въ преторіанскій домъ?—Но самый непонятный и трудный для рѣшенія вопросъ, по моему мнѣнію, есть слѣдующій: отъ чего это огромное

(*) Eodem fere tempore fulmen per mediam civitatem pervagatum, *praetoriano palatio* plerisque locis tacto etc.... Idem ibidem.

зданіе до сихъ поръ оставалось въ неизвѣстности, между тѣмъ какъ оно покрыто было только двумя или тремя аршинами земли и окружено съ двухъ сторонъ домами, которые стоятъ, по видимому, еще ниже его основанія?—Мой чичероне далъ отвѣтъ мнѣ короткій и ясный: „Отъ того что прежде надъ этимъ храмомъ былъ одинъ только виноградникъ, а въ прошломъ году хотѣли строить тутъ домъ.“

Изъ новыхъ зданій достопримѣчателенъ здѣсь театръ, богато украшенный какъ внутри, такъ и снаружи, и судебная палата съ Готическими окнами и съ Греческими колоннами. Фасадъ собора плѣняетъ благородствомъ и поражаетъ величіемъ. Внутри показываютъ здѣсь крестъ, сдѣланный изъ прозрачной матеріи; народъ имѣетъ къ нему особенное благоговѣніе. Въ домѣ графа Пауло Този я видѣлъ превосходное твореніе Рафаеля, представляющее Спасителя съ прободеннымъ ребромъ и съ изъязвленными руками. Тутъ же находится *бюстъ Елеоноры*, герцогини Эстской, работанный *Кановою* изъ блестящаго Карарскаго мрамора.

Форнарина Рафаелева, накрытая небрежно тонкимъ и прозрачнымъ покрываломъ, нарядилась такъ нарочно, кажется, для того, чтобы воспламенить кисть своего художника.

ВЕРОНА, 21 Августа. / 2 Сентября.

Огромный древній амфитеатръ. Споръ объ немъ антикваріевъ,— образчикъ полемики среднихъ вѣковъ. Римскія ворота и мостъ, строенные Витрувіемъ. Примѣчательныя новыя зданія. Павелъ Веронезъ. Древности въ Вероннетѣ.

Я виноватъ передъ антикваріями. До сихъ поръ я видѣлъ въ Швейцаріи и во Франціи одни только остатки Римскихъ башенъ, водопроводовъ, воротъ, колоннъ и камней съ Латинскими надписями. Всѣ эти

памятники занимательны только по тому, что они пережили двѣ тысячи лѣтъ; но въ нихъ не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ преимущества древняго зодчества передъ новымъ. Я уже начиналъ подозрѣвать ученыхъ въ излишнемъ ихъ пристрастіи къ древнимъ; но, увидѣвъ Амфитеатръ Веронскій, спѣшу торжественно просить у нихъ извиненія въ словѣ, въ дѣлѣ, въ помышленіи и невѣдѣніи.

Этотъ величественный памятникъ древности стоитъ на обширной площади, подлѣ города. Наружность его ничего уже болѣе не представляетъ, кромѣ высокихъ стѣнъ, похожихъ на крѣпость,—нѣсколькихъ колоннъ, оставшихся отъ портика, шести воротъ со стороны фасада, и шести съ противоположной стороны, еще уцѣлѣвшихъ съ ихъ галлереями и фронтонами. Когда вошелъ я во внутренность; я пробылъ нѣсколько минутъ въ изумленіи. Это не Египетская пирамида, удивляющая одною массою; но огромное зданіе, поражающее величіемъ характера и изящностію вкуса.

Амфитеатръ, по опредѣленію антикваріевъ, составляется изъ двухъ театровъ; т. е. древнихъ, а не новыхъ. Опредѣленіе это становится очень яснымъ, когда смотришь на внутреннее строеніе зданія. Вокругъ овальной площади или арены поднимаются во всѣ стороны сорокъ двѣ ступени или лавки изъ бѣлаго мрамора. Между ними высѣчено осмнадцать лѣстницъ; каждая изъ нихъ имѣетъ по двѣ двери; и въ каждомъ промежуткѣ, отдѣляющемъ одну лѣстницу отъ другой, находится также по двѣ двери. По строгимъ исчисленіямъ видно, что всѣхъ зрителей можетъ помѣститься на лавкахъ 23,484. Самая длинная ось арены имѣетъ 33 саж. 2 фута, а самая короткая 19 саж. 3 фута. Во внѣшней окружности считается 190 саженъ; въ самомъ большемъ поперешникѣ 66 саж., а въ самомъ маломъ 52 саж. Между внѣшними стѣнами и внутренними лавками идутъ кругомъ закрытыя галлереи, освѣщаемыя однѣми только дверями со стороны арены и пересѣкаемыя при восточныхъ воротахъ шестью порти-

ками, ведущими въ арену и шестью другими со стороны противоположной.

Теперь обратимся опять къ антикваріямъ. *Торелла Сарагина* полагаетъ, что этотъ амфитеатръ построенъ еще прежде Августа, или по крайней мѣрѣ въ его царствованіе. Вотъ его доказательства. На многихъ камняхъ сего зданія находится изображеніе вола, который былъ символомъ Августа. Въ Веронѣ найденъ еще одинъ камень съ надписью: Octaviae C. F. Sorori carissimae; а Октавія, какъ извѣстно, была сестра Августова. Притомъ же Августъ, по свидѣтельству Светонія, основалъ въ Италіи до тридцати колоній; а потому и можно думать, что въ томъ числѣ была и Верона. Нѣкто *Липсій* не нашелъ основательнымъ ни одного изъ сихъ доводовъ, предложивъ противъ нихъ слѣдующія опроверженія: „Ты, который такъ доказываешь! Кто сказалъ тебѣ, что этотъ амфитеатръ построенъ Августомъ, когда въ его время не было еще каменныхъ амфитеатровъ и въ самомъ Римѣ, отцѣ городовъ Италіянскихъ? Кто сказалъ тебѣ, что голова воловья была символомъ одного

Августа, когда и прочіе императоры изображали ее на своихъ медаляхъ и монетахъ? Наконецъ кто сказалъ тебѣ, что Октавія, о которой здѣсь упоминается, была сестра Августова, а не другая? Нѣтъ, восклицаетъ онъ, съ гордостію; если ты того хочешь; то тебѣ надлежало бы играть на другой дудкѣ: *opus est tibi alio tibicine.*" Эта другая дудка — какой-то Киріакъ Анконитанъ, который упоминаетъ о какомъ-то лабиринтѣ, построенномъ въ тридцатое лѣто въ царствованіе Августа. Коснувшись съ торжественностію сего писателя, отрытаго въ пыли архивъ, нашъ Липсій заключаетъ тѣмъ, что все это неправда, ложь и бредни. А какъ другой антикварій, по имени *Сигоній,* хотѣлъ приписать сооруженіе Веронскаго амфитеатра Максиміану, доказывая тѣмъ, что сей императоръ построилъ амфитеатры во многихъ сосѣдственныхъ городахъ, какъ то въ Миланѣ, Аквилеѣ, Бресчіи и прочихъ; то Липсій опять вышелъ на арену съ обоюдуострымъ своимъ орудіемъ. „Нѣтъ, говоритъ онъ, неправда; Плиній въ одномъ письмѣ своемъ (VI. 34. 1) упоминаетъ, что

въ его время очень часто уже были представляемы въ Веронѣ зрѣлища гладіаторовъ и дикихъ звѣрей. Въ царствованіе Отона и Вителлія также существовали великолѣпные амфитеатры въ Піаченцѣ и во многихъ сосѣдственныхъ городахъ; почему же не предполагать, что въ то время былъ амфитеатръ и въ Веронѣ?" И такъ Липсій одному говоритъ, что амфитеатръ Веронской построенъ гораздо послѣ Августа; другому даетъ знать, что этотъ памятникъ существовалъ еще гораздо прежде Плинія, жившаго почти въ одно время съ Августомъ. Однимъ словомъ: если вы назовете вещь бѣлою, то Липсій скажетъ вамъ, что она черна; если же будете выдавать ее за черную, то Липсій докажетъ, что она бѣла. Я нарочно привелъ здѣсь полемическій отрывокъ Липсія для образчика нынѣшней критикѣ, также любящей брань и насмѣшки. Да и гдѣ же искать ей образцевъ и примѣровъ, какъ не въ среднихъ вѣкахъ, отъ которыхъ она получила происхожденіе, вмѣстѣ съ блистательными дуелями?

Между памятниками древности въ Веронѣ, достоинъ еще особеннаго примѣчанія одинъ *Римскій мостъ*, котораго построеніе приписываютъ *Витрувію*. Главная арка его, протягающаяся въ видѣ распущеннаго лука, имѣетъ 142 фута длины. Нельзя смотрѣть безъ содроганія на эти громады камней, повѣшенныя рукою художника на воздухѣ и надъ кипящею бездною разъяреннаго Эча. Кромѣ того есть здѣсь торжественныя ворота, сооруженныя въ царствованіе Императора Галліена, въ 252 году; а *ворота Витрувіевы*, воздвигнутыя симъ знаменитымъ зодчіемъ въ честь дома Гавіева, въ прошломъ году сломаны, по повелѣнію правительства, для того, чтобы открыть видъ въ улицу Корсо.

Верона занимаетъ первое мѣсто между второстепенными городами Италіи. Она заключаетъ въ себѣ около пятидесяти тысячь жителей и раздѣляется Эчемъ на двѣ части, изъ которыхъ одна называется собственно Вероною, другая Веронеттою. *Санмикели, Сансовино, Палладіо* и *Пеллегрини* украсили какъ ту, такъ и другую велико-

лѣпными зданіями. Палата де ла Гранд-гвардія, въ которой жилъ Государь Императоръ во время Веронскаго конгресса, стоитъ на берегу рѣки и окружена прелестными видами. Домъ князя Меттерниха, сдѣлался предметомъ любопытства путешественниковъ по тому только, что въ немъ были собранія министровъ и рѣшалась судьба Европы. Домъ маркиза Маффеи, автора извѣстной книги: *Verona illustrata*, имѣетъ очень хорошій фасадъ и очень странныя украшенія. Надъ третьимъ этажемъ разставлены въ рядъ фамильные гербы съ титулами и съ молитвами; и между каждыми двумя гербами одинъ и тотъ же Латинской девизъ: Utinam constans! Въ Веронѣ также, какъ и въ Тиролѣ, встрѣчается много домовъ, украшенныхъ снаружи живописью.

Павелъ Калліари Веронезъ вѣроятно зналъ хорошо пословицу, что въ своемъ отечествѣ не бываютъ пророками. Онъ очень мало оставилъ здѣсь произведеній своей кисти; но между немногими достойна особеннаго примѣчанія въ соборѣ двунадесяти Апостоловъ картина, представляющая ужинъ или вечерю Св. Гри-

горія папы. По сторонамъ сидятъ разныхъ орденовъ монахи; а между папою и кардиналомъ Іисусъ Христосъ съ надписью: „миръ вамъ! Pax Domini sit vobiscum!“

Павелъ Веронезъ былъ сынъ ваятеля; въ церкви Св. Анастасіи есть очень хорошая статуя или каріатида, сдѣланная отцемъ его изъ бѣлаго мрамора.

Въ Веронеттѣ есть довольно любопытныя развалины одного древняго замка. Нѣкоторые изъ антикваріевъ думали, что здѣсь былъ капитолій, построенный по образцу Римскаго; другіе полагаютъ, что это остатки навмахіи.

Сценою любовныхъ приключеній Ромео и Джуліо, какъ извѣстно, была Верона; а потому показываютъ еще до сихъ поръ въ одномъ здѣшнемъ саду мнимый саркофагъ несчастной любовницы.

ВИЧЕНЦА, 22 Августа. / 3 Сентября.

Описаніе Олимпійскаго театра, сооруженнаго знаменитымъ Палладіемъ, по образцу древнихъ театровъ.

Съ лѣвой стороны улицы, на углу большой площади стоитъ маленькій домикъ, сажени въ три ширины и саженъ въ шесть высоты. Пріятная наружность его, украшенная двумя колоннами, носитъ на себѣ печать изящнаго вкуса и какого-то отличнаго характера. Это домъ не вельможи и не простаго гражданина, но, по всему вѣроятію, какого нибудь художника, — безъ сомнѣнія, зодчаго, и можетъ быть самаго *Палладіа*. Мы угадали. Въ этой простой храминѣ жилъ высокій геній его; здѣсь сотворены имъ многіе планы превосходныхъ

зданій; здѣсь возродилось древнее зодчество Греческое и Римское.

Андрей Палладіо, знаменитый Виченцкій зодчій, въ собственномъ смыслѣ можетъ быть названъ красою своего отечества, которое онъ обогатилъ изящными зданіями почти во всѣхъ возможныхъ родахъ. Я не буду говорить здѣсь ни о ротондѣ маркиза Капры, заключающей въ себѣ болѣе тридцати комнатъ, ни о торжественныхъ воротахъ, ведущихъ въ монастырь Горней Мадонны, ни о великолѣпномъ портикѣ, простирающемся вдоль горы на цѣлую Италіянскую милю или на 1 версту и 166 саженъ и состоящемъ изо ста пятидесяти арокъ. На сей разъ я желалъ бы остановить вниманіе любителей изящнаго зодчества и древностей на одномъ *театрѣ Олимпійскомъ;* но прежде нежели приступлю къ описанію этого памятника, единственнаго въ своемъ родѣ во времена новѣйшія, почитаю нелишнимъ замѣтить, что́ было поводомъ къ его сооруженію.

Въ 1555 году основалась въ Виченцѣ Олимпійская академія или общество лите-

раторовъ и любителей изящныхъ художествъ. Имѣя цѣлію распространеніе хорошаго вкуса въ словесности и во всѣхъ искусствахъ, она старалась собрать всѣ нужныя для того пособія, и между прочимъ книги, картины, машины, модели. Труды ея скоро сдѣлались извѣстны ученому свѣту; слава ея со дня на день распространялась; и черезъ нѣсколько лѣтъ вступили уже въ нее членами знаменитѣйшія того времени особы, какъ то: папа Урбанъ VII, владѣтельные князья изъ фамиліи Гонзаго, Эстовъ и Каррары, посланники Французскій и Испанскій, большая часть кардиналовъ и множество иностранныхъ ученыхъ. Сверхъ прочихъ своихъ занятій, академія рѣшилась представлять нѣкоторыя драматическія сочиненія; Палладіо построилъ въ залѣ публичной палаты подвижной театръ, въ которомъ и была играна съ отличною пышностію трагедія Триссинова: *Софонисба.* Но знаменитая академія, не имѣя постоянной залы для своихъ собраній и наскучивъ блуждать съ театромъ изъ одного мѣста въ другое, купила наконецъ въ городѣ землю,

и Палладіу, какъ члену своему, поручила построить на ней приличной домъ съ театромъ. Палладіо, пользуясь случаемъ, принялъ намѣреніе соорудить такой памятникъ, которымъ бы можно было заслужить себѣ знаменитость. Онъ составилъ планъ по образцу Римскихъ театровъ, описанныхъ Витрувіемъ, и въ 1580 году уже положилъ ему основаніе, какъ вдругъ похищенъ былъ смертію съ блистательнаго поприща своихъ предпріятій. Олимпійская академія, оплакавъ потерю великаго мужа, передала построеніе театра сыну его, Силлѣ Палладіу, достойному наслѣднику искусства и талантовъ отца своего. Театръ былъ оконченъ по первому плану, и въ 1584 году открытъ великолѣпнымъ представленіемъ Софоклова Эдипа, переведеннаго кавалеромъ Орсатомъ Джюстиніаномъ.

Олимпійскій театръ, подобно древнимъ, раздѣляется на собственно такъ называемый *театръ*, на *оркестръ* и на *сцену*. Первый не что иное есть, какъ половина амфитеатра или отсѣченное отъ него полукружіе, назначенное для зрителей и состоящее изъ

лавокъ, которыя поднимаются однѣ надъ другими въ видѣ ступеней. Надъ верхнею лавкою во всю дугу полукружія протягивается портикъ, состоящій изъ тридцати колоннъ Коринѳскаго ордена. Весь этотъ портикъ служитъ опорою длинному, полукруглому балкону, огороженному перилами и украшенному двадцатью восьмью статуями. За балкономъ, подъ самымъ потолкомъ, находится рядъ оконъ, которыми освѣщается внутренность зданія. *Оркестръ* есть часть арены, лежащая при подножіи лавокъ и имѣющая видъ лука, натянутаго тетивою. Онъ назначенъ здѣсь не для мимовъ и танцовщиковъ, какъ у Грековъ, и не для почетныхъ чиновъ, какъ у Римлянъ, но для однихъ только музыкантовъ. Сцена состоитъ изъ предсѣнія или квадратной площади, продолжающейся въ ширину (proscenium), и изъ неподвижныхъ декорацій, представляющихъ фасадъ различныхъ зданій. Съ правой и лѣвой стороны площади находятся двое воротъ, за которыми видны галлереи, расположенныя по перспективѣ въ видѣ улицъ и служащія входомъ и выходомъ для зрителей.

Фасадъ сцены за площадью есть образчикъ великолѣпной, роскошной архитектуры. Надъ главными воротами, представленными въ видѣ торжественной арки, начертана слѣдующая надпись: Virtuti ac genio Olympicorum Academia theatrum hoc a fundamentis erexit anno MDLXXXIIII. Palladio Archit. То есть: доблести и генію посвятила Олимпійская академія сей театръ, сооруженный въ 1584 году архитекторомъ Палладіемъ.

Сцена, построенная по древнему обыкновенію неподвижною, представляетъ видъ города съ храмами, палатами и домами. Она состоитъ изъ семи улицъ, изъ которыхъ три сходятся подъ аркою, двѣ выходятъ изъ двухъ прочихъ воротъ фасада и двѣ, какъ замѣчено выше, изъ боковыхъ галлерей, служащихъ входомъ и выходомъ для зрителей. Три первыя, подобно тремъ лучамъ или радіусамъ круга, имѣютъ центромъ своимъ среднюю точку подъ торжественною аркою или главными воротами; четыре прочія сосредоточиваются на срединѣ линіи, отдѣляющей площадь отъ оркестра. Этотъ образъ построенія даетъ возможность видѣть со

всѣхъ мѣстъ по нѣскольку улицъ, а съ лавокъ, занимающихъ средину театра, всѣ семь по крайней мѣрѣ до половины. Всѣ онѣ расположены архитекторомъ Виченцкимъ Скамоцціемъ, по самой строгой перспективѣ: именно улицы, по мѣрѣ удаленія, съуживаются, помосты поднимаются, а зданія, сдѣланныя изъ деревянныхъ раскрашенныхъ барельефовъ, постепенно становятся ниже и меньше. Классическія сцены эти, какъ извѣстно, имѣютъ ту выгоду, что ими не нарушается ни единство мѣста, ни единство времени; но онѣ годятся только для представленія древнихъ трагедій, въ которыхъ дѣйствія происходятъ на площадяхъ, а хоры занимаютъ роль народа. Все это въ нихъ вѣроятно, потому что сообразно съ нравами и образомъ правленія представляемыхъ лицъ. Напротивъ того, дѣйствія нашихъ трагедій происходятъ во дворцахъ и основаны большею частію на любви, которая ищетъ уединенія и не терпитъ свидѣтелей. Вотъ причина, по чему Эдипъ Софокловъ имѣлъ столь блистательный успѣхъ на этомъ театрѣ, и почему не стали представлять на

немъ новыхъ драматическихъ сочиненій. Впрочемъ Олимпійскій театръ останется навсегда достопримѣчательною рѣдкостію, какъ образчикъ древнихъ театровъ и какъ изящный памятникъ глубокихъ свѣдѣній Палладіа въ древностяхъ Греческихъ и Римскихъ. Вообще всѣ зданія сего знаменитаго зодчаго носятъ на себѣ печать какого-то отличнаго характера. Они принадлежатъ по большой части къ стилю высокому и со всѣмъ тѣмъ чрезвычайно разнообразны. Нѣтъ ни одного изъ нихъ, которое бы похоже было на другое; и ни одного, которое бы не поражало съ перваго раза величіемъ, благородствомъ или великолѣпіемъ. Вездѣ видны ученость, строгій вкусъ и черты творческаго генія.

МЕСТРА.

Берега Бренты. Венеціянская серенада. Метода Италіянскаго пѣнія. Характеръ Италіянскихъ народныхъ пѣсенъ.

Ровная и гладкая дорога изъ Падуи до взморья Венеціянскаго вьется по лѣвому берегу рѣки Бренты, мимо безпрерывнаго ряда богатыхъ мызъ и великолѣпныхъ дворцевъ, изъ которыхъ многіе построены были еще Палладіемъ. Они окружены садами, присадниками, огородами; и отдѣляются одинъ отъ другаго, по большой части, узорчатыми виноградниками. Между прочимъ мнѣ показывали огромный домъ отличной архитектуры, построенный и подаренный одною Русскою дамою одному Италіянцу, бывшему,

какъ кажется, ея управителемъ или гувернеромъ, — даръ достойный щедролюбія и великодушія Русскихъ бояръ!

Мелькающія взадъ и впередъ по дорогѣ коляски или седіоли, и катящіяся вверхъ и внизъ по Брентѣ burchiello и пеотты, крытыя полотнами и изукрашенныя разноцвѣтными бахрамами, составляютъ одушевленную и весьма пріятную картину. Это движеніе особенно бываетъ примѣтно по полудни въ субботу, когда богатые граждане, оставивъ городъ, спѣшатъ съ своими семействами въ загородные домы, чтобы насладиться въ воскресенье всѣми удовольствіями деревенской жизни.

За нѣсколько верстъ до взморья большая дорога поворачиваетъ въ лѣвую сторону, *въ Местру;* другая проселочная, проложенная по валу и по берегу Брентты, идетъ прямо въ *Фузину*. Изъ этихъ двухъ приморскихъ мѣстечекъ ходятъ гондолы въ Венецію до самой полуночи, между двумя рядами столбовъ, освѣщенныхъ фонарями. Мнѣ хочется знать, какое впечатлѣніе произведетъ на меня видъ города, окруженнаго моремъ; и я рѣшился

остаться до утра въ Местрѣ. Я ничего еще здѣсь не видалъ; но могу сказать, что уже многое слышалъ. Сидя на балконѣ, обвитомъ виноградными вѣтьвями и пробѣгая взоромъ однѣ крыши домовъ, освѣщенныя мѣсяцемъ, я наслаждался тихимъ вѣяніемъ зефировъ и глубокимъ безмолвіемъ, которое царствовало въ городѣ. И въ эту минуту всеобщей тишины вдругъ раздалися на улицѣ арфы, флейты и гитары. Я былъ очарованъ, когда музыканты пѣли хоръ Россиніева Отелло. Прежде, слушая эту высокую гармонію, я переносился однимъ воображеніемъ въ Венецію; теперь мѣсто дѣйствія было передо мною. Равнымъ образомъ я былъ весь въ восторгѣ, когда одна пѣвица, достойная служить украшеніемъ оперы, пѣла извѣстную Венеціанскую пѣсню: La biondina in gondoletta. Мнѣ кажется, внѣ Италіи не такъ поютъ ее, какъ должно; кажется, должно пѣть ее такъ, какъ здѣсь поютъ; то есть, подъ открытымъ небомъ, въ тихую лѣтнюю ночь и сопровождая пѣніе звуками арфъ или гитаръ. Ниодно изъ изящныхъ искусствъ не имѣетъ столь силь-

наго на насъ дѣйствія, какъ музыка; и ни-одна музыка не приводитъ нашихъ нервовъ въ такое сотрясеніе, какъ Италіянская. Италіянцы поютъ не одни тоны, но и самыя стенанія и вздохи; Италіянцы выражаютъ все это не одною гибкостію и мелодіею своего голоса, но самымъ движеніемъ лица и волненіемъ груди. Особенное впечатлѣніе производятъ на путешественниковъ пѣсни народныя; потому что въ нихъ отражаются, какъ въ зеркалѣ, нравы и господствующія чувства цѣлаго народа. Въ Италіянскихъ пѣсняхъ, какого бы тону онѣ ни были, скорыя или тихія, веселыя или унылыя, всегда замѣтите какую-то нѣгу чувствъ, томленіе любви и сладострастіе души.

ВЕНЕЦІЯ, $\frac{23 \text{ Августа.}}{4 \text{ Сентября.}}$

Видъ Венеціи и окружающихъ ее острововъ. Планъ города, пересѣкаемаго 400 каналовъ. Гондолы. Ріальтскій мостъ. Устройство гостинницы — Британіи.

Сегодня въ пять часовъ утра, оставивъ Местру, я катился по широкому каналу, укрѣпленному валами и бастіонами. Между тѣмъ завѣса туманная подымалась съ моря и представляла постепенно картины, совершенно для меня новыя и неожиданныя. Вокругъ насъ кипѣли черныя гондолы, какъ стаи вороновъ, летящихъ въ противоположномъ направленіи; передъ нами плавали большія и малыя острова, и выходила изъ морской пѣны сама Венеція со всею своею красотою, — Венеція, предметъ любопытства и удивленія путешественниковъ! Сан-

назаръ, видѣвшій славу и могущество этого города, столько былъ имъ очарованъ, что не усумнился поставить его выше самого Рима. Доказательствомъ тому осталась его остроумная аллегорія, написанная Латинскими стихами въ родѣ эпиграммы. „Увидѣвъ градъ Венетскій, говоритъ онъ, градъ стоящій на волнахъ адріатическихъ и дающій законы всѣмъ морямъ, — Нептунъ воскликнулъ къ Юпитеру: О громовержецъ! теперь не говори мнѣ болѣе о Тарпейскихъ замкахъ и не гордись твердынями своего Марса. Къ чему споры? Воззри на Тибръ и на море; сравни Римъ съ Венеціею; и ты скажешь, что первый основанъ людьми, а послѣдняя самими богами.“

Такова была Венеція въ дни славы, когда всѣ части свѣта несли ей свои богатства и изобиліе. Но Венеція еще величественна и въ паденіи. Прежде всего поражаетъ она своимъ *планомъ* или расположеніемъ, которому, безъ сомнѣнія, нѣтъ подобнаго въ мірѣ. Это водяной лабиринтъ или лучше морской шахматъ, пересѣкаемый четырьмя стами каналовъ и образующій

до четырехъ тысячь болѣе или менѣе правильныхъ квадратовъ. Каждый квадратъ есть родъ отдѣльнаго острова, соединяемаго съ другими посредствомъ мостовъ и арокъ. Стѣны зданій, смотря по тяжести или легкости зодчества, кажутся или погружающимися въ воду или выходящими изъ воды. Домы по большой части одною стороною обращены къ улицѣ, другою къ каналу. Многія изъ улицъ имѣютъ не болѣе одной сажени въ ширину; и представляютъ родъ темныхъ коридоровъ между двумя рядами огромныхъ стѣнъ, которыя обыкновенно поднимаются въ верхъ на пять или на шесть этажей. Въ нижнихъ двухъ или трехъ жильяхъ можно совсѣмъ забыть или и никогда не знать, что есть въ мірѣ великолѣпное и пышное солнце. Въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ въ Венеціи другихъ улицъ, кромѣ каналовъ; и нѣтъ другихъ экипажей, кромѣ гондолъ.

Гондола есть тонкая, узкая и длинная лодка, окрашенная чернымъ цвѣтомъ. Въ ширину имѣетъ она не болѣе двухъ аршинъ, а въ длину до четырехъ и пяти саженъ.

Задняя половина ея занимается низкою каютою, обитою снаружи и внутри чернымъ сукномъ. Боковыя окна запираются или стекломъ или рѣшеткою. Прилавки могутъ подниматься и опускаться по произволу; и также покрыты чернымъ сафьяномъ. Происхожденіе чернаго цвѣта, который въ нѣкоторомъ смыслѣ есть національный Венеціанскій, вѣроятно принадлежитъ какому нибудь трагическому приключенію дожей или республики. Гондола управляется обыкновенно двумя, тремя или четырьмя гондольщиками, которые несутъ ее на веслахъ, какъ на крыльяхъ. При поворотахъ изъ одного канала въ другой они обязаны подавать сигналъ протяжнымъ крикомъ, дабы внезапнымъ толчкомъ не разбить своей или чужей гондолы въ дребезги. На широкихъ каналахъ часто по нѣскольку гондолъ бѣгутъ вмѣстѣ, опереживая однѣ другихъ; и это ристаніе, забава и страсть гондольщиковъ, составляетъ весьма пріятное зрѣлище. Лошадей здѣсь совсѣмъ нѣтъ; одинъ только Лордъ Байронъ, во время своего пребыванія въ семъ городѣ, отважился переправить сю-

да на плотѣ своего пегаса; и за то многіе изъ жителей смотрѣли на Лорда, когда онъ выѣзжалъ верхомъ, какъ на Персея или на Центавра.

Я остановился въ гостинницѣ Британіи, на берегу большаго канала и подлѣ знаменитаго *моста Ріальто*. Такъ называемый большой каналъ, извивающійся въ видѣ Латинской литеры S, раздѣляетъ городъ на двѣ половины, а означенный мостъ служитъ имъ единственнымъ сообщеніемъ. Онъ состоитъ изъ одной арки, имѣющей въ длину 83 фута; и покрытъ двумя рядами лавокъ и магазиновъ, оканчивающихся на срединѣ тріугольникомъ.

Фасадъ *гостинницы Британіи*, украшенный колоннами и фронтономъ, также принадлежитъ хорошему вкусу. Широкая и отлогая лѣстница, ведущая изъ сѣней въ бельэтажъ, уставлена статуями, вазами и другими произведеніями ваянія. Въ числѣ ихъ достойна примѣчанія мраморная корзинка съ плодами, одинъ изъ первыхъ опытовъ юнаго генія Кановы. Хозяинъ дома никогда бы, можетъ быть, не узналъ, какимъ онъ сокро-

вищемъ обладаетъ, если бы самъ Канова не вывелъ его изъ невѣденія. Говорятъ, что сей великій художникъ, увидѣвъ въ первый разъ это произведеніе своей юности, работанное имъ въ нуждѣ и бѣдности, долго смотрѣлъ на него съ умиленіемъ и вниманіемъ, какъ бы измѣряя взоромъ своимъ неизмѣримость пройденнаго имъ поприща въ ваяніи. Огромныя залы, въ которыя ведетъ лѣстница, расписаны красивыми фресками и устланы разноцвѣтнымъ мраморомъ. Комнаты убраны богатою мебелью; постели завѣшены штофными пологами. Прислуга очень хорошая, а что всего удивительнѣе, на пятьдесять или семдесять комнатъ употребляется не болѣе пяти или семи служителей. Для насъ Русскихъ, привыкшихъ быть окруженными дворнею, покажется непонятнымъ, какимъ образомъ такое малое число слугъ могутъ вездѣ успѣть, все сдѣлать и всѣмъ удовлетворить; со всѣмъ тѣмъ устройство порядка самое простое и легкое. Именно: изъ каждой комнаты проведена проволока въ сборный коридоръ служителей и привязана

къ колокольчику, висящему надъ тѣмъ же нумеромъ, подъ какимъ находится комната. И такъ довольно одного только прикосновенія къ проволокѣ, чтобы заставить ходить ходнемъ весь домъ; такъ какъ въ Русскихъ сказкахъ одно прикосновеніе къ струнѣ приводитъ въ движеніе цѣлыя машины и пробуждаетъ всѣхъ стражей жаръ птицы. Гостинница Британнія имѣетъ на фронтонѣ своемъ гербъ Англійскихъ королей: то есть щитодержателей льва и единорога съ двумя девизами: „Honny soit qu'y pense „mal" и „Dieu et mon droit;" „Да будетъ стыдно тому, кто худо о томъ думаетъ;" и — „Богъ и мое право." Я слишкомъ много сказалъ объ этой гостинницѣ для того, чтобы дать понятіе о удобностяхъ и пышности прочихъ гостинницъ Италіянскихъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Площади Св. Марка и дворца дожей. Наружность церкви Св. Марка. Четыре бронзовые коня, приписываемые Лизиппу. Богатыя украшенія портика, стѣнъ и сводовъ храма. Святыня. Археологическіе памятники.

Площадь Св. Марка состоитъ изъ продолговатаго четвероугольника, котораго каждая боковая линія занята особеннымъ зданіемъ. Каждое зданіе имѣетъ свой характеръ и какъ бы назначено служить символомъ зодчества той части свѣта, съ которой оно поставлено. На востокѣ поднимается съ громадою куполовъ и главъ Соборъ Св. Марка, памятникъ восточнаго или Греческаго вкуса среднихъ временъ. На западѣ плѣняетъ своею легкостію и пріятностію дворецъ Императорскій, построенный во

время владычества Наполеонова. Съ сѣвера и юга тянутся длинные ряды палатъ, занимаемыхъ присутственными мѣстами и начальниками города. Великолѣпіе портиковъ, роскошь колоннъ и пышность украшеній — все показываетъ, что это твореніе Сансовина или другихъ Италіянскихъ художниковъ. Противъ Собора стоятъ три бронзовые столба съ развѣвающимися флагами; — это памятники завоеванія Кипра, Крита и Мореи. Въ юговосточномъ углу площади поднимается огромная башня, имѣющая высоты 282 Венеціанскихъ фута или 51 саж. и 2 арш. Отсюда начинается непосредственно другая площадь съ дворцемъ дожей, съ монетнымъ домомъ и съ двумя высокими колоннами, которыя вывезены были Венеціанцами изъ Константинополя. Бронзовый левъ, стоящій на одной изъ колоннъ, увезенъ былъ Французами во время перваго ихъ вторженія въ Венецію; находился нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ противъ дома инвалидовъ и наконецъ опять возвращенъ къ своему прежнему назначенію. За этою второю площадью синѣется большой каналъ, покрытый

купеческими судами и гондолами; а за каналомъ простирается островъ Жудекки (Іудейскій) съ великолѣпнымъ храмомъ Спасителя.

Не могу описать первыхъ впечатлѣній, произведенныхъ во мнѣ совокупностію этихъ памятниковъ. Я переходилъ съ одного мѣста на другое; и каждое мѣсто казалось мнѣ очарованнымъ. Толпы народа въ эту минуту были для меня одними движущимися автоматами, одною постороннею принадлежностію картины. Мой взоръ, слухъ и вниманіе обращены были только на зданія, въ которыхъ можно было читать душу великихъ художниковъ, ихъ чувства, мысли и идеалы (*).

Обратимся опять къ *Соборной церкви Св. Марка.* Наружность ея носитъ на себѣ печать вкуса разныхъ временъ, въ которыя она была строена; и, не смотря на то, она занимаетъ зрителя самою неправильностію

(*) Здѣшніе граждане расказываютъ, что Государь Императоръ Александръ Павловичь, посѣтивъ въ 1822 году Венецію, разсматривалъ эту площадь, съ четверть часа, съ особеннымъ, непрерывнымъ вниманіемъ.

своею и даже самымъ смѣшеніемъ разныхъ стилей. Имя главнаго зодчаго ея неизвѣстно; но объ немъ разсказываютъ почти тоже, что у насъ о зодчемъ знаменитой церкви Блаженнаго Василія. Правительство, какъ говорятъ, хотѣло воздвигнуть ему статую въ награду его трудовъ и талантовъ; но какъ онъ по нескромности своей проговорился, что будто бы могъ построить еще лучшій храмъ, то и лишенъ былъ опредѣленной ему почести.

Огромныя Византійскія главы и маленькія Готическія башни, которыми увѣнчанъ храмъ Св. Марка, напоминаютъ о нашихъ Кремлевскихъ соборахъ. Надъ главнымъ его фасадомъ стоятъ *четыре бронзовыя коня*, такъ много прославившіеся въ археологіи и въ исторіи завоеваній. Они, сколько извѣстно, вывезены были Венеціянцами изъ Константинополя; а въ концѣ прошедшаго столѣтія достались въ добычу Французамъ. Въ Парижѣ они стояли на Карусельскихъ воротахъ, ведущихъ въ Тюльерійскій дворецъ. Они впряжены были тамъ въ торжественную колесницу и ведомы были Побѣдою и

Миромъ, двумя чугунными статуями, покрытыми позолотою. Въ 1815 году ихъ возвратили на прежнее мѣсто въ Венецію. Ученые антикваріи довольно много и подробно объ нихъ писали. Обыкновенно приписываютъ работу ихъ Греческимъ художникамъ и даже самому *Лизиппу,* Примѣтно, что эти четыре коня въ началѣ своемъ назначены были для колесницы какого нибудь тріумфатора или самаго Аполлона. Они расположены такимъ образомъ, что два середніе гордо выступаютъ впередъ; а два остальные загибаютъ головы въ бокъ, или, какъ говорятъ Французы, à la Russe.

Фасадъ храма покрытъ различными барельефами, а стѣны предсѣнія или передняго портика съ его столбами и сводами, всѣ изукрашены мозаическими картинами, представляющими приключенія праотцевъ, исторію Спасителя, жизнь Святыхъ, и между прочимъ похищеніе мощей Св. Марка въ Александріи, перенесеніе ихъ въ Венецію и тому подобное. На сводахъ главныхъ церковныхъ воротъ изображены въ барельефахъ двѣнадцать искусствъ или наукъ, аллегори-

ческія лица добродѣтелей и всѣ мѣсяцы года съ зодіакомъ, достойнымъ особеннаго вниманія астрономовъ. Ворота эти, состоящія изъ двухъ створовъ, спаяны изъ листьевъ разныхъ металловъ, и также покрыты барельефами. Думаютъ, что они вывезены вмѣстѣ съ прочими трофеями изъ Константинополя.

Внутренность храма, расположенная въ видѣ Греческаго креста, отличается пестротою украшеній, разбросанныхъ во вкусѣ среднихъ временъ. На стѣнахъ и сводахъ блестятъ мозаики, работанныя по золотому полю; на олтаряхъ бронза, серебро и золото. Вокругъ главнаго олтаря разставлены четырнадцать мраморныхъ статуй; а по четыремъ угламъ жертвенника стоятъ четыре алебастровые, прозрачные и витые столба, которые также вывезены изъ Константинополя. Мозаическій помостъ отъ олтаря до западныхъ воротъ весь взрытъ водою, подмывающею очень часто основанія зданій Венеціянскихъ. Въ числѣ святыней храма почитаются одна икона Божіей Матери, писанная, какъ говорятъ, Евангелистомъ Лукою, и одна мозаическая картина, пред-

ставляющая Св. Доминика и Св. Франциска. Послѣдняя въ большемъ уваженіи у черни за то, что будто бы рисунокъ ея составленъ былъ аббатомъ Іоакимомъ еще прежде рожденія изображенныхъ въ ней Святыхъ. Сверхъ того въ храмѣ Св. Марка есть еще цѣлый придѣлъ съ мощами и другими памятниками религіи. Между ними достойны замѣчанія серебреная вызолоченная картина съ вдѣланнымъ въ нее гвоздемъ, которымъ распятъ былъ Спаситель; одна агатовая чаша, оправленная серебромъ, съ частію черепа Іоанна Крестителя; ножъ, которымъ Петръ Апостолъ урѣзалъ ухо Малху; дщицы съ кровію Спасителя, покрытыя разными символами; и двѣ мраморныя доски, съ пятнами крови Іоанна Крестителя. Думаютъ, что онѣ орошены были въ самую минуту усѣченія главы сего святаго страдальца.

Въ числѣ археологическихъ памятниковъ заслуживаютъ вниманіе двѣ Константинопольскія вазы: одна съ двумя Греческими стихами, другая хрустальная съ эмалевымъ распятіемъ и съ золотою крышкою; серебреный крестъ съ именемъ Маріи, почитаемой

Монфокономъ за супругу императора Никифора, царствовавшую въ 1078 году; крестъ съ четырьмя Греческими надписями, изваянный, по повелѣнію императрицы Елены, во время ссоры ея съ сыномъ Іоанномъ Комниномъ; и наконецъ рукопись Евангелія Св. Марка. Монфоконъ относитъ ее къ шестому вѣку и почитаетъ самою древнѣйшею изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ. Ветхость пергамента, на которомъ она писана, была поводомъ къ недоумѣнію и къ жаркимъ спорамъ ученыхъ антикваріевъ. Честь окончанія этой войны, продолжавшейся очень долгое время, принадлежитъ, какъ увѣряютъ, Венеціянскому канонику Молину, сочинителю любопытной книги: „De actis et lipsanis Sancti Marci.“

ДВОРЕЦЪ ДОЖЕЙ.

Фасадъ; дворъ; большія и малыя залы. Изображенія Веры и Венеціи. Тинтореттовъ рай. Антики. Страшный судъ младшаго Пальмы. Впечатлѣнія, оставшіяся послѣ посѣщенія дворца Дожей.

Роскошный фасадъ *дворца Дожей*, увѣнчанъ башнями, украшенъ рядами столбовъ и опирается на портикъ, котораго основаніе все закрыто мостовою. Между прочимъ достойны здѣсь замѣчанія древнія статуи, представляющія Музу, Миръ, Изобиліе, Цицерона и Марка Аврелія. Квадратный дворъ также обнесенъ со всѣхъ сторонъ богатыми портиками. Посреди его находятся два колодезя съ бронзовыми барельефами. На одномъ изъ нихъ представлены разныя событія изъ Св. писанія, имѣющія отношеніе

къ водѣ; какъ то Іона поглощенный китомъ, Спаситель въ Іорданѣ, утопающій Петръ, Моисей источающій изъ камня воду и пр. По главной лѣстницѣ и по коридорамъ также разставлены статуи и картины, какъ бы съ намѣреніемъ замедлить любопытныхъ, съ нетерпѣніемъ поспѣшающихъ во дворецъ.

Внутренность дворца раздѣляется на пятнадцать большихъ и малыхъ залъ; и каждую залу можно назвать галлереею драгоцѣнныхъ картинъ или фресковъ. Волшебныя кисти Тиціана, Веронеза и двухъ Тинторетовъ одушевили здѣсь всѣ стѣны и превратили, такъ сказать, въ небо каждый плафонъ. Благоговѣніе къ вѣрѣ и любовь къ отечеству, вознесшія нѣкогда Венецію на высочайшую степень славы, повидимому были главными чувствами и почти единственнымъ предметовъ этихъ художниковъ, безсмертныхъ основателей Венеціянской школы. Куда бы вы не обратились, вездѣ увидите или торжествующую вѣру или господствующую Венецію. Вѣра стоитъ на облакахъ и держитъ крестъ; передъ нею лежатъ повергшіеся дожи, молящіе о помощи противу

враговъ отечества. Уже молитва ихъ услышана и они побѣждаютъ Генуезцевъ; берутъ въ плѣнъ дюка Сфорса или сына Барбароссы; завоевываютъ Кипръ, Критъ, Морею. Устрашенные ихъ славою и могуществомъ, отдаленные народы Азіи присылаютъ къ нимъ пословъ съ дарами и съ покорностію. Венеція была вторымъ божествомъ или второю вѣрою для Венеціянскихъ художниковъ. Здѣсь, облеченная въ драгоцѣнныя утвари, она сидитъ на тронѣ, держитъ скипетръ и львы лежатъ у ногъ ея. Тамъ она опирается на шаръ земной, и ничего не признаетъ выше себя, кромѣ Владыки вселенной. Тамъ она является на облакахъ, и геніи мира и правосудія стоятъ вокругъ ея съ благоговѣніемъ. На одномъ изъ потолковъ Жакопо Тинторетто окружилъ ее всѣми доблестями; самъ Юпитеръ ведетъ ее въ адріатическое море; и сама Юнона привѣтствуетъ ее разными дарами; между тѣмъ вокругъ ея стоятъ прочіе города Италіи съ своими символами или принадлежностями; напр. Верона съ амфитеатромъ, Падуа съ книгами, Бресчія съ оружіемъ, Виченца съ плодами,

Алтино съ памятниками древности. Небольшая *зала передъ коллегіей* (anti-collegio) вся украшена аллегоріями и баснословными предметами въ родѣ анакреонтическомъ. Кузница Вулканова съ работающими циклопами поставлена передъ коллегіей, какъ символъ занятій и труда сенаторовъ.

Самая огромная картина Тинторетова и вѣроятно огромнѣйшая изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ есть его *Рай* съ тысячами, или, правильнѣе сказать, съ тьмами темъ лицъ. Она простирается во всю заднюю стѣну залы, занимаемой библіотекою; и имѣетъ въ вышину 30, а въ ширину 74 Венеціянскихъ футовъ (*). Она такъ многосложна, что почти нѣтъ никакой возможности сообразить отношенія всѣхъ группъ ее составляющихъ. Надобно остановить взоръ на одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, чтобы видѣть чудесную игру ея перспективы. Кажется, безпрестанно лица умножаются; безпрестанно какъ бы подходятъ однѣ къ другимъ; и изъ за головъ переднихъ съ каж-

(*) 16 арш. въ вышину и 40 арш. въ ширину.

дымъ мгновеніемъ выглядываютъ новыя головы, еще совсѣмъ вамъ незнакомыя. Жакопо Тинторетто работалъ эту картину уже въ преклонныхъ лѣтахъ; и потому въ отдѣлкѣ многихъ частей помогалъ ему сынъ его Доменико.

Въ библіотекѣ находится довольно богатое собраніе статуй, бюстовъ и другихъ памятниковъ ваянія. Два барельефа изъ паросскаго мрамора, съ четырьмя младенцами, держащими скипетръ Юпитера и мечь Марса, принадлежатъ глубокой древности; онѣ почитаются произведеніемъ или Фидіаса или Праксителя. Аполлонъ играющій на лирѣ и неподражаемая группа Фавна и Бахуса, также принадлежатъ рѣзцамъ первыхъ Греческихъ художниковъ. Болѣе же всего археологи восхищаются здѣсь похищеніемъ Ганимеда и Ледою, обманутою Юпитеромъ. Въ самомъ дѣлѣ округлости тѣла юноши и красота дѣвы, тающей въ восторгахъ, взятыя отдѣльно, могутъ удивлять знатоковъ искусства: но я только одного не понимаю, какимъ образомъ люди, пресыщенные вкусомъ изящности, могутъ быть равнодушны

къ самому содержанію басенъ, къ самой нелѣпости химеръ и, такъ сказать, къ самому низкому романтизму Греческому, противному и нравственности и здравому разсудку.

Въ залѣ, посвященной рукописямъ, есть другой *страшный судъ*, отличающійся въ особенности расположеніемъ группъ и силою выраженій. Художникъ этого творенія младшій Пальма представилъ на сторонѣ праведныхъ одну дѣвушку, къ которой онъ пылалъ любовію. Къ несчастію, невѣрность ея открылась еще прежде окончанія второй части его картины. А какъ ему оставалось изобразить адъ, то онъ и рѣшился помѣстить въ числѣ блудницъ свою измѣнницу. Несчастная падаетъ въ пламень; и дьяволъ принимаетъ ее въ свои объятія.—Мщеніе ужасное!

Я вышелъ изъ дворца Дожей въ два часа по полудни. Проведенное мною тамъ утро было бы для меня самымъ пріятнымъ, еслибы оно не сопровождалось мрачными воспоминаніями. Голосъ пристава, водившаго меня по заламъ, былъ громовымъ, когда онъ произносилъ низкимъ тономъ роковыя слова:

„Здѣсь былъ тайный совѣтъ дожей; здѣсь принимали торжественно пословъ Азіатскихъ, Африканскихъ и Европейскихъ; здѣсь даваемы были общественныя пиршества.“ Такъ! Здѣсь рѣшалась судьба царей, царствъ и народовъ; и здѣсь остались одни только упраздненныя сѣдалища сенаторовъ, поверженные троны дожей и мрачное безмолвіе!...

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Примѣчательнѣйшія церкви въ Венеціи: Св. Апостоловъ Іоанна и Павла; Іезуитская; Здравія; Дельфрари.

На каждомъ шагу каналъ, въ каждой улицѣ Палладіо или Сансовино, въ каждомъ зданіи Тиціанъ, Павелъ Веронезъ или Тинторетто: такъ почти можно сказать о Венеціи. Я упомяну здѣсь только о важнѣйшихъ достопримѣчательностяхъ.

Церковь Св. Апостоловъ *Іоанна* и *Павла*, есть Готическій памятникъ вѣкамъ прошедшимъ, поражающій въ особенности своею огромностію и мрачностію. Входя во внутренность ея, какъ бы слышишь гремящій подъ сводами голосъ Небесной Благости: „Пріидите ко мнѣ труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы.“ По стѣнамъ разставлены статуи и пирамиды; на помостѣ—гробницы, подъ помостомъ могилы. Памятникъ *Мельхіора Ланціи*, сооруженный Бартелемъ, представляетъ обелискъ въ барельефѣ. Мертвый въ лицѣ живаго держитъ хартію съ надписью: „Pace quievi; pulvis homo, pervixi; mater suum tradidit matri; Maria „mater tuum duc me Patri.“ То есть: въ мирѣ опочилъ я; жизнь тлѣннаго человѣка отцвѣла; матерь отдала своего сына матери; о матерь Марія! веди меня къ отцу моему.“ Подлѣ обелиска сидитъ плачущая женщина, опершаяся на руку и смотрящая на изображеніе смерти; ногою ступаетъ она на книгу, въ которой написано: „Rapit omnia finis; смерть все уноситъ.“

Памятникъ *Антонія Брагадина* простъ и разительнъ. Турки сняли кожу съ него живаго и прислали ее въ Венецію; Венеціяне положили остатки своего полководца въ урну, окруженную львами.

Огромный памятникъ *фамиліи дожа Вальера* отличается новостію мыслей художника Тирали. Генія поднимаютъ занавѣсъ и представляютъ изображенія отца, матери и сына.

Стѣны главнаго олтаря, составляющаго довольно обширное полукружіе, украшены барельефами изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора. Лучшій изъ нихъ есть Споръ Христа съ книжниками и фарисеями, Нѣмца Іоанна-Марія *Морлайтера*. Христосъ стоитъ на каѳедрѣ и проповѣдуетъ; фарисеи сидятъ съ развернутыми книгами; слушаютъ, соображаютъ и толкуютъ. Выраженіе ихъ превосходно. Канова всякой разъ, по прибытіи въ Венецію, приходилъ смотрѣть на это изящнѣйшее твореніе.

Церковь Іоіезуитская останавливаетъ на себѣ вниманіе великолѣпіемъ своего фасада. Внутренность ея соотвѣтствуетъ наруж-

ности. Потолокъ блеститъ пышностію живописи, а что всего удивительнѣе, онъ былъ писанъ шестнадцатилѣтнимъ живописцемъ. Стѣны храма почти всѣ покрыты мозаиками синяго цвѣта; надъ бѣлою мраморною каѳедрою виситъ богатый мраморный занавѣсъ, также съ синими мозаиками и съ пышными складками.

Изъ картинъ достойны примѣчанія Вознесеніе на небо Св. Дѣвы Маріи, Assunzione di Maria, одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній Тинторетта, работанное въ стилѣ Павла Веронеза; и мученіе Св. Лавренція, Тиціаново твореніе, возвращенное въ 1815 году изъ Парижа.

Церковь здравія (La salute), сооруженная въ XVII столѣтіи, по обѣту гражданъ, послѣ ужасной, свирѣпствовавшей въ то время, язвы, отличается въ особенности великолѣпіемъ купола. Она построена по плану *Лонгены* и самими Французами предпочитается дому инвалидовъ, творенію знаменитаго Монсара. — Внутренность ея украшена богатыми колоннами, блестящими олтарями и многими картинами первыхъ художниковъ.

Въ церкви *Дельфрари* невольно остановишься передъ надгробнымъ *памятникомъ дожа Вальера.* Занавѣсъ поднимается; дожъ сидитъ на тронѣ; при подножіи его надпись: Hic revixit anno MDCLXIX; то есть: здѣсь началъ новую жизнь въ 1669 году.“ Изъ картинъ достойна здѣсь замѣчанія одна Тиціанова, въ которой представлено нѣсколько лицъ изъ фамиліи Пезарро стоящими на колѣнахъ передъ Божіей Матерью и передъ святыми угодниками. Тиціанъ работалъ ее по условію, заключенному въ 1519 году съ фамиліей Пезарро, которая обязана была ему заплатить за этотъ трудъ 102 Венеціянскихъ червонца (300 Французскихъ франка). Подлинное условіе хранится еще и теперь въ домѣ Пезарро.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Оружейная зала Арсенала; памятникъ Анджелу Эму, Кановы. Картинная галлерея гр. Манфрина: Поевъ ковчегъ и снятіе со креста, Рафаеля. Академія художествъ: Венера Медицейская и Венера Кановы; модель памятника Кановъ; Вознесеніе Божіей Матери,—Тиціана.

Арсеналъ есть одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ зданій Венеціи. При входѣ въ него стоятъ четыре огромные льва, вывезенные изъ Аѳинъ въ цвѣтущія времена Венеціянской республики (*).

(*) На одномъ изъ нихъ остались слѣдующія слова *Αθενε. ιερ.* и одна буква N. Ученые антикваріи толкуютъ смыслъ такимъ образомъ: Аѳинамъ посвященный левъ (*λεον*). По характерамъ письменъ, они относятъ его ко временамъ Фидія и даже почитаютъ памятникомъ Мараѳонской побѣды, основываясь на свидѣтельствѣ Павзанія, что Ѳивяне воздвигли льва въ честь храбрыхъ героевъ.

Оружейная зала наполнена панцырями, бердышами и другими орудіями. По стѣнамъ развѣшены Турецкія знамена и бунчуки пашей, трофеи Венеціянцевъ. Есть ружья объ осмнадцати стволахъ, которые повертываемы были посредствомъ машины и стрѣляли одни за другими при поворотѣ. Желѣзные замки инквизиціонные и многія другія орудія варварства суть памятники Падуанскаго тирана Франциска Каррара. Между латами рыцарей находится желѣзный панцырь съ шишакомъ и забраломъ, принадлежавшій десятилѣтнему или двѣнадцатилѣтнему отроку, и найденный, какъ говорятъ, на полѣ сраженія Карла Пятаго съ Францискомъ Первымъ. Но самое драгоцѣннѣйшее сокровище арсенала есть памятникъ одному Венеціянскому адмиралу, работанный *Кановою*. Содержаніе его просто и остроумно. На ростральной колоннѣ, поднимающейся на берегу моря и омываемой волнами, стоитъ бюстъ героя. Одинъ изъ геніевъ нисходитъ съ неба, чтобы увѣнчать его гражданскимъ вѣнцемъ; съ другой стороны и другой геній, склонивши колѣно на гальоту, начертилъ рѣзцемъ

слѣдующія два слова: *Angelico Eto;* провелъ еще одну черту и остановился. Зритель хочетъ напередъ угадать мысль генія, и съ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобы онъ окончилъ слово.

Изъ *галлерей картинныхъ,* которыми обладаетъ Венеція, самая богатѣйшая принадлежитъ *графу Манфрину.*

Въ ней достойно замѣчанія твореніе Рафаеля, писанное на большомъ картонѣ и, какъ кажется, водяными красками (à l'aquarelle), представляющее *Ноевъ ковчегъ.* Горизонтъ омрачился; съ лѣвой стороны льетъ ливень. Въ ковчегъ идутъ звѣри, летятъ птицы, ползутъ зміи и гады. Ной показываетъ одной изъ женъ устроенное имъ убѣжище; жена держитъ въ лѣвой рукѣ ларчикъ и склонила голову съ печали. Между тѣмъ Симъ, Хамъ и Афетъ, и двѣ другія жены приготовляютъ припасы, несутъ кувшины, мѣшки и кошницы, наполненныя плодами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ рисовкѣ коней Гомеръ живописи долженъ уступить Горацію Вернету, такъ какъ въ изображеніи собакъ, кошекъ и другихъ животныхъ Павлу Веро-

незу и многимъ художникамъ новѣйшимъ; но важность патріархальная, чертежи лицъ и разнообразіе страстей носятъ и въ этой картинѣ печать генія.

Живописцы Венеціянской школы почти всѣ имѣютъ свои странности; на пр. у Карлетто Каліари умирающій Адонисъ съ бородою и въ костюмѣ Венеціянскомъ; у Джіотто подлѣ Божіей Матери и младенца Христа стоитъ одна женщина въ парикѣ; у Павла Веронеза почти вездѣ собаки и кошки, и тому подобное.

Нѣтъ никакой возможности исчислить и оцѣнить въ короткое время всѣ сокровища обширной галлереи Манфрина; совсѣмъ тѣмъ, несправедливо было бы умолчать *о Снятіи со креста*, маленькой картинѣ Рафаеля. Это драгоцѣнное твореніе вѣроятно принадлежитъ уже къ послѣднему манеру и стилю его. Перспектива правильная; рисовка совершенная; и самый колоритъ отличается уже яркостію и блескомъ Венеціянской школы.

Въ академіи художествъ, обогащенной собраніемъ древнихъ памятниковъ ваянія, копіями лучшихъ статуй и множествомъ

первостепенныхъ картинъ, прежде всего обратили мое вниманіе три копіи: Аполлонъ Бельведерскій, Венера Медицейская и Венера, сотворенная Кановою. Трудно рѣшить, какая изъ богинь имѣетъ преимущество; онѣ обѣ прекрасны и обѣ имѣютъ своихъ поклонниковъ; но, если можно сколько нибудь судить о подлинникахъ по копіямъ, Венера Кановина, кажется, отличается большею натуральностію. Медицейская закрываетъ обнаженныя свои красоты руками; но положеніе рукъ ея какъ бы нѣсколько выискано и нѣсколько похоже на жесты танцовщицъ. Напротивъ того стыдливая ея соперница прижала съ торопливостію къ грудямъ дымчатое покрывало, которое и обвилось вокругъ мокрыхъ частей ея тѣла. Складка и прозрачность платья совершенны; что же касается до прелестей лица, онѣ кажутся несравненными и неподражаемыми. Самъ Аполлонъ Бельведерскій, который только сейчасъ пустилъ стрѣлу на Пиѳона, остановилъ какъ бы на нихъ взоръ свой; сама Медицейская Венера обратилась къ своей соперницѣ и какъ бы заглядѣлась на ея

совершенства. Академики вѣроятно съ намѣреніемъ поставили въ такомъ порядкѣ эти три статуи.

Канова хотѣлъ соорудить памятникъ Тиціану, и ему блеснула счастливая мысль поставить Египетскую пирамиду съ отверстіемъ; съ лѣвой стороны ея положить льва; съ правой изобразить жрицу, несущую пепелъ въ урнѣ и сопровождаемую Искусствами въ лицѣ Музъ. Спустя нѣсколько времени, этотъ памятникъ, какъ извѣстно, съ небольшою перемѣною сооруженъ Кановою въ честь Христины, эрц-герцогини Австрійской, и поставленъ въ Августинской церкви въ Вѣнѣ. Теперь общество любителей художествъ въ Венеціи рѣшилось тотъ же самый мавзолей, который приготовленъ былъ Тиціану, соорудить въ церкви Здравія La salute самому Кановѣ, противъ гробницы Тиціана. Въ академіи есть модель этого памятника и на немъ черная урна съ золотыми словами: „Cor magni Canovae; Сердце великаго Кановы.“ Нѣсколько ниже: „Quod „mutuum amoris monumentum, idem gloriae

„incitamentum siet; то есть: Сей общій памятникъ признательности да будетъ и общимъ побужденіемъ къ славѣ.“

Въ Академіи изящныхъ художествъ находится также одна изъ первыхъ картинъ Тиціана, представляющая *Вознесеніе Божіей Матери на небо.* Святая Дѣва, окруженная Серафимами, поднимается на облакѣ въ превыспренняя. Богъ отецъ и Богъ сынъ держатъ сплетенный изъ звѣздъ вѣнецъ. Апостолы смотрятъ на ея преображеніе съ разными чувствами восторга и изумленія; одни закрываются руками, другіе падаютъ на колѣна и хотятъ въ послѣдній разъ насладиться ея лицезрѣніемъ. Эта превосходная картина стояла за престоломъ въ одной церкви и столько была попорчена временемъ, что укрылась отъ прозорливости Французовъ, во время всеобщаго ихъ грабежа. Достоинство ея состоитъ въ выразительности, въ разнообразіи характеровъ, въ расположеніи группъ и въ колоритѣ. Лице Божіей Матери сіяетъ божественностію; положеніе ея такъ легко, что въ самомъ дѣлѣ она ка-

жется восходящею въ верхъ и безпрестанно удаляющеюся отъ зрителей (*).

ПАДУА, $\frac{1}{13}$ *Сентября.*

Знаменитая зала Падуанской палаты правосудія имѣетъ въ длину 300 футовъ, а въ ширину 100. Высота ея простиралась до 100 футовъ; но послѣ бури, свирѣпствовавшей въ прошедшемъ году, построили новую крышу на 150 футовъ отъ пола. Огромная эта зала не имѣетъ ни одной колонны; стѣ-

(*) Эстампъ этой картины, выгравированной художникомъ Наталемъ Скіоваши, посвященъ Государю Императору Александру Павловичу.

ны ея состоятъ изъ четырехъ рядовъ живописи альфреско. Въ первыхъ трехъ рядахъ образа Святыхъ, аллегоріи и символы изъ Новаго и Ветхаго Завѣта; въ послѣднемъ арабески.

Университетъ Падуанскій построенъ Палладіемъ; дворъ его состоитъ изъ четырехъ портиковъ, которыхъ стѣны всѣ покрыты гербами профессоровъ и благодѣтелей университета. Анатомической театръ, зала физическихъ инструментовъ, музей натуральной исторіи и ботаническій садъ, расположенный по системѣ Турнефорта, достойны особеннаго примѣчанія. Здѣсь учился нашъ министръ графъ Каподистрія. Онъ занимался преимущественно медицинскими науками и имѣлъ дипломъ на званіе доктора. Изъ старинныхъ актовъ видно, что еще и въ 1695 году нашему соотечественнику Петру Постникову данъ былъ отъ здѣшняго университета патентъ на званіе медика.

Въ одной изъ церквей находится памятникъ, сооруженный, какъ сказано въ надписи,

каноникомъ канонику. Это бюстъ знаменитаго *Петрарки.* Многіе изъ путешественниковъ ѣздятъ нарочно въ мѣстечко Арку за 15 верстъ отсюда, чтобы бросить нѣсколько цвѣтовъ на холодный гробъ пламеннаго обожателя Лауры. Въ другой церкви показывается одно изъ изящныхъ произведеній Гвидо Рени — *Іоаннъ Предтеча* въ пустынѣ. Здѣсь же находится барельефъ изъ Каррарскаго мрамора—*памятникъ принцу Оранскому,* дѣланный *Кановою.* Благочестіе склонилось на правую руку въ глубокой горести; лѣвая рука лежитъ на колѣнахъ; передъ нею ибисъ — символъ смерти; въ верху щитъ умершаго. *Церковь Св. Іустины,* построенная Падуанскимъ архитекторомъ Андреемъ Риччіо, по плану Палладія, отличается величественною простотою и шестью огромными куполами въ Русскомъ вкусѣ. Соборная *церковь Св. Антонія,* сооруженная зодчимъ Николаемъ *Пизанно* въ XIII столѣтіи, увѣнчана также шестью куполами и имѣетъ четыре огромные органа, на которыхъ играютъ обыкновенно до сорока музыкантовъ. Въ Падуѣ показываютъ гробницу

Антенора и домъ, въ которомъ будто бы жилъ Титъ Ливій. Кромѣ того Падуа гордится честію, что она дала убѣжище двумъ знаменитымъ мужамъ: Петраркѣ, который былъ каноникомъ въ соборѣ, и Галилею, отправлявшему должность лектора въ здѣшнемъ университетѣ до 1610 года. Противъ церкви Св. Іустины есть круглая и большая площадь. При четырехъ вратахъ ея и по дорожкамъ разставлены статуи, бюсты и урны, — памятники знаменитымъ людямъ, оказавшимъ услуги Падуѣ, и славнымъ профессорамъ, воздвигнутые усердіемъ студентовъ.

Дорога отъ Падуи до Ровиго идетъ подлѣ канала; по берегамъ его встрѣчаются безпрестанно красивые домики, богатыя помѣстья, нѣсколько великолѣпныхъ замковъ, и между прочимъ замокъ герцога Моденскаго. Отъ древней Адріи, на развалинахъ которой построенъ Ровиго, ничего не осталось, кромѣ нѣсколькихъ стѣнъ. Во времена Плинія здѣшняя почва славилась хорошимъ виномъ; нынѣ и того нѣтъ. Сказываютъ, что одинъ аббатъ, читавшій со вниманіемъ

этого древняго писателя, пріѣзжалъ нарочно изъ Рима искать здѣсь нектара; но послѣ худаго и дорогаго обѣда воскликнулъ съ Цицерономъ: о времена! о нравы!

ФЕРРАРА, $\frac{2}{14}$ *Сентября.*

Рѣка По служитъ границею между владѣніями Австрійскими и Папскими. Мы переправились чрезъ нее въ лодкѣ въ Понте ди Лаго Скуро, гдѣ находятся таможня и стража. Дорога по правому берегу По есть одна изъ худшихъ, какую только можно найти въ Италіи. Здѣсь нѣтъ ни мостовой, ни шоссе. *Феррара* окружена земляными укрѣпленіями и красивыми бульварами. Тополевыя

аллеи даютъ городу видъ живописный. Домы здѣсь по большой части трехъэтажные; улицы широкія и прямыя. Древній замокъ герцогскій, окруженный водою, имѣетъ наружность величественную. Неподалеку отъ него, въ больницѣ Св. Анны сохранилась и темница великаго Тасса. Я сходилъ съ благоговѣніемъ въ этотъ мрачный и сырой подвалъ, въ которомъ пробылъ нѣсколько лѣтъ преемникъ Гомера и Виргилія, наслѣдникъ ихъ славы и одинъ изъ величайшихъ геніевъ временъ прошедшихъ. Къ сожалѣнію, невѣжество или мучимая совѣсть его гонителей стерла съ низкаго свода и со стѣнъ всѣ стихи, писанные углемъ, и, можетъ быть, выражавшіе жалобу на гонителей. Этотъ вертепъ, — достойный памятникъ вѣковъ варварства, не имѣетъ ни одного окна и ни одного отверстія, такъ что несчастный узникъ могъ видѣть свѣтъ дневной только изрѣдка и черезъ дверь. Путешественники, на память своего посѣщенія этой темницы, ломаютъ здѣсь куски кирпичей; и одна изъ стѣнъ столько уже попорчена, что требуетъ поправки. Въ здѣшнемъ

лицеѣ показывается богатое собраніе древнихъ медалей и гробница поэта Аріоста.

БОЛОНЬЯ, $\frac{3}{15}$ *Сентября.*

Болонья лежитъ при подошвѣ Аппенинскихъ горъ и окружена живописными окрестностями. Улицы большею частію правильны и украшены хорошими портиками, которые построены вмѣсто тротуаровъ съ обѣихъ сторонъ для пѣшеходцевъ; отъ того онѣ всегда пусты, не смотря на большое народонаселеніе города, простирающееся до 60,000. Вниманіе путешественниковъ прежде всего останавливается на двухъ башняхъ,

стоящихъ на одной площади и въ весьма близкомъ разстояніи. Одна изъ нихъ, извѣстная подъ именемъ Асинелли, поражаетъ чрезвычайною своею высотою; другая имѣетъ только 140 футовъ высоты; но, подобно колокольнѣ Пизской, склоняется отъ перпендикулярной линіи на девять футовъ; такъ что кажется безпрестанно падающею, когда смотришь мимо ея на облака, бѣгущія въ противоположную сторону.

Изъ публичныхъ памятниковъ достоинъ примѣчанія бронзовый Нептунъ, вылитый *Іоанномъ Болонскимъ*, по образцу маленькаго антика, находящагося въ хранилищѣ древностей здѣшняго университета. Положеніе его превосходно; онъ стоитъ на мраморномъ фонтанѣ и опирается покойно на трезубецъ; между тѣмъ какъ вокругъ его дѣти держатъ нѣсколько рыбъ, извергающихъ воду.

Въ Болоньи есть довольно хорошихъ зданій; но между ними замѣтилъ я одинъ домикъ, плѣняющій своею наружностію. Съ одной стороны его написано: „Non domo dominus, sed domino domus; Не для дома господинъ, а для господина домъ.“ А вдоль фасада,

состоящаго изъ семи оконъ, начертаны слѣдующіе стихи Виргиліевы:

«Obloquitur septem numeris discrimina vocum
«Inter odoratum lavri nemus;

т. е. „Среди благоухающей рощи лавровой, онъ заглушаетъ своею семитонною гармоніею всѣ крики и разногласія.“ Эта надпись уже показываетъ, что домъ сей принадлежитъ виртуозу, и не обыкновенному, а самому *Россини*.

Я видѣлъ въ Болоньи множество картинныхъ галлерей, хотя и не нахожу нужнымъ входить здѣсь въ ихъ подробности. Богатѣйшія изъ нихъ: 1) одного прелата, которая принадлежала, кажется, прежде фамиліи *Салтіерри*. Въ ней примѣчателенъ рисунокъ Рафаеля, представляющій трехъ нагихъ грацій. Онъ превосходенъ по правильности рисовки; но черты лица нимфъ грубы и безобразны. И если въ самомъ дѣлѣ онѣ принадлежатъ Гомеру живописи; то мы вправѣ сказать, что нашъ Гомеръ здѣсь спитъ, dormit Homerus!

2) *Галлерея Замбеккари.* Къ рѣдкостямъ ея принадлежатъ барельефъ, представляющій поклоненіе волхвовъ, дѣланный Албертомъ Дюреромъ изъ глины, и другой барельефъ деревянный, также одного Нѣмца, представляющій распятіе съ тысячами самыхъ мѣлкихъ лицъ.

3) Въ галлереѣ *Марескалки* я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Петра *Великаго*, писаннаго съ натуры Карломъ Моромъ.

4) Въ *галлереѣ графа Салине* есть двѣ превосходныя картины Гвидо — Реневы: спящій амуръ и дитя съ голубями.

5) *Академія художествъ* обладаетъ также драгоцѣнными произведеніями разныхъ школъ и между прочимъ, прекраснымъ твореніемъ Рафаеля, представляющимъ Св. Цецилію.

Вообще какъ галлереи, такъ и церкви здѣшнія изобилуютъ произведеніями Болонской школы и даютъ о ней самое выгодное понятіе. Она соединяетъ въ себѣ всѣ совершенства школъ Римской и Венеціянской; и превосходитъ первую колоритомъ, а послѣднюю правильностію рисовки и натурою. Слава ея есть слава Гвида Рени, Гверчина,

трехъ Караччи и Корреджія. Аннибалъ, Людовикъ и Августинъ Караччи, между прочимъ, отличились и изящностію фресковъ; Антоніо Аллегри Корреджіо есть любимецъ грацій, которыя воспитали его и никогда съ нимъ не разставались.

ВИДѢНІЕ.

Въ галлереѣ Марескалки я пробылъ нѣсколько часовъ и думалъ, что я уже видѣлъ всѣ сокровища живописи.

Наконецъ смотритель галлереи ввелъ меня въ кабинетъ и подалъ мнѣ кресла. Я улыбнулся, смотря на его суетливость; и болѣе потому, что мнѣ уже неоднократно

случалось быть обманутымъ такими приготовленіями. Между тѣмъ штофный занавѣсъ поднимается; картина движется впередъ; и передо мною открылось видѣніе Ангельское и пророческое. Въ одно мгновеніе я предсталъ предъ Сына Божія, грядущаго на облакахъ со славою, но не такъ, какъ въ день страшнаго суда. Руки его простерты, но не съ молніями, готовыми истребить землю, какъ представилъ его Рубенсъ, а съ благословленіями, ниспосылаемыми свыше человѣческому роду. Въ очахъ его сіяютъ благость и любовь; свѣтлое лице его разливаетъ повсюду радость; и мнѣ казалось, все окружающее меня озарено было божественнымъ его сіяніемъ. Въ умиленіи сердца моего я готовъ былъ упасть передъ нимъ и пролить благодарныя слезы. Таково торжество Корреджіевой кисти! Нѣтъ! Я не могу почти вѣрить, чтобы художникъ этого чуда въ часы святаго своего мечтанія, не былъ восхищенъ на небо и не сподобился, вмѣстѣ съ Ангелами, насладиться лицезрѣніемъ своего Искупителя и Бога, котораго онъ искалъ въ воображеніи и въ гаданіяхъ.

Не прежде, какъ уже спустя минуты двѣ, увидѣлъ я въ этомъ неприступномъ свѣтѣ, окружающемъ Сына Божія, тьмы херувимовъ и Серафимовъ съ огнеобразными ихъ лицами. Такъ утреннія звѣзды тонутъ въ сіяніи первыхъ лучей восходящаго солнца, разливающихся въ неизмѣримости небеснаго океана!

БОЛОНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Болонскій университетъ раздѣляется на четыре факультета. Классъ физическій и три окружающія его залы заключаютъ богатое собраніе машинъ электрическихъ, гальваническихъ, оптическихъ и многихъ другихъ снарядовъ. Въ залахъ акушерства и

анатоміи находятся превосходныя *восковыя фигуры* младенцевъ и взрослыхъ обоего пола и разныхъ возрастовъ, начиная отъ зачатія до рожденія и отъ рожденія до совершеннолѣтія; и не только цѣлыя фигуры, но и всѣ части тѣла со всѣми составами, нервами и малѣйшими подробностями. Въ *кабинетѣ древностей* есть три Египетскія муміи, рядъ Болонскихъ статуй отъ возрожденія ваянія до нашихъ временъ, одинъ маленькій бронзовый Нептунъ, который служилъ моделью Іоанну Болонскому для колоссальной его статуи; есть еще четыре бюста Римскіе изъ двуцвѣтнаго мрамора, то есть съ бѣлыми головами и съ красноватыми тогами,—и болѣе нѣтъ почти ни одного памятника достопримѣчательнаго. Трудно понять, отъ чего происходитъ такая бѣдность здѣшняго университета въ пособіяхъ, необходимыхъ для образованія вкуса; тогда какъ онъ лежитъ на древней почвѣ и дышетъ, такъ сказать, еще древнимъ воздухомъ. Что касается до *библіотеки*, въ ней считается разнаго рода сочиненій 140,000 томовъ. Въ числѣ ихъ показываютъ 187 томовъ въ листъ,

сочиненія естествоиспытателя Альдрованди. Тутъ же есть одна зала съ превосходными фресками, въ которыхъ художникъ нарочно давалъ фигурамъ самыя трудныя положенія, для того чтобъ преодолѣніемъ трудностей удивить зрителей. Сверхъ того есть еще здѣсь собраніе портретовъ всѣхъ ученыхъ мужей сего университета; и между прочимъ портретъ и скромный памятникъ, состоящій изъ мраморной доски съ надписью, знаменитаго Алоизія Гальванія, прославившагося открытіемъ явленій гальванизма.

Въ Болоньи есть очень хорошій ботаническій садъ и музей, богатый произведеніями природы. *Фосфорическій Болонскій камень* получается на горѣ Патерно, въ трехъ миляхъ отъ города. Онъ приготовляется обыкновенно посредствомъ химическаго превращенія его въ известь; и приготовленный такимъ образомъ, на свободномъ воздухѣ превращается въ одну минуту въ раскаленный уголь.

Изъ окрестностей Болоньи достойна примѣчанія церковь *Мадонны делла-Гвардія*. Она стоитъ на скатѣ Апеннинской горы,

на которую ведетъ огромный портикъ, состоящій изъ 700 аркадъ и простирающійся на пространствѣ трехъ Италіянскихъ миль или 4 Русскихъ верстъ.

МОДЕНА, $\frac{6}{18}$ *Сентября.*

Дорога отъ Болоньи до Модены есть прямая линія, проведенная по гладкой долинѣ; такъ что изъ одного города можно видѣть другой, не смотря на значительное ихъ разстояніе (болѣе 30 верстъ). Подлѣ *Кастела Франко* находится крѣпость, достопримѣчательная по историческимъ воспоминаніямъ. Она построена папою Урбаномъ VIII вблизи того мѣста, гдѣ консулы Фульвій и Панса были разбиты Маркомъ Антоніемъ. Въ 1799 году другой

Маркъ Антоній, быстрокрылый *Суворовъ* перелетѣлъ черезъ эти рвы, наполненные водою, поразилъ Французовъ и развилъ на башняхъ Русское знамя, хваля и славя Русскаго Бога.

Модена извѣстна въ исторіи тѣмъ, что въ ней скрывался Брутъ по убіеніи Цезаря. Съ земляныхъ укрѣпленій ея, обращенныхъ въ бульвары, видны улыбающіяся окрестности, неизмѣримая равнина и цѣпь Апеннинскихъ горъ. Большая улица Strada Maestra, украшенная портиками, также служитъ мѣстомъ прогулокъ. Герцогскій дворецъ, лежащій на обширной площади, представляетъ какое-то великолѣпное смѣшеніе четырехъ орденовъ архитектуры, Дорическаго, Іоническаго, Коринѳскаго и Римскаго. Внутренность его ничего уже не представляетъ достопримѣчательнаго съ того времени, какъ сто лучшихъ картинъ изъ здѣшней галлереи, и въ томъ числѣ знаменитая ночь Корреджіева, были проданы за 50,000 фунтовъ стерлинговъ Августу королю Польскому и курфирсту Саксонскому. Прочія богатыя его украшенія разграблены

Французами во время перваго ихъ вторженія въ Италію. Башня здѣшней соборной церкви, славящаяся своею высотою, вся изъ мрамора. Театръ очень красивъ и построенъ частію по образцу древнихъ амфитеатровъ.

ПАРМА, $\frac{7}{19}$ *Сентября.*

Дорога отъ Модены до Пармы есть одна изъ лучшихъ въ Италіи, а слѣдовательно и въ цѣлой Европѣ. Она катится черезъ ровную долину и пряма, какъ стрѣла. Вокругъ ея красивые домики, тучныя пажити, зеленыя рощицы, жатвы и виноградники. Вездѣ видны слѣды трудолюбія и довольства. Кажется, только сейчасъ Флора и Церера про-

шли по симъ прелестнымъ полямъ; одна разбросала повсюду цвѣты, другая разсыпала грозды и плоды изъ неизчерпаемаго своего рога изобилія. Волшебныя картины этихъ мѣстъ, ясное небо и благорастворенный воздухъ должны, безспорно, имѣть самое счастливое вліяніе на развитіе способностей души. Здѣсь граціи лелѣяли и воспитали Корреджіо; и здѣсь же Мельпомена улыбалась поэту Армидиныхъ садовъ, великому Тассу. Первый родился въ мѣстечкѣ *Корреджіо,* верстахъ въ четырехъ отъ дороги, недалеко отъ Модены; а вторый въ городкѣ *Реджіо,* лежащемъ на самой дорогѣ. Полагали, что этотъ городокъ былъ отечествомъ и знаменитаго Аріоста, родившагося въ 1474 году.

Въ Пармѣ царствуетъ тихо супруга Наполеонова Марія Луиза, при общихъ благословленіяхъ гражданъ и народа. Дворецъ ея состоитъ изъ многихъ зданій разнаго зодчества, расположенныхъ по сторонамъ большой квадратной площади. Здѣшній театръ, построенный по чертежу Виньолы, имѣетъ 300 футовъ длины и

можетъ вмѣстить до 9,000 зрителей. Внутреннее положеніе его имѣетъ ту выгоду предъ прочими, что отвсюду равно можно видѣть и слышать дѣйствующія лица. Самый тихій голосъ актера не теряется; такъ какъ и самый громкій не производитъ ни отголоска, ни смѣшенія. Изъ церквей нѣтъ ни одной достопримѣчательной въ отношеніи къ зодчеству; кромѣ *Баптистеріи*, принадлежащей собору. Она имѣетъ видъ осмиугольной башни съ четырьмя галлереями, которыя поднимаются однѣ надъ другими и поддерживаются четырьмя рядами столбовъ.

Мы пріѣхали въ Парму поздно, а выѣхали рано, не видавъ ни картинъ Пармезана, ни перспективы Маццолы, обманывающей живостію своею птицъ, ни драгоцѣнныхъ фресковъ Корреджіо, которыми украшены здѣшнія церкви. Наконецъ, товарищи моего путешествія не согласились *потерять*, какъ они говорили, двухъ часовъ и для того, чтобы видѣть одно изъ изящнѣйшихъ твореній Корреджія, Мадонну ди сан-Джироламо, возвращенную сюда изъ Парижа. Это были два

Англичанина, путешествующіе, по ихъ словамъ, для образованія вкуса; только вѣроятно не по части искусствъ, а по части произведеній Италіянской кухни. Галлереи ихъ —трактиры; они открыты для нихъ во всякое время. Счастливые дилеттанты!

ПІАЧЕНЦА и ЛОДИ, $\frac{8}{20}$ *Сентября.*

Долина, простирающаяся отъ Болоніи до Піаченцы, имѣетъ примѣтное наклоненіе къ рѣкѣ *По* со стороны сѣвера; а съ южной стороны она поднимается до подошвы Апеннинскихъ горъ, которыхъ цѣпь тянется безпрерывно передъ глазами. Низвергающіеся съ вершины потоки, страшно бушующіе послѣ

дождей и почти совсѣмъ высыхающіе въ лѣтнюю пору, пересѣкаютъ безпрестанно дорогу. Вездѣ построены съ красивыми арками мосты, изъ которыхъ нѣкоторые простираются на двѣсти и болѣе саженъ.

Между Пармою и горнымъ потокомъ Таро встрѣчается множество виноградниковъ, убранныхъ по способу, предложенному еще Виргиліемъ. Въ Италіи каждая провинція имѣетъ свой особенный способъ въ расположеніи виноградныхъ лозъ. Въ иныхъ мѣстахъ виноградъ стелется по вершинамъ садовыхъ деревьевъ и бросаетъ на землю прохладную тѣнь; въ другихъ виситъ на вѣтвяхъ въ видѣ балдахиновъ или вьется съ одного дерева на другое гирляндами. И всѣ эти узоры какъ бы сняты съ нарочно приготовленныхъ для нихъ рисунковъ.

Піаченца лежитъ на правомъ берегу По; въ ней нѣтъ почти ничего достопримѣчательнаго, кромѣ двухъ конныхъ статуй Герцоговъ Фарнезскихъ и церкви Св. Августина, построенной Виньолою. Во время Французскаго правительства Піаченца была сборнымъ мѣстомъ всей артиллеріи Италіянска-

го Королевства, и представляла шумный лагерь; но съ паденіемъ Наполеоновымъ изчезли въ ней дѣятельность, движеніе и промышленность. Здѣсь оканчивалась древняя дорога *Эмиліева*, которая построена была при консулахъ Лепидѣ и Фламиніѣ, и соединялась въ Романьи съ *дорогою Фламиніевою.*

Въ *Лоди* на стѣнѣ одного дома сохраняется Латинская надпись, въ которой сказано, что во время войны Гвельфовъ съ Джибелинами явился на семъ мѣстѣ образъ Божіей Матери и троекратно произнесъ громкимъ голосомъ: pax! pax! pax! Послѣ этого будтобы немедленно заключили миръ; а чудотворный образъ перенесли въ ближнюю церковь, оставивъ на стѣнѣ одинъ только списокъ. Городъ Лоди сдѣлался извѣстнымъ въ новой исторіи съ того времени, какъ въ 1795 году Бонапарте быстрымъ и отважнымъ натискомъ вырвалъ здѣшній мостъ изъ рукъ Австрійцевъ и завладѣлъ страшными ихъ батареями.

Отъ рѣки По до Милана долина Ломбардская примѣтно возвышается. По сторонамъ

дороги проведены каналы, которые несутъ свѣтлую воду изъ отдаленныхъ озеръ Маджіоре и Кома; и если нужно, могутъ въ нѣсколько часовъ, посредствомъ отводовъ, покрыть ею всѣ луга и пажити. Поля здѣсь, такъ какъ и во всей Ломбардіи, состоятъ почти всегда изъ квадратовъ; а межою служатъ имъ ряды деревьевъ, переплетенныхъ виноградными вѣтьвями. Самое обыкновенное здѣсь *житто* — *мельга*, которая, по Италіянской пословицѣ, и родится и умираетъ въ водѣ, то есть въ болотныхъ мѣстахъ. Дѣлаемый изъ нея хлѣбъ цвѣтомъ желтъ. Всѣ хлѣбы другаго рода, какъ увѣряютъ, очень вредны для тамошнихъ жителей, если употребляются безъ вина; напротивъ того хлѣбъ изъ мельги доставляетъ ту выгоду, что его можно ѣсть, не запивая виномъ.

Я опять въ Миланѣ, взгляну еще на здѣшнія рѣдкости; и черезъ нѣсколько дней отправлюсь прямо въ Туринъ.

ТУРИНЪ, $\frac{15}{27}$ *Сентября.*

Мѣстоположеніе. Дворцовая площадь. Дворецъ. Университетъ. Планировка улицъ. Площадь Св. Карла. Церковь Суперга.

Столица королевства Сардинскаго стоитъ на той равнинѣ, гдѣ Апеннинскія горы, понижаясь постепенно, склоняются съ почтеніемъ передъ величавыми Альпами. Съ одной стороны роскошные холмы, усѣянные рощами, замками и монастырями; съ другой увѣнчанные снѣгами Атланты, подпирающіе вершиною своею небо, даютъ Турину видъ картины богатой и великолѣпной. Внутренность города плѣняетъ какъ красотою домовъ, такъ и правильностію улицъ, которыя по большой части пересѣкаются подъ

прямыми углами. Главная площадь — *дворцовая;* она образуетъ четвероугольникъ, обнесенный съ трехъ сторонъ портиками. Посреди ея стоитъ старый дворецъ съ новымъ фасадомъ, съ красивою аркою и съ ветхими башнями, расположенными безъ симметріи. Недалеко отъ фасада есть одно мѣсто, съ котораго открываются вдругъ четыре улицы, оканчивающіяся прекрасными видами. Одна изъ нихъ идетъ къ Альпамъ на сѣверъ; другая сквозь арку и узорчатые чугунные ворота стараго дворца къ рѣкѣ По и къ виноградинку королевы; западная проходитъ черезъ площадь Св. Карла; восточная сквозь ворота новаго королевскаго дворца.

При входѣ во *дворецъ* стоитъ на лѣстницѣ конная статуя Виктора Амедея II. Конь сдѣланъ изъ мрамора; всадникъ вылитъ изъ бронзы. На подножіи изсѣчена слѣдующаго содержанія Латинская надпись: „Ты видишь здѣсь изваянный образъ мужества и строгаго правосудія; но ты увидѣлъ бы всю его душу, если бы металлъ могъ выражать кротость и благость.“

Первыя залы дворца украшены тканными картинами Туринской фабрики, не уступающими Гобеленевымъ. Въ прочихъ комнатахъ находится довольно богатое собраніе новыхъ и древнихъ картинъ, писанныхъ лучшими художниками. Въ числѣ ихъ есть картина, которая прямо представляетъ одного папу, съ лѣвой стороны Людовика XIV, а съ правой его супругу. Одинъ Венеціянскій монахъ украсилъ весь королевскій кабинетъ миніатюрными портретами на зеркальныхъ стеклахъ. Вообще внутренность дворца убрана богато и со вкусомъ.

Подлѣ него находится обширный *садъ*, украшенный статуями, цвѣтниками, куртинами и тѣнистыми деревьями. Онъ открытъ для публики. хотя эта публика состоитъ, по большой части, изъ пяти или десяти особъ. Высокіе и пространные портики улицы *По*, простирающіеся по обѣимъ сторонамъ и во всю длину ея, служатъ обыкновеннымъ мѣстомъ прогулки для гражданъ, и особливо въ продолженіе вечера.

На этой же улицѣ находится *университетъ*, котораго дворъ, такъ какъ и въ прочихъ университетахъ Италіянскихъ, внутри украшенъ портиками, а въ стѣнахъ имѣетъ множество вставленныхъ камней съ Латинскими надписями. Въ кабинетѣ древностей достоинъ примѣчанія Римскій мѣдный жертвенникъ. Онъ отличается отъ прочихъ извѣстныхъ тѣмъ, что можетъ раздвигаться и сдвигаться по произволу, и вмѣщать въ себѣ разной величины жертвенные сосуды. Въ полу кабинета вдѣланы три Римскіе мозаика, представляющіе льва, барса и Аполлона съ лирою. Но главное сокровище этого университета и единственная въ своемъ родѣ рѣдкость есть знаменитая *доска Изидина* (tabula Isiaca), сдѣланная изъ мѣди, покрытой чернымъ или красноватымъ лакомъ, и имѣющая въ вышину 3 фута, 10 дюймовъ и три линіи; а въ ширину 10 футовъ, 3 дюйма и 9 линій. Названіе свое получила она отъ главнаго лица, то есть отъ Изиды, изображенной сидящею, съ перьями на головѣ и съ воловьими рогами. По сторонамъ представлены жрецы и жертвенники со множествомъ

гіероглифовъ, которые до сихъ поръ остаются еще необъясненными. Объ этой доскѣ писали графъ Кейлюсъ и многіе другіе ученые; но изъ всѣхъ различныхъ ихъ мнѣній одно только почитается нѣсколько вѣроятнымъ, — что поселенцы Египетскіе, желая сохранить память въ потомствѣ о жертвенныхъ обрядахъ своего прежняго отечества, вырѣзали ихъ на мѣди. Работа этого памятника очень похожа на чеканную; черты углублены только на половину линіи; и во многихъ мѣстахъ имѣютъ серебреную насѣчку. Увѣряютъ, что края окованы были прежде серебренымъ окладомъ.

Кромѣ университета, есть еще въ Туринѣ академія наукъ, богатый музей и обсерваторія. Зданія всѣ вообще выбѣлены или окрашены. Улицы, пересѣкаясь подъ прямыми углами, раздѣляютъ весь городъ на 145 частей или квадратовъ. По каналамъ вездѣ проведены свѣтлые и прозрачные ручьи, разливающіе прохладу въ воздухѣ. Улица *По* оканчивается полукруглою площадью, обсаженною деревьями и извѣстною подъ именемъ

Рондо. Площадь Св. Карла также достойна примѣчанія по своей правильности и по красотѣ портика, проведеннаго съ двухъ сторонъ ея. Нѣкоторые почитаютъ ее первою въ Италіи; а потому первою и въ Европѣ;— логика не совсѣмъ правильная. Изъ 110 церквей и капеллъ многія плѣняютъ красотою фасада и обширностію куполовъ. Церковь Св. Карла остается закрытою еще съ того времени, какъ вандалы Французской революціи поругались надъ ея святынею. Вѣроятно правительство намѣрено оставить ее навсегда въ такомъ видѣ, для назиданія потомства въ чувствахъ религіи и для устрашенія его мрачными воспоминаніями о звѣрствѣ людей, отвергшихъ вѣру и Бога.

Изъ окрестностей Турина достойны примѣчанія дворецъ, называемый *Виноградникомъ королевы*, лежащій на скатѣ холма прямо противъ каменнаго моста и улицы По. Съ террасы Капуцинскаго монастыря виденъ весь городъ; съ купола *Супереи* видна вся цѣпь горъ Піемонтскихъ и вся долина, простирающаяся до Милана на пространствѣ 120 верстъ. Этотъ видъ есть одинъ изъ

обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ въ Италіи. Церковь *Супера* стоитъ на высокой горѣ, въ шести миляхъ отъ Турина. Она построена въ память разбитія Французовъ въ 1706 году; но во время революціи Французы оказали этому памятнику самое ужасное мщеніе, разрушивъ многія его украшенія, разграбивъ сокровища и простерши святотатственныя свои руки на гробы королей, почіющихъ въ подземельѣ храма.

ГАЛЛЕРЕЯ МАРКИЗА ГАМБІАТИ.

Сколько богатъ Туринъ изящными произведеніями зодчества, столько бѣденъ твореніями живописи. Въ этомъ отношеніи,

кажется, онъ совсѣмъ не принадлежитъ уже къ Италіи. Во ста церквахъ нѣтъ ни одной картины достопримѣчательной; да и въ цѣломъ городѣ одна только картинная галлерея, принадлежащая *маркизу Гамбіати*, заслуживаетъ вниманіе.

Маркизъ страстный любитель художествъ, знаетъ имъ надлежащую цѣну и имѣетъ вкусъ образованный. Онъ всегда самъ показываетъ и объясняетъ иностранцамъ свои сокровища; и бесѣда его столько же назидательна, сколько и пріятна по ласковости обращенія, возбуждающаго къ нему уваженіе и довѣренность. Я стоялъ передъ головою Спасителя, изъязвленною терновымъ вѣнцемъ, когда маркизъ вошелъ ко мнѣ. „Вы не ошиблись, сказалъ онъ съ улыбкою удовольствія; эта голова есть одна изъ первыхъ картинъ сей залы и одна изъ лучшихъ произведеній *Гвидо-Рени*. Видите ли въ лицѣ этого Страдальца Божество и въ глазахъ, обращенныхъ къ небу, совершенное сердоболіе о заблужденіяхъ міра? Мнѣ кажется, я слышу сіи послѣдніе слова его: „Отче! отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ.“

Въ другой залѣ мы остановились передъ *мученіемъ Св. Варвары*, твореніемъ Микель-Анджело Буонаротти. Руки ея связаны; глаза, поднятые въ верхъ, видятъ въ небесахъ торжество Святой Троицы; лице ея сіяетъ совершенною довѣренностію къ Промыслу. Одинъ изъ палачей готовъ уже занести сѣкиру; и народъ смотритъ съ ужасомъ на это зрѣлище. Другая картина, приписываемая Леонарду да Винчи или Бернардину Лувини, представляетъ туже Святую Варвару съ развернутою книгою, а вдали высокую башню, можетъ быть, мѣсто ея узничества и страданій.

Эти двѣ картины дали мнѣ поводъ расказать исторію мощей Великомученницы Варвары, которыя покоятся теперь въ Кіевскомъ Михайловскомъ Соборѣ. Маркизъ вынулъ карманную книжку, записалъ въ ней карандашемъ все, что показалось ему занимательнымъ; и повторилъ нѣсколько разъ пословицу, что всегда можно чему нибудь научиться.

Теперь посмотрите же на моего добраго Рафаеля, сказалъ онъ съ чувствомъ удоволь-

ствія, подавъ мнѣ кресла и показавъ *Св. Фамилію*, одну изъ превосходнѣйшихъ твореній этого великаго генія. Младенецъ Іисусъ принимаетъ крестъ изъ рукъ младенца Іоанна; Іосифъ, опираясь на посохъ, смотритъ на таинство дѣйствія съ любопытствомъ; Св. Дѣва Марія читала Ветхій Завѣтъ, прервала чтеніе и обратила голову, чтобъ взглянуть на своего Божественнаго Сына. Взоръ Іисуса — быстрый, проницательный и исполненный небесной важности; неподвижные глаза и нѣсколько раскрытыя уста Іоанна выражаютъ его предвидѣніе и изумленіе. Рафаель много разъ повторялъ эти двѣ головы; кажется, онъ самъ былъ очарованъ ихъ идеалами; самъ старался подражать имъ и приблизиться къ ихъ совершенству.

Въ третьей залѣ занимаетъ первое мѣсто *Св. Фамилія Гвидо-Рени*, въ которой Божія Матерь держитъ Іисуса, протягивающяго руку съ персикомъ; между тѣмъ какъ два младенца тянутся сзади, чтобъ посмотрѣть на него. Эта картина, по словамъ маркиза, похищена была Французами въ Москвѣ и продана ему за дорогую цѣну.

Еще осталось нѣсколько комнатъ съ картинами; но маркизу доложили о прибытіи къ нему одного министра, и я хотѣлъ тотчасъ удалиться. „Нѣтъ, сказалъ маркизъ; министръ можетъ подождать, пока мы кончимъ;“ и, не торопясь нимало, продолжалъ свои замѣчанія. Эта одна черта показываетъ уже весь его характеръ. Онъ мнѣ кажется Крезомъ, только въ смыслѣ ученомъ, а не историческомъ. Сокровища его—произведенія изящныхъ искусствъ, самое блистательное титло для него—званіе художника или любителя художествъ; а вся гордость его заключается въ пламенномъ чувствѣ къ изящному. Однимъ словомъ: если бы увидѣлъ его древній Солонъ; то онъ, можетъ быть, перемѣнилъ бы образъ своихъ мыслей и сказалъ бы, что есть люди, которые могутъ назваться и прежде смерти своей счастливыми.

СУЗА, 20 Сентября. / 2 Октября.

Риволи есть небольшой городокъ, состоящій изъ пяти тысячь жителей. Посреди его, на кругломъ холму, опоясанномъ цвѣтниками и дорожками, стоитъ королевскій замокъ. Черезъ прямую аллею, проведенную отсюда къ Турину на пространствѣ 20 верстъ, видна часть этой столицы и церковь Суперга; съ другой стороны представляется Бенедиктинскій монастырь Св. Михаила, висящій на краю огромнаго утеса. При подошвѣ его лежитъ мѣстечко Св. Амвросія. Здѣсь оканчивается неизмѣримая Ломбардская долина, и начинаются *Альпы*. Роскошные виды Италіи исчезаютъ; и путешественникъ долженъ приготовиться къ зрѣлищу предметовъ дикихъ, грозныхъ и

величественныхъ. Двѣ цѣпи горъ ведутъ васъ во глубину новаго міра, по долинѣ, засыпанной пескомъ и взрытой бурною Доарою, бѣгущею на встрѣчу. Развалины рыцарскихъ замковъ, разбросанныя изрѣдка по пригоркамъ, располагаютъ душу постепенно къ мрачнымъ мечтаніямъ.

Суза, послѣдній Піемонтскій городокъ, отстоящій отъ Турина на одинъ день ѣзды, лежитъ при подошвѣ Монсениса. Она обязана основаніемъ своимъ колоніи Римской и сохраняетъ еще до сихъ поръ торжественныя ворота, воздвигнутыя въ честь Августа, съ двумя колоннами Коринѳскаго ордена и съ барельефами, представляющими жертвоприношеніе. Двѣ позолоченныя статуи Юлія Кесаря и Августа, и бронзовыя доски съ надписями, которыя находились на этой аркѣ, похищены Французами во время революціи. Въ народѣ сохранилось преданіе, что будтобы Геркулесъ проходилъ здѣсь въ Галлію, а Аннибалъ вступилъ здѣсь же въ Италію. Это нѣсколько похоже на правду; потому что долина Доаръ-Риперская въ Піемонтѣ и долина Грезиводанъ, идущая отъ

Гренобля, представляли симъ героямъ самые прямые и единственные входы и выходы. Ученые неоднократно уже принимались искать съ большимъ тщаніемъ слѣдовъ Аннибаловыхъ; но, мнѣ кажется, не надлежало бы терять изъ виду одного важнаго обстоятельства, упоминаемаго въ исторіи. Войско Карѳагенское, какъ въ ней сказано, послѣ долгихъ и неимовѣрныхъ трудностей перехода черезъ Альпы, увидѣло наконецъ съ вершины одной горы великолѣпную равнину Италіи и наполнило воздухъ радостными восклицаніями. А по свидѣтельству здѣшнихъ жителей, во всемъ протяженіи южной цѣпи Альпійской нѣтъ ни одной такой горы, кромѣ Молона, поднимающагося въ видѣ мыса надъ Сузою и длиннымъ хребтомъ своимъ примыкающаго къ Монсенису. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ повода сомнѣваться въ томъ, что Юлій Кесарь шелъ съ войскомъ своимъ въ Галлію черезъ Сузу; и дорога Августова въ Дофиней, которая здѣсь имѣла свое начало, вѣроятно проведена была уже по слѣдамъ, проложеннымъ Римскими легіонами. Вышеозначенные остат-

ки древностей служатъ тому достаточнымъ доказательствомъ.

МОНСЕНИСЪ, $\frac{21 \text{ Сентября.}}{3 \text{ Октября.}}$

Дорога черезъ Монсенисъ, начатая по повелѣнію Наполеона въ 1810 году и оконченная въ 1811, принадлежитъ также къ любопытнымъ памятникамъ нашего вѣка. Она поднимается сначала извилинами, и потомъ идетъ косогоромъ вдоль хребта Монсениса, съ восточной стороны его. Первые лучи солнечные заблистали на вершинахъ горъ, надъ нашею головою въ то время, когда мы приближались къ оврагу Джіальонскому. Передъ

нами развертывалась вся долина Доаръ-Риперская, за которою вдали видны были монастырь Св. Михаила и холмы Туринскіе. Подъ ногами нашими разверзались страшныя пропасти; по дну ихъ тянется бѣлою полосою бурный потокъ съ узкою долиною, отдѣляющею высокій хребетъ Мелонскій отъ ребръ Монсениса. На остромъ, выдавшемся мысѣ Молона, едва примѣтна часовня Мадонны, называемой Снѣгообразною. Тамъ приносится жертва Творцу, въ виду Италіи и окрестныхъ Альповъ: но обѣдня бываетъ очень рѣдко; отъ того что нѣтъ ни дороги, ни тропинки, которая бы вела туда. Священники и пилигримы, оставляя своихъ ословъ на полугорѣ, принуждены бороться съ величайшими препонами, то цѣпляясь за камни, то скользя внизъ съ голышами; и, въ сырую погоду, часто возвращаются безъ успѣха отъ края своихъ желаній.

Около оврага Джіальонскаго построена каменная стѣна для удержанія лавинъ, падающихъ здѣсь зимою. Нѣсколько далѣе встрѣчается другой оврагъ Венаусъ, знаменитый также своими лавинами, которыя падаютъ

ежегодно и пересѣкаютъ дорогу на пространствѣ 32 саженъ. Но онѣ менѣе здѣсь опасны, нежели въ прочихъ мѣстахъ; потому что онѣ раждаются въ огромномъ бассейнѣ, лежащемъ на значительной вышинѣ; и потомъ низвергаются по узкому и извилистому каналу, разбиваясь объ остріе утесовъ. Кромѣ того издаваемый ими гулъ, подобный перекату отдаленнаго грома, слышенъ бываетъ еще за четверть часа до паденія ихъ на дорогу; что́ и служитъ спасительнымъ сигналомъ для путешественниковъ. Оврагъ Кланетскій, прежде почти совсѣмъ непроходимый, также защищается теперь отъ осыпающихся камней и земли крѣпкою каменною стѣною, имѣющею 1 саж. и 4 фута вышины и 93 сажени длины. Отсюда видна бѣдная деревня Св. Николая, которой, кажется, отказали въ убѣжищѣ и земля и небо. Она лежитъ въ ущеліи Сенисской долины, подъ высокими утесами, угрожающими ей паденіемъ камней и лавинъ. Черезъ нее проходила старая дорога; со времени построенія новой, жители ея, бывшіе горными проводниками, лишились послѣдней

своей промышлености и принуждены искать себѣ скудной помощи на однихъ распутіяхъ. Здѣсь оканчивается Сенисская долина, идущая отъ самой Сузы между двумя горными хребтами. Нѣсколько выше этого ущелія, первая дорога Наполеонова проведена была на 111 саженъ, по голой скалѣ, сквозь нарочно построенную для нея галлерею; потомъ сквозь самую скалу на 18 саж. и 6 футовъ; но отъ паденія камней и лавинъ она уже разрушилась; и теперь проведена нѣсколько ниже, прямо черезъ бассейнъ и черезъ потокъ по насыпному мосту. Изъ бассейна поднимается она на крутой пригорокъ въ разныхъ направленіяхъ и представляетъ видъ лѣстницъ, огражденныхъ съ внѣшней стороны каменными перилами. Подлѣ нея падаетъ съ утеса и разбивается съ яростію потокъ Сенисъ. Онъ представился намъ во всей своей пышности, окруженный радугами.

Здѣсь начинается плоская возвышенность Монсениса. Лишь только мы успѣли ступить на нее; черное облако вырвалось изъ ущелія долины Сенисской, какъ бы изъ Аверн-ской пещеры, поднялось слѣдомъ за нами и

разсѣялось вокругъ насъ въ видѣ мѣлкаго дождя. Отъ моста Большаго Креста проведена черезъ болото длинная насыпная плотина; по краямъ ея разставлены высокіе столбы для означенія дороги въ зимнее время, когда она бываетъ засыпана сугробами. Посреди этой возвышенности, къ удивленію и очарованію путешественниковъ, вдругъ открывается обширное озеро, отражающее въ прозрачныхъ водахъ своихъ всѣ окрестные утесы. Съ правой стороны его, подлѣ самой дороги стоитъ страннопріимный домъ, основанный еще Карломъ Великимъ. Наполеонъ пристроилъ къ нему казармы для 2,212 солдатъ и конюшни для 300 лошадей. Нѣсколько далѣе встрѣчается деревенька, состоящая изъ пяти трактировъ. Берегъ, на которомъ она лежитъ, весь усѣянъ небольшими провалами или колодезями; и всѣ эти колодези, вырытые самою природою, служатъ ледниками почти до наступленія лѣта. По другую сторону озера видно между утесами широкое ущеліе, покрытое зелеными и тучными пажитями. Тамъ обиталище вѣтровъ и зимнихъ вьюгъ. Сорвавшись, какъ

бы съ цѣпей Эоловыхъ, они вылетаютъ оттуда на плоскую возвышенность Монсениса и бушуютъ отъ одного ея края до другаго со всею своею яростію.

Наконецъ за деревенькой Рамассою вдругъ открывается посадъ Ланслебургъ, лежащій при подошвѣ Монсениса съ западной стороны его и потокъ Аркъ съ узкою долиною, простирающеюся въ видѣ зеленой полосы. Дорога здѣсь сходитъ шестью длинными изгибами, пересѣкая крутую отлогость въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Она имѣетъ скату пять дюймовъ на сажени и ограждена одною стѣною сверху для удержанія осыпей, другою снизу для предохраненія отъ пропастей. До построенія этой дороги, путешественники спускались обыкновенно отъ Рамассы до Ланслебурга въ маленькихъ санкахъ, пробѣгая въ семь минутъ около 10 верстъ съ однимъ только проводникомъ. Но это катанье соединено было съ большими опасностями; потому что каждый неосторожный толчокъ и промахъ ноги могли или разбить объ камни или низвергнуть въ оврагъ и вожатаго и всадника. Увѣряютъ,

что подобныя ристалища продолжаются еще и нынѣ вдоль дороги; но только съ меньшею скоростію и съ большею увѣренностію въ безопасности.

На Монсенисѣ, какъ и на Симплонѣ, построено до 25 домовъ для убѣжища. Живущіе въ нихъ кантониры зимою обязаны подавать помощь путешественникамъ и расчищать сугробы, а лѣтомъ поправлять дорогу. Во время вьюги и бурныхъ ночей звонятъ въ колоколъ, чтобъ предохранить пѣшеходцевъ отъ опасностей. Всѣ эти мѣры, столько благодѣтельныя для человѣчества, оставлены Сардинскимъ королемъ въ прежнемъ ихъ видѣ. Впрочемъ онѣ не стоятъ никакихъ издержекъ правительству; потому что, для содержанія стражей и для починокъ дороги, проѣзжающіе должны платить постановленную закономъ, значительную пошлину (*).

(*) Съ лошади и съ мула по два франка, съ телеги по три, а съ кареты и со всѣхъ повозокъ, которыя на рессорахъ, по шести франковъ.

АЛЬПЫ.

Земля остается въ Италіи, небо на Монсенисѣ; на берегахъ Арка начинается новый міръ, совсѣмъ непохожій на тотъ, въ которомъ мы живемъ.

Прежде всего поражаетъ васъ крѣпость Эшильонъ (Азильонъ), защищающая долину и дѣлающая ее неприступною для непріятелей. Она построена только въ прошломъ году и состоитъ изъ семи стѣнъ, которыя поднимаются амфитеатромъ надъ высокими и отвѣсными утесами. Мостъ, лѣсъ, скалы и пробитая сквозь нихъ дорога съ лѣвой стороны потока, даютъ сему мѣсту видъ дикій и величественный. Рядомъ съ крѣпостію, со скалы, имѣющей сто футовъ вышины, низвергается прекрасный водопадъ

Св. Бенедикта; теряется въ безднѣ; снова падаетъ алмазною полосою и опять исчезаетъ въ ущеліяхъ.

Далѣе природа представляетъ всѣ дикія картины, какія только въ состояніи сотворить одно романтическое воображеніе: шпицы, похожіе на Готическія зданія, — утесы, имѣющіе видъ крѣпостей, — оторванные камни, вросшіе въ землю, — развалины цѣлыхъ горъ и болѣе или менѣе красивые водопады. Часто надъ головою колеблются скалы, а подъ ногами зіяетъ адъ со всѣми ужасами. Ребра горъ—то обнаженныя, то одѣтыя соснами и изрытыя стремленіемъ потоковъ, падающихъ при наступленіи весны и послѣ сильныхъ дождей. На долинахъ, размытыхъ водоскатами, растутъ можжевельные и ракитовые кустарники. Всѣ вообще травы и прозябенія свидѣтельствуютъ только о близкой области зимы. Вездѣ примѣтны слѣды ея владычества; хотя и весьма рѣдко видишь надъ головою своею убѣленныя снѣгомъ вершины. Онѣ представляются взору только въ то время, когда отъ нихъ удаляешься. Нѣтъ здѣсь ни рыцарскихъ, ни новыхъ зам-

ковъ, ни великолѣпныхъ мызъ, ни богатыхъ помѣстій. Властолюбіе и пышность бѣгутъ съ ужасомъ отъ этихъ печальныхъ юдолей. Одни только бѣдные посады Моданъ и Сентъ-Мишель, зеленый виноградникъ мѣстечка Сентъ-Жульяна и скудный городокъ Сентъ-Жанъ, лежащій въ огромномъ бассейнѣ, напоминаютъ о живыхъ существахъ, о жизни и о движеніи.

Ночью слышишь только паденье ручьевъ, гулъ водопадовъ и шумъ рвущагося потока. Луна плаваетъ надъ зубчатыми утесами и бросаетъ длинныя ихъ тѣни на противуположныя горы.

Послѣ тучи, разразившейся надъ горными хребтами, огромныя массы камней, песку и извести низвергаются въ долину и во многихъ мѣстахъ заваливаютъ дорогу. Бѣдные Савояры, вооруженные заступами, ищутъ слѣдовъ ея, и поправляютъ каменныя стѣны или строятъ новыя для предохраненія ея отъ новаго разрушенія. Вездѣ видны слѣды суроваго времени. Здѣсь изъ развалинъ утесовъ составились цѣпи пригорковъ; тамъ зыблющіяся скалы грозятъ близкимъ разру-

шеніемъ; далѣе бурные потоки образовали цѣлый рядъ песчаныхъ кургановъ. Отъ самаго Ланслебурга до Эгбеля, на пространствѣ 120 верстъ, тянутся безпрерывно надъ дорогою двѣ цѣпи горъ, поднимаясь на 1000 и на 1500 саженъ. Это гиганты, воюющіе съ небомъ. Одни изъ нихъ гордо возвышаютъ чело свое; другіе падаютъ, какъ бы раздробленные перунами Юпитера. Такова картина Альповъ!

ДОЛИНА МОНМЕЛЬЯНСКАЯ.

Въ окрестностяхъ Мальтаверна раскрываются новые виды. Горы мало по малу расходятся и понижаются; на вершинахъ ихъ зеленѣютъ густыя рощи. Передъ ними тя-

нутся подобно террасамъ, ряды холмовъ, украшенныхъ богатствомъ и роскошью природы. Подошва Монмельяна, знаменитаго виномъ своимъ, вся покрыта виноградникомъ. Здѣсь скрываются отъ взора Альпы и показывается новый хребетъ Дофинейскій. Посреди его стоитъ гора Гренье, въ видѣ полукружія или новой луны, обращенной рогами въ верхъ. При подошвѣ ея, по словамъ одного лѣтописца, въ 1249 году поглощенъ былъ землею городъ Св. Андрея съ 16-ю деревнями. Тамъ еще и до сихъ поръ видны слѣды проваловъ, извѣстныхъ подъ именемъ Міанскихъ; тамъ же разсѣяно множество холмовъ, составившихся, повидимому, изъ развалинъ горы.

Между Монмельяномъ и горою Гренье развертывается одна изъ великолѣпнѣйшихъ долинъ Савойскихъ, пересѣкаемая садами, огородами и лужайками, въ видѣ круговъ, треугольниковъ, квадратовъ. Посреди ея катится ровная дорога, осѣненная тополевою аллеею; съ правой стороны, на высокомъ пригоркѣ стоятъ двѣ полуразвалившіяся башни Готическаго замка. Надобно остано-

виться на какомъ нибудь возвышеніи со стороны Шамбери, чтобъ увидѣть вдругъ и прелести этой долины и дикость Дофинейскихъ утесовъ и все величіе Альповъ, простирающихся, въ видѣ бѣлыхъ шатровъ, по южному краю небосклона.

ИТАЛІЯНЦЫ.

Италію по справедливости называютъ раемъ Европы; но справедливо и то, что этотъ рай населенъ людьми падшими, — народомъ, потерявшимъ подобіе своихъ предковъ.

Доблесть Римская временъ Фабриціевыхъ извѣстна здѣсь только по слуху; одни поро-

ки втораго и третьяго вѣка, какъ наслѣдіе завѣтное, сохранились неизмѣнными. Это Римляне уже разслабленные, тонущіе въ нѣгѣ, въ роскоши и въ бѣдности.

Разительныя черты, отличающія Италіянца, суть черные и какъ бы полуобожженные волосы, смуглое лице и выразительность въ голосѣ, сопровождаемомъ обыкновенно тѣлодвиженіями. Въ бѣглыхъ и вертящихся глазахъ его видны, хотя и не надолго, пламень воображенія и живость чувства. Благорастворенный воздухъ и всепроникающій эѳиръ, развертывая душевныя способности и склонности прежде времени, производятъ здѣсь такое же дѣйствіе въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ физическомъ. Жизнь Италіянца по большей части романическая, которую онъ часто начинаетъ еще на пятнадцатомъ году. Любовь, открывающая ему сладость бытія, и ревность, терзающая его сердце, сопутствуютъ ему съ этого времени до маститыхъ сѣдинъ. Въ Италіи, какъ и во Франціи, нѣтъ мужей, и старость также быстро наступаетъ здѣсь

за юностію, какъ въ Россіи осень за лѣтомъ.

Италіянцы по большой части привѣтливы и ласковы; но эти качества, кажется, происходятъ не столько отъ врожденной доброты, сколько отъ сознанія слабости и уничиженія, въ которомъ они поставлены и до котораго сами довели себя. Потерявъ древнее благородство, они содѣлались недостойными и древней самобытности. Священное чувство любви къ отечеству,—источникъ блистательныхъ дѣяній и гордость великихъ душъ,—погасло какъ бы навсегда въ душѣ ихъ. Консулъ Бонапарте наложилъ на нихъ ярмо рабства; они облобызали руку его, воздвигли ему торжественныя ворота и обоготворили его въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ. Я видѣлъ въ одной Ломбардіи множество картинъ и статуй, представляющихъ Аполлона, Геркулеса, Марса и Юпитера съ портретною головою Бонапарте (то есть съ стриженными волосами и съ бритой бородою); — достойные памятники низкой и раболѣпной лести! Привыкши быть управляемы бичемъ или булавою, Ита-

ліянцы скучаютъ и ропщутъ подъ мирными скипетрами законныхъ правительствъ.

По видимому нѣтъ народа набожнѣе Италіянцевъ, которые молятся во всякое время, и дома и на торжищахъ. Но эта мнимая набожность, по большей части, есть не что иное, какъ изувѣріе, омраченное самымъ грубымъ невѣжествомъ. По дорогамъ разставлены вездѣ часовни; горы прообразуютъ *или* Ѳаворъ *или* Ермонъ; наружность домовъ покрыта иконами, и надъ дверями самыхъ питейныхъ мѣстъ видны изображеніе Мадонны.

Легковѣріе Италіянцевъ простирается до неимовѣрной степени. Они не ищутъ, а требуютъ чудесъ, не разсуждая нимало о ихъ достовѣрности. Сновидѣнія, гаданія, волшебства, все входитъ въ систему ихъ суевѣрія. Они привязаны къ чувственности до излишества и все духовное хотятъ облечь въ вещественность. Многіе изъ церковныхъ праздниковъ смѣшаны съ древними Римскими обрядами; другіе обращены въ драматическія представленія: таковъ праздникъ поклоненія волхвовъ, получившій начало

въ XIV столѣтіи въ Миланѣ и еще до сихъ поръ представляемый во многихъ мѣстахъ Италіи.

Индулгенціи папскія до сихъ поръ почти такой же имѣютъ ходъ въ Италіи, какой имѣли въ тринадцатомъ или четырнадцатомъ столѣтіи. Этимъ именемъ, какъ извѣстно, называются грамоты, дарующія отпущеніе грѣховъ будущихъ на опредѣленное время или на всю жизнь. Самыя важныя изъ нихъ послѣднія, носящія титло полныхъ и пожизненныхъ: Indulgentia plenaria et perpetua. Объявленіями о сихъ индулгенціяхъ покрыты колонны, врата и стѣны почетныхъ монастырей и храмовъ. Условія, на которыхъ онѣ раздаются мірянамъ, бываютъ разныхъ родовъ, но вообще довольно легкія. Иногда требуется только выслушать пятнадцать или семь обѣденъ въ почетной церкви, чтобы имѣть полное право грѣшить въ жизни настоящей и освободиться отъ чистилища въ мірѣ будущемъ. Опытъ доказалъ, что такія мѣры, принимаемыя тамошнимъ духовенствомъ, не только не утверждаютъ народа въ нравственности,

но еще даютъ ему поводъ къ самымъ превратнымъ о ней понятіямъ. Съ другой стороны, людей образованныхъ онѣ охлаждаютъ въ самыхъ священныхъ чувствахъ благочестія и вѣры.

Въ Италіи все имѣетъ своего патрона, выбираемаго изъ сонма святыхъ: города, села, скоты и люди. Разбои превращаютъ эту прелестную страну въ мрачный вертепъ, и, подобно язвѣ, свирѣпствуютъ отъ одного ея края до другаго. Къ тому частію способствуетъ самое ея положеніе, покрытое горами; частію раздѣленіе на мѣлкіе владѣтельные участки, управляемые одинъ отъ другаго независимо. Полиція церковной области, состоящая изъ духовенства, вмѣсто строгихъ мѣръ, употребляетъ только такія, которыя доказываютъ ея слабость. Съ шайками разбойниковъ ведетъ она переговоры, какъ бы съ войскомъ непріятельскимъ, и въ слѣдствіе трактатовъ платитъ имъ часто контрибуціи, какъ бы завоевателямъ. Однимъ словомъ, разбои сдѣлались въ Италіи зломъ неизбѣжнымъ, и правительство Римское вынуждено наконецъ, какъ

увѣряютъ публичные листы (хотя и нельзя имъ во всемъ вѣрить), назначить нѣсколькимъ городамъ то преимущество, чтобы успѣвшіе скрыться въ ихъ священныхъ оградахъ, могли быть совершенно свободными отъ преслѣдованія законовъ.

Изображенные доселѣ нравы и обычаи принадлежатъ большею частію черни; теперь надобно сказать нѣсколько словъ объ ученыхъ и художникахъ. Науки физическія и врачебныя находятся здѣсь въ довольно цвѣтущемъ состояніи; юридическія, по большей части, ограничиваются правомъ Римскимъ и уложеніями папскими. Университеты гордятся именами Галилеевъ и Гальваніевъ, а академіи художествъ еще и до сихъ поръ не находятъ достойныхъ соперницъ въ Европѣ. Овидій приписывалъ изящнымъ искусствамъ способность и силу смягчать нравы народовъ: такъ онѣ дѣйствовали вездѣ и во всѣ времена; но въ Италіи производятъ теперь совершенно противное дѣйствіе. Онѣ нужны здѣсь для того, чтобы умѣрять порывы чувствъ и воображенія, или, какъ говоритъ Аристотель, чтобы

очищать нравы обузданіемъ излишней чувствительности. Ваяніе, со времени Кановы, вступило здѣсь въ новый періодъ. Этотъ великій геній показалъ художникамъ и возможность и способы состязаться съ древними. Живопись, можно сказать, остановилась на одной степени; но, по крайней мѣрѣ, сохранила всѣ блистательныя достоинства школъ пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтія. Музыка есть страсть и торжество Италіянцевъ. Повидимому, во всей Европѣ есть только два рода или двѣ методы музыки, поражающія своею оригинальностію: одна Русская, другая Италіянская. Характеры той и другой опредѣляются различными характерами двухъ народовъ, различными ихъ нуждами и ощущеніями, наконецъ самымъ вліяніемъ различныхъ климатовъ. Музыка Русская любитъ тоны унылые, выражаемые бемолью; музыка Италіянская отличается нѣжностію и живостію. Первая есть простое изліяніе сердца; послѣдняя — выраженіе самаго вкуса. Одна таится въ неизвѣстности и ожидаетъ генія, который открылъ бы ей новое и блистательное попри-

ще: другая же господствуетъ на стогнахъ и въ чертогахъ. Знаніе музыки въ Италіи почитается первымъ условіемъ общежитія. Самое правительство смотритъ на это искусство, какъ на главную потребность государственную. Въ прошломъ году его святѣйшество папа Леонъ XII произвелъ четырнадцатилѣтняго мальчика въ графское достоинство — за то только, что таланты его и успѣхи въ игрѣ на фортепіано подавали лестную о немъ надежду.

Въ Италіи мало поэтовъ, но есть *импровизаторы*. Способность выражать всякой предметъ стихами безъ всякаго приготовленія и безъ малѣйшей остановки есть такой феноменъ, котораго объясненіе еще на долго останется загадкою для психологовъ. Обыкновенно приписываютъ ее начетливости, памяти, частому упражненію въ общихъ піитическихъ мѣстахъ и особенно гибкости и гармоніи языка. Къ этому надобно прибавить и вліяніе самаго климата; потому что въ Италіи были импровизаторы еще и въ древнія времена. Овидій, какъ извѣстно, говорилъ стихами почти

съ самаго младенчества. Я былъ свидѣтелемъ достопримѣчательныхъ въ этомъ родѣ опытовъ старца Микели, въ городѣ Эсѣ, что́ въ Савойѣ. Одинъ изъ числа посѣтителей предложилъ ему тему превращенія Лотовой жены въ соляной столпъ. Сухость предмета принудила старика на нѣсколько минутъ задуматься и сморщиться. Потомъ онъ выступилъ на сцену и дрожащимъ голосомъ началъ пѣть родъ приступа, возвышая первое и понижая послѣднее въ каждомъ стихѣ полустишіе. По окончаніи этой прелюдіи, которая продолжалась около четверти часа и приготовляла его постепенно ко вдохновенію, онъ произнесъ на заданный предметъ около двухъ сотъ стиховъ, сопровождая ихъ сильными тѣлодвиженіями. Послѣ этого опыта предложили ему воспѣть жалобы Аріадны на измѣну Тезея. Чело старца прояснилось; и, казалось, онъ чувствовалъ приближеніе Аполлона. Начавъ равнымъ образомъ прелюдіею, онъ произнесъ, не останавливаясь, до трехъ сотъ лирическихъ стиховъ, въ которыхъ удивилъ знатоковъ языка Италіянскаго правильностію стопосложенія, силою

чувствъ и новостію мыслей. Потухающее его воображеніе, какъ говорили, еще вспыхиваетъ и бросаетъ блестящія искры.

Ораторское искусство въ большемъ упадкѣ въ Италіи и остается почти на однѣхъ каѳедрахъ церковныхъ. Кто не видалъ Италіянскихъ проповѣдниковъ, и особливо молодыхъ каноников; тотъ не можетъ вообразить, какую вольность они позволяютъ себѣ въ чтеніи и тѣлодвиженіяхъ. То расхаживаютъ взадъ и впередъ по каѳедрѣ и разговариваютъ сами съ собою; то внезапно обращаются къ слушателямъ съ громами или съ язвительною сатирою; то вдругъ бросаются въ кресла и, развалившись въ нихъ небрежно, обмахиваютъ себя платкомъ, какъ вѣеромъ.

Есть еще въ Италіи родъ витійства, который можно назвать *пародическимъ*. Имъ завѣдываютъ обыкновенно площадные шарлатаны, говорящіе всегда тономъ напыщеннымъ о предметахъ самыхъ мѣлкихъ и низкихъ. Изъ числа ихъ обратилъ мое вниманіе одинъ зубной лѣкарь, урожденный Римлянинъ, котораго я видѣлъ въ Туринѣ. Онъ

явился на площади въ великолѣпной колесницѣ, запряженной двумя гордыми конями. Народъ толпился вокругъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ открытія рѣчи;—между тѣмъ какъ зубной врачь, нахмуривъ брови, казался еще погруженнымъ въ глубокія думы, какъ нѣкогда Димосѳенъ передъ вступленіемъ на каѳедру съ важнымъ политическимъ предложеніемъ. Наконецъ онъ всталъ съ сѣдалища, приподнялъ шляпу и началъ приступъ со всею скромностію, предлагаемою въ риторикахъ, и такимъ же почти періодомъ, какимъ начинается рѣчь Цицеронова за законъ Манилiевъ; однимъ словомъ: операторъ-ораторъ. Лице его исполнено было выраженія; голосъ чистый и сладкій; въ лѣвой рукѣ держалъ зубные щипчики, правою дѣлалъ движенія, по большей части умѣренныя, приличныя сану оратора и ходу рѣчи. Онъ разсуждалъ, доказывалъ, плѣнялъ и трогалъ. Мѣсто, гдѣ онъ описывалъ болѣзни человѣка, есть одно изъ достопримѣчательныхъ. „Это бѣдное твореніе, воскликнулъ онъ, раждаемое въ болѣзняхъ и умирающее отъ болѣзней, поставлено въ семъ мірѣ для того, чтобы во

всю жизнь свою бороться съ болѣзнями. Такъ, братья мои! Вся наша жизнь не что иное, какъ безпрерывная война. Правосудное и преблагое небо, посылающее во гнѣвѣ своемъ этихъ бичей нашей плоти, въ тоже время посылаетъ намъ крѣпкую броню и сильныхъ помощниковъ. Броня эта — рѣшительность, помощники—искусные врачи. Но мы не хотимъ имѣть рѣшительности и отвергаемъ руку помощи, простираемую врачами. О! какое странное и непостижимое явленіе въ цѣпи твореній, этотъ человѣкъ, называемый существомъ разумнымъ! Онъ страждетъ и готовъ предпочесть цѣлую жизнь страданій одному мгновенію боли. Но что такое одно мгновеніе въ цѣлой жизни? —Одно мгновеніе? Это капля, упавшая въ обширный и неизмѣримый океанъ. Одно мгновеніе? Это молнія, мелькнувшая въ безпредѣльности небесъ. Одно мгновеніе? О сколько уже пролетѣло драгоцѣнныхъ мгновеній съ той минуты, какъ я началъ съ вами бесѣдовать!" Это единоначатіе uno momento произвело сильное волненіе въ слушателяхъ. Ораторъ хотѣлъ воспользоваться дѣйствіемъ

своей рѣчи и бросилъ послѣдній перунъ краснорѣчія. „Думаете ли вы, продолжалъ онъ, что корыстолюбіе водитъ моею душею и моими руками? Нѣтъ, друзья мои! Я врагъ этого низкаго чувства; душа моя чиста; руки мои неповинны. Состраданіе, одно состраданіе къ страждущимъ моимъ братіямъ привело меня на эту площадь.—Ну! идите сюда, кому угодно, идите; я буду дергать зубы даромъ, безъ платы.“ Заключеніе это, повидимому, было самымъ убѣдительнымъ доводомъ и самою пріятною фигурою изъ всей его длинной рѣчи... Oratio triumphat, — и робкіе крестьяне потянулись гусемъ къ ораторуоператору. Они становились на подножки коляски и стояли съ разинутыми ртами еще и въ то время, когда выдернутые ихъ зубы уже летали надъ головою любопытной публики. Картина забавная, особливо въ профилѣ.

Можно бы еще многое сказать объ Италіянцахъ; но, къ сожалѣнію, надобно было бы говорить о предметахъ, оскорбляющихъ наблюдателя и всѣхъ друзей человѣчества.

Конецъ III-й части.

ОГЛАВЛЕНІЕ III-й ЧАСТИ.

Стран.

ЖЕНЕВА, 1823—1825 года.

Положеніе города. Замѣчательнѣйшія улицы. Модные магазины. Портшезы. Терраса Трель. Ботаническій садъ. Островъ; гидравлическая машина. Плата за входъ и выходъ изъ города ночью. Маневры національной гвардіи.....1.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Народонаселеніе Женевскаго кантона. Дачи городскихъ жителей. Гора Салевъ. Альпійскій водоемъ. Горныя пещеры.....11.

ФЕРНЕЙСКІЙ ЗАМОКЪ.

Положеніе и наружность замка. Спальня Вольтера. Портретъ Екатерины II. Памятникъ Вольтеру. Страсть его къ театру; пренебреженіе къ Женевской республикѣ; раздражительность противъ Іезуитовъ и Католическаго духовенства. Свиданіе Вольтера съ квакеромъ изъ Филадельфіи. Рѣшеніе вопроса: вѣровалъ ли Вольтеръ въ бытіе Бога. Благотворительность его къ бѣднымъ.....17.

Стран.

ПОѢЗДКА ВЪ ШАМУНИ, 1823 *года Августа*...

Надпись Французской директоріи на фронтонѣ Католической церкви въ г. Шенѣ. Утесъ съ вертикальными слоями. Городъ Бонвиль. Савоярскія деревни; гумно и токъ подъ крышею домовъ. Бальмская пещера. Озеро Фленское на горѣ. Горное эхо. Арпенасскій водопадъ. Мѣсто Римскаго города Діонисіи, поглощеннаго водою. Шедскій водопадъ. Шедское озеро. Развалины горы Лутерна. Черный водоскатъ. Памятникъ Датчанину Эшену, погибшему въ ледникѣ горы Бюета. Римская каменная мостовая. Анекдотъ о заколдованномъ кладѣ въ замкѣ Св. Михаила.....34.

ШАМУНИ, 6 Августа.

Шамунійская долина. Вооруженная экспедиція Покока въ 1741 году для открытій въ здѣшнемъ краю. Вожатые, пользующіеся Европейскою извѣстностію Освѣщеніе Монблана и смежныхъ горъ при захожденіи солнца.....50.

ЛЕДЯНОЕ МОРЕ, 7 Августа.....56.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Группы горъ въ видѣ треугольниковъ. Образованіе ледниковъ; движеніе ихъ внизъ цѣлыми массами; измѣреніе пространства, занимаемаго ими между Монбланомъ и Тиролемъ. Предосторожности для путешествія по ледникамъ. Пастухъ —выходецъ изъ ледяныхъ пропастей. Талефрскій садъ посреди ледниковъ. Павильонъ на Монтанверѣ; книга друзей. Арвейронскій водоскатъ. Исторія братьевъ Шарле, пострадавшихъ отъ снѣгу и отъ Русскихъ.....61.

ВѢРОИСПОВѢДАНІЕ ЖЕНЕВЦЕВЪ.....70.

Стран.

ГРАЖДАНСКІЕ ПРАЗДНИКИ ВЪ ЖЕНЕВѢ.....79.

УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА.....89.

КЛУБЫ.....95.

ПОѢЗДКА ВЪ СѢВЕРНУЮ ШВЕЙЦАРІЮ, 182¦ *года Августа*.....101.

БАДЕНЪ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.....106.

ЦІОРИХЪ.....108.

ЖЕНЕВА....

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ Г-на ДІОРАНА.....119.

ИГРА Г-жи ДЮШЕНУА, ПЕРВОЙ ТРАГИЧЕСКОЙ АКТРИСЫ ПАРИЖСКОЙ 1823 *года*.....125.

КОМИЧЕСКІЙ АКТЕРЪ ПЕРЛЕ.....154.

ЭСЪ ВЪ САВОИ, 3 *Августа н. с.* 1825 *года*.....170.

ПРОДОЛЖЕНІЕ, 8 *Августа н. с.*.....179.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ИТАЛІИ.

БРИГЪ, $\frac{12}{24}$ *Августа* 1825 *года*.

Города Тононъ и Эвіанъ. Дорога и утесы Мельерійскіе. Кантонъ Валезскій: г. Сентъ-Морисъ; водопадъ Писнашъ; г. Сіонъ; кретины; смѣшеніе климатовъ.....184.

СИМПЛОНЪ, $\frac{13}{25}$ *Августа*.....190.

БАВЕНО.....199.

БОРРОМЕЙСКІЕ ОСТРОВА, $\frac{14}{26}$ *Августа*.....202.

СВЯТАЯ ГОРА.....211.

Стран.

МИЛАНЪ, $\frac{16}{28}$ *Августа.* СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ.....215.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКВЕЙ МИЛАНСКИХЪ.....224.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Знаменитые зодчіи: Брамантъ, Пеллегрини и Шермарини: театры Скала и Канобіана.....231.

АРЕНА.....236.

ТОРЖЕСТВЕННЫЯ ВОРОТА НА МАРСОВОМЪ ПОЛѢ.....239.

ЛОМБАРДСКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ.....241.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ КАРТОНЪ АѲИНСКОЙ ШКОЛЫ, РАФАЕЛЯ.....247.

БРЕРА, $\frac{18 \text{ Августа.}}{30 \text{ Сентября.}}$.....250.

БРЕРСКІЙ АЛМАЗЪ.....256.

ПРИДВОРНЫЙ НАПОЛЕОНОВЪ ЖИВОПИСЕЦЪ АППІАНИ.....260.

БРЕСЧІЯ, $\frac{20 \text{ Августа.}}{1 \text{ Сентября.}}$

Вновь открытый Римскій храмъ. Рѣшеніе вопросовъ, когда онъ построенъ, кому посвященъ и по какому случаю засыпанъ былъ землею. Произведенія Рафаеля и Кановы въ домѣ графа Пауло Този.....266.

Стран.

ВЕРОНА $\frac{21 \text{ Августа.}}{2 \text{ Сентября.}}$

Огромный древній амфитеатръ. Споръ объ немъ антикваріевъ,—образчикъ полемики срединхъ вѣковъ. Римскія ворота и мостъ, строенные Витрувіемъ. Примѣчательныя новыя зданія. Павелъ Веронезъ. Древности въ Веронеттѣ.....271.

ВИЧЕНЦА, $\frac{22 \text{ Августа.}}{5 \text{ Сентября.}}$

Описаніе Олимпійскаго театра, сооруженнаго знаменитымъ Палладіемъ, по образцу древнихъ театровъ.....280.

МЕСТРА.

Берега Бренты. Венеціянская серенада. Метода Италіянскаго пѣнія. Характеръ Италіянскихъ народныхъ пѣсенъ.....288.

ВЕНЕЦІЯ, $\frac{25 \text{ Августа.}}{4 \text{ Сентября.}}$

Видъ Венеціи и окружающихъ ее острововъ. Планъ города, пересѣкаемаго 400 каналовъ. Гондолы. Ріальтскій мостъ. Устройство гостинницы Британіи.....292.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Площади Св. Марка и дворца Дожей. Наружность церкви Св. Марка. Четыре бронзовые коня, приписываемые Лизиппу. Богатыя украшенія портика, стѣнъ и сводовъ храма. Святыни. Археологическіе памятники.....299.

ДВОРЕЦЪ ДОЖЕЙ.

Фасадъ; дворъ; большія и малыя залы. Изображенія Вѣры и Венеціи. Тинтореттовъ рай. Антики. Страшный судъ мад-

Стран.

шаго Пальмы. Впечатлѣнія, оставшіяся послѣ посѣщенія дворца Дожей.....307.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Примѣчательнѣйшія церкви въ Венеціи: Св. Апостоловъ Іоанна и Павла; Іезуитская; Здравія; Дельфари.....313.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Оружейная зала Арсенала; памятникъ Анджелу Эму, Кановы. Картинная галлерея гр. Манфрини: Носвъ Ковчегъ и снятіе со креста, Рафаеля. Академія художествъ: Венера Медицейская и Венера Кановы; модель памятника Кановѣ; Вознесеніе Божіей Матери,—Тиціана.....318.

ПАДУА, $\frac{1}{13}$ *Сентября*.....325.

ФЕРРАРА, $\frac{2}{14}$ *Сентября*.....329.

БОЛОНЬЯ, $\frac{3}{15}$ *Сентября*.....331.

ВІДЕНЕ.....335.

БОЛОНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.....337.

МОДЕНА, $\frac{6}{18}$ Сентября.....340.

ПАРМА, $\frac{7}{19}$ Сентября.....342.

ПІАЧЕНЦА и ЛОДИ, $\frac{8}{20}$ *Сентября*.....345.

ТУРИНЪ, $\frac{15}{27}$ *Сентября*.

Мѣстоположеніе. Дворцовая площадь. Дворецъ. Университетъ. Планировка улицъ. Площадь Св. Карла. Церковь Суперга.....349.

Стран.

ГАЛЛЕРЕЯ МАРКИЗА ГАМБІАТИ.....355.

СУЗА, 20 Сентября. / 2 Октября. .....360.

МОНСЕНИСЪ, 21 Сентября. / 3 Октября. .....363.

АЛЬПЫ.....370.

ДОЛИНА МОНМЕЛЬЯНСКАЯ.....373.

ИТАЛІЯНЦЫ.....375.

ОПЕЧАТКИ

Третьей части.

стран.	строк.	*Напечатано:*	*Исправить:*
4	15	тріугольники	треугольники
69	21	оттуда его камень	оттуда камень
128	14	Іоанна д'Аркъ	Іоанну д'Аркъ
144	5	съ королемъ	съ герцогомъ
—	10	король	герцогъ
145	9	———	———
—	15	———	———
174	12	купался	купалися
207	13	возвышающійса	возвышающійся
212	5	надъ нимъ	надъ ними
243	5	Италіянскій	Италійскій
250		18 Августа. / 30 Сентября.	18/30 Августа.
263	23	этаго	этого
264	1	освящаютъ	освѣщаютъ
299	4	святыня	святыни
302	16	четыре бронзовыя коня	— бронзовые коня
328	19	между причимъ	— прочимъ
378	13	изображеніе	изображенія

2007042772

21/x 409

Антикварная
книжная
торговля
В.И. Клочкова.
С.П.Б.
Лютейный пр. 55.

Изола Белла.